

www.litru.ru

ОШО

Заратустра:

Смеющийся пророк

О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МУДРОСТИ

10 апреля 1987 года

Возлюбленный Ошо,

О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МУДРОСТИ

Страшна не высота, страшна пропасть!

Пропасть, где взор срывается вниз, а рука взлетает вверх. Тогда трепещет сердце от раздвоения воли. О друзья мои, угадываете ли вы и в моем сердце двойственность воли моей?..

За людей цепляется воля моя, цепями связываю я себя с людьми, — потому что влечет меня вверх, к Сверхчеловеку: ибо к нему стремится другая воля моя.

Вот почему слепо живу я среди людей, так, будто я вовсе не знаю их: чтобы рука моя не утратила совсем веры в опору...

Моя первая человеческая мудрость в том, что я даю себя обманывать, чтобы не остерегаться обманщиков...

Моя вторая человеческая мудрость в том, что я больше щажу тщеславных, чем гордых.

Не есть ли оскорбленное тщеславие, мать всех трагедий? Но где оскорблена гордость, там вырастает нечто лучшее, чем сама она.

Чтобы на жизнь интересно было смотреть, нужно, чтобы игра ее была хорошо сыграна, а для этого требуются хорошие актеры.

Хорошими актерами находил я всех тщеславных: они играют и хотят, чтобы смотрели на них — весь дух их сосредоточен в этом желании.

А вот моя третья человеческая мудрость: я не допускаю, чтобы из-за вашей трусости мне стал противен вид злых...

Есть и среди людей прекрасные порождения знойного солнца, и у злых есть много такого, что достойно восхищения.

И подобно тому, как мудрейших ваших нашел я не такими уж мудрыми, так же и зло ваше оказалось ничтожным по сравнению с молвой о нем...

Поистине, и у зла тоже есть будущее!..

И поистине, добрые и праведные, есть в вас немало смешного, и особенно — страх перед тем, кого до сих пор называли дьяволом!

Так чужда душа ваша великому, что Сверхчеловек был бы страшен вам в благости своей!..

А вы, высшие люди, которых видели глаза мои! Сомневаюсь я в вас и тайно смеюсь над вами: я думаю - дьяволом назвали бы вы Сверхчеловека!

Ах, устал я от всех этих "высших" и "лучших": еще выше надо мне подняться с их "высоты", прочь от них, ввысь, к Сверхчеловеку!

Ужас объял меня, когда увидел я этих "лучших" нагими; и тогда крылья выросли у меня, чтобы воспарить в дали грядущего...

Вас же, соседи и ближние мои, хочу я видеть переодетыми, принаряженными, почтенными и тщеславными, как и подобает, "добрым и праведным".

И сам я хочу восседать среди вас переодетым, чтобы не узнавали ни вас, ни меня: и в этом последняя человеческая мудрость моя.

...Так говорил Заратустра.

Заратустра — не мыслитель, он — пророк. Всякая мысль — это блуждание в потемках. Видение — это совершенно другое.

Слепой может думать о свете, но как бы напряженно он ни думал, это не даст ему никакого представления о свете. Его размышления всегда будут пустыми. Есть большая опасность, что он начнет верить в свои мысли. А если слепой начинает верить в свои мысли о свете, он напрочь забывает о том, чтобы позаботиться о глазах или найти врача, который может излечить его слепоту.

Есть прекрасная история из жизни Гаутамы Будды. Он остановился в одной деревне, и толпа привела к нему слепого. Представитель толпы сказал Гаутаме Будде:

— Мы специально привели к тебе этого слепого — он не верит в существование света, он доказывает, что света нет. У него очень острый интеллект и логический ум.

Все мы знаем, что свет есть, но не можем убедить этого слепого в существовании света. Наоборот, это он убеждает нас, что света нет.

Его аргументы настолько сильны, что мы не можем их опровергнуть. Он говорит: "Если свет существует, я хочу потрогать его, потому что я знаю вещи через осязание". А ведь свет невозможно потрогать. Он говорит: "Я узнаю вещи также на вкус, я могу попробовать свет". Но свет нельзя попробовать. Он говорит: "Я также могу понюхать вещи". Но свет не пахнет. Он говорит: "У меня только четыре чувства. Ударьте свет, как вы бьете в барабан — тогда я, по крайней мере, смогу услышать, как он звучит".

Мы устали от этого человека, и мало-помалу он даже заронил в нас сомнение: возможно, мы обманываемся, и он прав. А у него нет других дел. Вся его жизнь посвящена только одному

— убеждать людей, что света нет и идея, что у вас есть глаза — одно воображение.

И что делать с этим человеком? Заслышав, что ты можешь зайти в нашу деревню, мы очень обрадовались — конечно, такой великий просветленный, как ты, сможет доказать этому слепому дураку, что свет существует.

То, что сказал Гаутама Будда, очень символично и очень значительно. Он ответил:

— Этот слепой прав. Для него свет не существует. Почему он должен верить в нечто такое, чего он не может сам испытать? Ошибаются люди, живущие в этой деревне. Вместо того, чтобы убеждать его, вам надо было бы отвести его к врачу. Вы привели его ко мне; я не могу вернуть ему потерянное зрение, но могу позвать своего врача.

Он позвал своего личного врача, который всегда сопровождал Будду. Слепой сказал:

— А как же спор? Будда ответил:

— Подожди немного. Пускай врач осмотрит твои глаза. Врач посмотрел и сказал:

— Ничего особенного. Понадобится, самое большее, полгода, чтобы вылечить его. Будда сказал:

— Оставайся в этой деревне до тех пор, пока не вылечишь этого человека. Когда он увидит свет, приведи его ко мне - тогда будет смысл поспорить. Сейчас мы живем в двух разных измерениях; даже диалог невозможен. Что говорить о свете — этот слепой не видит даже тьмы, ведь и для того, чтобы видеть темноту, нужны глаза. И никакие аргументы не способны убедить...

Есть вещи за пределами аргументов, но они подвластны опыту. Заратустра — не мыслитель, не слепой, он — провидец.

Через полгода этот слепой пришел со слезами радости на глазах, танцуя. Он припал к ногам Будды и сказал:

— Мне очень жаль, что я хотел спорить о том, что неоспоримо, что я хотел доказательств там, где возможно только переживание. Об этом невозможно говорить. Это невозможно объяснить человеку, у которого нет глаз.

Вы отнеслись ко мне с большим состраданием, отказавшись спорить. Я всю жизнь спорил и терял время — я давным-давно мог вылечить глаза. А жить, не имея глаз — значит вовсе не жить. Сейчас я могу сказать это, ибо теперь я могу сравнивать — вся эта красота существования, красота цветов, красота восходов и закатов, красота звездных ночей, красота людей...

Я мог бы умереть, так ничего и не узнав о красоте, о радугах, не зная ничего о том, что доступно лишь зрению.

А наши жизненные переживания почти на восемьдесят процентов — зрительные. Лишь двадцать процентов поступают из других органов чувств.

Когда я говорю, что Заратустра — не мыслитель, но провидец, я хочу подчеркнуть тот факт, что точно так же, как вы можете видеть глазами внешнее, существует способ смотреть внутрь самого себя. У вас есть внешние глаза; у вас есть и чувствительность, способность ко внутреннему видению. И до тех пор, пока человек не имеет этой способности, все споры бесполезны.

Вот почему Заратустра никогда ничего не доказывает; он просто излагает собственный опыт. Но если вы сможете понять его слова, это может стать началом внутреннего путешествия, чтобы увидеть самого себя; во всех других случаях люди смотрят наружу. Они так никогда и не осознают, что существует возможность заглянуть внутрь собственного существа, внутрь своей субъективности.

Серен Кьеркегор, один из самых выдающихся датских мистиков, сказал, что вся религия есть не что иное, как переживание собственной субъективности. Она не имеет никакого

отношения к Богу, она не имеет ничего общего с добродетелью, с раем и адом — все это выдумки.

Подлинную религию интересует лишь одно — исследовать ваш внутренний мир, открыть внутренний глаз. На Востоке его называют третьим глазом; это всего лишь символ, метафора. Но им возможно смотреть внутрь.

В тишине, полнейшей тишине, когда ум прекращает свою постоянную болтовню, вы внезапно начинаете осознавать огромное пространство, которое гораздо прекраснее, чем вы когда-либо грезили. Вы начинаете осознавать себя, и вся ваша жизнь преобразуется.

С видения себя в вас начинается сверхчеловек. Вы перестаете быть старым, рутинным, предубежденным, слепым последователем кого-то, кто сам, быть может, плывет в той же лодке, что и вы.

Человек, который может видеть самого себя, освобождается от всякого рабства — религиозного, идеологического, теологического, философского — ибо теперь у него есть собственное видение. Ему не нужно ни от кого зависеть. Ему не нужны никакие спасители, он уже спасен.

Слушая слова Заратустры, помните: они не основаны на рациональном анализе, это не ответы на какие-то конкретные вопросы. Это его озарения, его переживания, которые он, очень усердно и очень успешно, пытается сообщить людям, для которых их собственный внутренний мир — абсолютная неизвестность.

Это одна из величайших проблем — говорить о свете людям, у которых нет глаз. Но каждый потенциально может вылечиться, исцелиться. Все, что нужно — отложить все предрассудки и верования и быть невинным, незнающим, непредубежденным, как ребенок. Невинность может понять язык провидца, ибо провидец — тот же ребенок, на более высоком уровне, — в них есть нечто одинаковое.

Ребенок ничего не знает, а провидец все познал и отбросил все, потому что это — хлам. Оба подошли очень близко, и возможно некоторое общение. Это именно то, что нужно, когда вы пытаетесь понять человека, подобного Заратустре. Дело не в вашей интеллектуальной проницательности, дело в невинности вашего сердца.

Он говорит: Страшна не высота, страшна пропасть!

Пропасть, где взор срывается вниз, а рука взлетает вверх. Тогда трепещет сердце от раздвоения воли.

Он говорит о всяком человеке, который пытается выйти за пределы самого себя, который пытается превзойти себя, который пытается стать кем-то высшим, чем он сам. Он сталкивается с проблемой — его руки воздеты вверх, но под ним — ужасная пропасть. Опасность в том, что, если вы ослабите хватку, то вместо того, чтобы стать сверхчеловеком, вы можете пасть в состоянии ниже человеческого.

Согласно Заратустре, человек — это канат, натянутый над пропастью. С одной стороны, человек соединен с миром животных, а с другой, в нем есть страсть, стремление выйти за пределы человеческого, — ибо человек не сущность, человек - всего лишь мост; это нечто, что нужно пройти, это лестница.

Но миллионы людей вообще не пытаются подняться вверх из-за вполне понятного страха: с того момента, когда вы начинаете подниматься, возникает возможность сорваться вниз, упасть. Маленький неверный шаг... а ужасная пропасть совсем рядом. Человек может стать много хуже любого животного.

Человек может превзойти даже богов, ибо все боги выдуманы людьми. Он может достичь гораздо более величественной реальности, чем его вымыслы — в этом его высота. Заратустра говорит: "Но любой высоте сопутствует пропасть. И в тот момент, когда вы

начинаете подниматься, вы рискуете". Высота не страшна. Быть может, подниматься и тяжело, но это не ужасно. Ужасна пропасть рядом. Один-единственный неверный шаг, всего лишь мгновение неосознанности, и вы можете упасть; вы можете пасть ниже животных.

О, друзья мои, угадываете ли вы и в моем сердце, двойственность воли моей? Всякий, кто хочет развиваться, разделен: биологическая, физиологическая гравитация тянет его вниз, а с высот, с солнечных вершин, зовет его духовное стремление. Он разделяется, раздваивается.

А высота трудна. В этом причина того, что миллионы людей решили не тревожиться о высоте, не предпринимать никаких усилий, чтобы подняться над собой. Таким образом они могут избежать пропасти и падений. Они не принимают вызова высоты из-за страха, который содержится в таком вызове — страха бездонной пропасти и ужасного падения.

Конечно, кто не пытается подняться, никогда не падает; он никогда не сделает неверного шага, он не движется. Эти люди просто остаются на месте. Но их жизнь — почти смерть, ибо жизнь что-то значит только тогда, когда она — постоянное движение к вершинам, радостное приятие вызова, исходящего с высоты, и смелость духа, готового к пропасти. Но будьте бдительны и сознательны, чтобы не сделать неверного шага!

Это почти как ходить по канату — это необычайно захватывающе. Экстаз тех, кто достиг вершины, неизмерим. Только они прожили свою жизнь; остальные просто проводили время.

За людей цепляется воля моя, цепями связываю я себя с людьми, потому что влечет меня вверх, к Сверхчеловеку: ибо к нему стремится другая воля моя. Заратустра анализирует собственное положение. Анализируя собственное положение, он анализирует положение любого человека.

Он говорит: "Я приковываю себя к людям, ибо мне страшно. Во мне есть великое стремление превзойти самого себя, и я боюсь зова вершин. Непреодолим их вызов, но двигаясь к этим высотам, я не могу забыть о пропасти. Чтобы избежать ее, я цепляюсь за статус-кво, за существующее положение вещей. Я создаю всевозможные отношения, оковы, цепи, лишь бы не быть свободным — лишь бы быть настолько занятым миром, затеряться в людской толпе, чтобы мои грезы и стремления не тянули меня к вершинам. Но...влечет меня вверх, к Сверхчеловеку".

Вот почему слепо живу я среди людей, так, будто я вовсе не знаю их: чтобы рука моя не утратила совсем веры в опору. Я слепо живу среди людей, принимая их суеверия, принимая все их глупые идеи, поскольку не принимать их — значит выпасть из толпы. А я боюсь остаться один, ибо в одиночестве есть лишь одно, и это — непреодолимое стремление достичь солнечных пиков.

Его слова относятся к положению каждого человека.

Почему вы продолжаете быть частью толпы? Почему не отстаиваете своей индивидуальности? Почему продолжаете играть псевдороль, навязанные другими, и не восстаете? Почему принадлежите к такому множеству организаций — религиозных, политических, социальных — зная, что это вам никак не поможет; что это не может стать основанием вашего роста. Это просто приведет вас к могиле... все ваши ротари-клубы, клубы львов, все политические партии и все ваши религии.

Вы носите со своими священными писаниями, но никогда не заглядываете в них. Вы не без основания боитесь, что у вас возникнут сомнения — священным книг никто не читает.

Я слышал о торговце, который продавал энциклопедии и словари. Однажды он постучал в дверь и показал открывшей ему леди самую новейшую энциклопедию. Она сказала:

— Мы уже купили ее. Посмотрите, она лежит там, на столе в дальнем углу комнаты. Вторая нам не нужна. Продавец посмотрел на стол и сказал:

— Мадам, это не энциклопедия, это Библия. Женщина не могла поверить в это — он умудрился рассмотреть, что это Библия? Она сказала:

— На каком основании вы утверждаете, что это Библия, когда я говорю вам, что это энциклопедия?

Он ответил:

— Это не энциклопедия, мне видно, какой слой пыли на ней. Это может быть только Святая Библия.

Маленького мальчика спросили в школе:

— Ты когда-нибудь заглядывал в Библию?

— Много раз, — ответил мальчик. Учитель спросил:

— Можешь ли ты рассказать мне что-нибудь из Библии? Он ответил:

— Все что хотите.

Учитель удивился. Он спросил:

— Все?

— Все, — ответил ребенок. — Моя мать хранит в ней волосы папы.

— Твой отец умер? — поинтересовался учитель.

— Нет, он не умер, но волосы у него выпали. Он облысел, и это — просто воспоминание о молодости. А моя сестра держит там любовные письма от своих дружков, и чтобы прочесть их, мне приходится заглядывать в Святую Библию.

Люди хранят в священных книгах все что угодно, но никто не читает их. И не может быть просто случайностью, что из миллионов человек, населяющих мир, никто не читает своих священных писаний. Причина в том, что есть определенный страх: читая их, вы можете потревожить свою веру в них. Они могут показаться глупыми, они могут показаться иррациональными; а вы не хотите отпасть от паствы.

Если вы христианин, вы хотите остаться христианином по той простой причине, что в толпе уютно, это — определенная безопасность. Вы не одиноки, миллионы людей точно такие же, как вы — а все они не могут ошибаться. Это дает вам огромное утешение.

Если вы оставлены в одиночестве, вам придется заглянуть внутрь себя. Когда ничто внешнее не занимает вас, в одиночестве неминуемо возникает это стремление к высоте, желание взлететь к солнцу, подобно орлу, ибо оно есть в каждом человеке.

Жизнь хочет превзойти самое себя.

Это одно из важнейших учений Заратустры: жизнь хочет превзойти самое себя. Но в этом преодолении есть риск — вы можете стать новым, только если старое умрет. Риск очевиден. Кто знает... если старое умрет, а новое никогда не придет?

Когда старый лист падает с дерева, где гарантия того, что его место займет другой — моложе, свежее, зеленее? Падая, старый лист идет на риск, дерево рискует. Человек, который хочет, чтобы в его жизни произошла трансформация, должен идти на риск.

Моя первая человеческая мудрость в том, что я даю себя обманывать, чтобы не остерегаться обманщиков. Вам постоянно приходится быть на страже. Вокруг вас так много обманщиков. Заратустра говорит: "Моя мудрость в том, что я позволяю им обманывать; благодаря этому мне не нужно постоянно беспокоиться и остерегаться. Это позволяет мне расслабиться. Я принимаю, что они обманут меня".

Нет необходимости быть на страже, потому что настороженность — одно из величайших беспокойств человечества. Людей так много... вы должны быть на страже. Все - чужие, даже самые близкие вам люди — чужие. Никогда нельзя знать, что они вам сделают.

Заратустра говорит: "Я позволяю им обманывать меня просто ради спокойствия". Это дешевле и проще, чем постоянно быть на страже — в напряжении, беспокойстве, наблюдая за

всеми, смотря на каждого как на врага.

Моя вторая человеческая мудрость в том, что я больше щажу тщеславных, чем гордых.

Не есть ли оскорбленное тщеславие мать всех трагедий? Но где оскорблена гордость, там вырастает нечто лучшее, чем сама она.

Его озарения необычайно свежи и новы. Он говорит: "Лучше быть гордым, чем тщеславным, потому что, если ваша гордость уязвлена... А она неминуемо будет уязвлена, поскольку вы здесь не одни — миллионы других гордецов соревнуются с вами. Но если оскорблена гордость, из нее всегда вырастает нечто лучшее. Чтобы доказать свое превосходство, чтобы вернуть гордость и достоинство, вы должны совершенствоваться".

Настоящая проблема — это тщеславный человек, который абсолютно пуст, который пытается показать свое смирение, кротость и простоту. Вы не можете оскорбить его — как вы можете оскорбить смиренника, как вы можете задеть кроткого человека? Он всегда будет одинаковым. Он никогда не станет лучше, поскольку для него не будет никакого вызова.

Обычно религии восхваляли смирение и осуждали гордость, но у Заратустры на каждом шагу есть нечто оригинальное. С ним можно соглашаться или не соглашаться, но нельзя сказать, что то, что он говорит — незначительно.

Все в мире, чем может гордиться человечество, создано гордыми; оно не создавалось так называемыми скромниками. Знаете ли вы скромного художника, скромного поэта, знаете ли вы скромного творца, скромного танцора, скромного певца? По-видимому, скромным кажется, что самой своей скромностью они оказывают человечеству великую службу. Но их смирение не много стоит.

Возможно, за скромностью они просто пытаются спрятать свою трусость, творческое бессилие. Возможно, в своей кротости они просто уходят от соревнования, состязания. Возможно, их скромность — не что иное, как бегство от жизненной борьбы. Это не позитивная ценность, это негативная ценность.

Чтобы на жизнь было интересно смотреть, нужно, чтобы игра ее была хорошо сыграна, а для этого требуются хорошие актеры.

Хорошими актерами находил я всех тщеславных, они играют и хотят, чтобы смотрели на них — весь дух их сосредоточен в этом желании.

Скромный человек скромн лишь для того, чтобы его уважали. Это очень противоречивое желание: быть скромным и быть уважаемым; быть смиренным и почитаемым.

Заратустра говорит: "Все они — хорошие актеры, и все их желание — в том, чтобы о них узнали".

У Калила Джибрана есть прекрасная история... Жил-был один очень святой пес, и единственным отличием его философии от философии всех остальных собак было то, что собаки не развиваются оттого, что все время лают понапрасну и тратят свою энергию зря.

— Почему вы лаете на луну? — И бедные псы переглядывались друг с другом: "Ну что тут скажешь?" — Почему вы лаете на всех людей в форме? — Собаки очень против формы — полицейских, почтальонов, саньясинов. Как только собака видит человека в форме, она сразу начинает подозревать неладное.

Этого святого пса все больше и больше почитали и уважали. Бедные-несчастные собаки говорили:

— Ты — великий пес, а мы — всего лишь самые обыкновенные собаки. Нам стыдно, но что мы можем поделать? Мы не можем контролировать; побрехать для нас — слишком большое искушение. Мы всячески стараемся держать себя в рамках. Нам понятна твоя идея — если мы перестанем лаять, у нас накопится столько энергии, что сама эта энергия превратится в развитие.

Святой становился все более и более великим, и собаки поклонялись ему. В конце концов, однажды в полнолуние они решили: "Хотя бы раз в году — а эта ночь полнолуния приходилась на день рождения великого святого — хотя бы в день его рождения мы должны помолчать. Конечно, не лаять целую ночь — да еще в ночь полнолуния — будет очень трудно, но мы должны сделать это, хотя бы в честь великого святого".

Они решили: "Что бы ни случилось, каждый должен забиться в темный уголок, закрыть глаза и лечь. И не смотреть всю ночь туда-сюда. Это вопрос всего-то одной ночи, а завтра мы можем налаяться всласть, но этой ночью..." Великий святой был крайне озадачен. Прошел час, луна поднялась высоко; два часа прошло, но нигде не было видно ни одной собаки. Куда они все подевались? И нигде не было слышно лая. Ощущение было очень странное.

Близилась полночь, и впервые великий святой понял, как ему до сих пор удавалось сдерживаться от искушения полаять. В конце концов, он тоже собака. Он мог удержаться, потому что ему было некогда. Вся его энергия уходила на проповеди, которые он произносил по всему городу, на то, чтобы держать собак в руках и поучать их: "Ваш лай — наше падение".

Он весь день напролет лаял на других собак! Но этой ночью внезапно в его горле возникло ужасное раздражение, непреодолимое... Прошло полночи, и он впервые обнаружил, что он — тоже собака. Надо было что-то делать; это становилось уже слишком.

Он пошел в темный уголок и залаял. Другие собаки услышали, что кто-то нарушил договор. Они тоже страдали полночи, и раз уж один нарушил соглашение, они тоже не обязаны больше соблюдать его, контракт окончен.

Весь город внезапно наполнился собачьим лаем, и святой вернулся и снова начал учить: — Я столько раз повторял вам, но даже в день моего рождения вы не можете помолчать хотя бы одну ночь. Это падение. Именно поэтому другие животные достигли высших стадий развития, а собаки, обладающие таким огромным потенциалом, все еще отстают.

Собаки сказали:

— Прости нас. Просто кто-то нарушил соглашение, но мы не знаем кто. Мы продержались полночи... ты понимаешь, как это было трудно. Это под силу только святым вроде тебя. Мы — самые обычные шавки, совсем безнадежные. Мы готовы поклоняться тебе, мы готовы верить в тебя, мы — твои последователи, но мы не можем измениться.

Все тщеславные люди — притворщики, лицемеры, актеры. Они могут играть святых — фактически, они играют святых; все, что им необходимо — это уважение.

В тот день, когда святым перестанут поклоняться, святые исчезнут. Чем больше вы почитаете святых, тем больше людей готовы делать противоестественные вещи, вещи против самих себя. Желание признания, желание уважения, желание считаться "праведнее всех" так велико, так непреодолимо.

Заратустра говорит: "Нельзя осуждать людей, которые имеют гордость, поскольку если они оскорблены, они могут подняться выше — хотя бы для того, чтобы защитить свою гордость, отстоять характер". Действительно уродливая часть человечества — это тщеславные актеры. Они абсолютно пусты, но готовы сыграть все, что вы захотите.

А поскольку это только игра, это одни люди с парадного входа и совершенно другие — с черного. С парадного входа они — святые; а у задней двери вы найдете настоящих грешников — они грешат в отместку! Но у парадного они вновь стоят в гриме, чтобы принимать ваше поклонение, ваше уважение, ваши почести, ваши награды.

А вот моя третья человеческая мудрость: я не допускаю, чтобы из-за вашей трусости мне стал противен вид злых.

Есть и среди людей прекрасные порождения знойного солнца, и у злых есть много такого, что достойно восхищения.

Заратустра видит вещи без всяких предрассудков.

Он говорит: "Даже в так называемых злых я видел много достойного восхищения. Я видел и ваших так называемых великих святых, которые были всего лишь актерами, и ваших праведников, которые имели только видимость таковых... даже в злых я видел нечто достойное восхищения".

И подобно тому, как мудрейших ваших нашел я не такими уж мудрыми, так же и зло ваше оказалось ничтожным по сравнению с молвой о нем. Ваши мудрецы не так уж мудры, и ваши злые не настолько злы, как вы думаете. На самом деле, ваши мудрецы и ваши злые не очень-то отличаются — это две стороны одной монеты. Возможно, злые более искренни, а ваши так называемые святые и праведники — всего лишь актеры. Злые, по крайней мере, не играют; они по-настоящему злы. В них есть определенная искренность, и эта искренность делает их достойными восхищения.

Поистине, и у зла тоже есть будущее! Даже у самого злого человека есть будущее. Если он способен быть злым, то у него есть отвага, сила — трусы не могут быть злыми — и стоит только бросить вызов его смелости, как он может в любой момент измениться. Возможно, он зол оттого, что это — единственная возможность для людей, которые хотят жить опасно, которые не хотят жить прохладной жизнью, влачить тепловатое существование.

Массы живут весьма прохладной жизнью, а ваши святые не живут вообще. Вы не оставили ясных указаний для тех, кто хочет жить тотально, полно, интенсивно... для них нет руководств. Если эти люди становятся бунтовщиками против ваших социальных норм, против вашего лицемерного общества, они могут стать также и невероятно добрыми. Все, что нужно — это вызов. А сейчас только зло дает им этот вызов.

Заратустра говорит: "Если мы хотим, чтобы сверхчеловек пришел в мир, мы должны "добрую жизнь" тоже превратить в вызов, тоже сделать опасной".

И поистине, добрые и праведные! Есть в вас немало смешного, и особенно — страх перед тем, кого до сих пор называли Дьяволом! Он говорит, о так называемых добрых и праведных, что их доброта очень поверхностна. Копните чуть глубже, царапните их, и вы обнаружите зверя. Люди, которых вы называете "праведными" — просто шоумены. Если вы глубже заглянете в их жизнь, если их жизнь станет открытой книгой, вы удивитесь: этих людей считают великими, добрыми и праведными, однако у них есть и другая жизнь, подпольная. У них есть свои секреты.

Президента Джона Кеннеди при жизни уважали, как одного из самых праведных и справедливых президентов Америки — такой добрый и хороший человек. Однако после его смерти, после убийства на свет вышли такие вещи, которые шокировали людей, не подозревавших о его подпольной жизни.

Все осуждали его жену, когда она вышла замуж после того, как его убили. Но теперь никто не может сказать против нее ничего дурного, потому что еще когда Кеннеди был жив, он обманывал ее. У него было много других женщин; президентство давало ему власть и привлекательность, и у него были связи со многими актрисами. Но это была подпольная жизнь; в остальном он был очень моральным человеком.

И все ваши так называемые добрые и праведные остаются добрыми и праведными только потому, что их жизнь никогда не открывается вам полностью; а если она и открывается вам, то только после их смерти. А тогда кому это интересно?

И поистине, добрые и праведные! Есть в вас немало смешного, и особенно — страх перед тем, кого до сих пор называли Дьяволом!

Ваши так называемые добрые, праведные, святые и преподобные боятся Дьявола. Заратустра говорит: "Это смешно, это такой детский сад — сама идея Дьявола. А они боятся

Дьявола".

Но в этом есть нечто рациональное: они боятся Дьявола потому, что их привлекает другая фикция, и это — фикция Бога.

Добро и зло, Бог и Дьявол — это два противоположных полюса одного и того же вымысла. Дьявол не может существовать без Бога, а Бог не может существовать без Дьявола. Они нужны друг другу, они взаимодополняют. Поэтому те, кто поклоняются Богу, неминуемо боятся Дьявола.

Заратустра говорит: "Просто смешно, что поклоняются фикциям, что боятся фикций — и это так называемые великие люди: святые, праведники, справедливые, добрые. Злые даже более зрелые люди, чем ваши так называемые добрые".

А вы, высшие люди, которых видели глаза мои! Сомневаюсь я в вас и тайно смеюсь над вами: я думаю — дьяволом назвали бы вы Сверхчеловека!

Он понимает, что его сверхчеловек будет назван, так называемыми религиозными людьми, дьяволом — ведь сверхчеловек будет выходить за рамки ваших представлений о добре и зле, грехе и добродетели, аде и рае. Ибо сверхчеловек будет не ребенком, но зрелой, центрированной, полностью пробужденной личностью, и религиозные люди неминуемо осудят его как дьявола.

Ах, устал я от всех этих "высших" и "лучших": еще выше надо мне подняться с их "высоты", прочь от них, ввысь, к Сверхчеловеку!

Ужас объял меня, когда увидел я этих "лучших" нагими; и тогда крылья выросли у меня, чтобы воспарить в дали грядущего.

Это также и мой личный опыт: лучше не знать ваших так называемых великих людей слишком близко — поскольку тогда вы до смерти устанете даже от ваших величайших людей; вы сможете увидеть их суеверия, глупость.

Перед тем, как Британская империя исчезла из этой страны, одним из величайших штатов был Хайдерабад. Низам, король этого штата, был, наверное, самым богатым человеком мира, но жил он почти как бедняк.

Если бы вы его увидели, вы не поверили бы, что он — богатейший человек. В его штате находился величайший в мире алмазный рудник — все крупные алмазы, Кохинор и прочие, добыты в его руднике. Его дворец был полон алмазов; все подвалы были набиты алмазами. Их было так много потому, что обычно они сначала попадали к нему, он мог выбрать самые лучшие для дворца, а оставшиеся — продавать по всему миру. У него было так много алмазов, что их не считали, их взвешивали. Больше нигде в мире алмазы не взвешивают; но их было так много, что другого пути не было.

Этот человек был большим праведником, и из-за своей праведности он жил бедно. Он постоянно копил деньги — это было совсем нетрудно. В штате тысячи людей умирали от голода, а его дворец был набит алмазами, которые лежали без всякой пользы. А он был праведником только потому, что жил как бедняк.

Самое смешное в нем было то, что он страшно боялся привидений. В Хайдерабаде считалось, что если вы хотите защититься от привидений, вы должны... они особенно любят нападать по ночам, когда вы спите.

Чтобы защититься ночью, нужно засунуть одну ногу в мешок с солью. Низам Хайдерабадский всю жизнь спал, засунув ногу в мешок с солью, потому что привидения очень боятся соли, они не приближаются к соли — я не знаю, кто это выдумал. И этот человек постоянно читал святой Коран, и его уважали самые великие мусульманские ученые — но никому не приходило в голову, что это патология... боязнь привидений. Обороняйтесь от привидений, и вы — божий человек... Бог мог бы и позаботиться о вас. А если Бог не спасет, как

вас может спасти соль?

Он был праведен и очень прост, делая все, что положено мусульманину, но у него было пятьсот жен. Поскольку у самого Мухаммеда было девять жен, он разрешил своим последователям иметь столько жен, сколько они захотят. Можно ли считать простым и праведным человека, который боится привидений, имеет пятьсот жен, и ему даже не приходит в голову, что это абсолютно безобразно?

Женщины — не рогатый скот. И в существовании есть определенное равновесие; мужчин и женщин равное число. Если один человек имеет пятьсот жен, это значит, что четыреста девяносто девять мужчин останутся без жен. Что им делать? Они станут гомосексуалистами, им придется пойти на какие-то извращения, идти к проституткам, или они станут насильниками... но что бы ни случилось с этими четырьмястами девяносто девятью мужчинами, во всем виноват Низам.

Понаблюдайте за своими праведниками, за своими добрыми, за вашими так называемыми моральными людьми, и вы поразитесь, насколько отвратительна спрятанная реальность.

Ах, устал я от всех этих "высших" и "лучших": еще выше надо мне подняться с их "высоты", прочь от них, ввысь, к Сверхчеловеку!

Ужас объял меня, когда увидел я этих "лучших" нагими; и тогда крылья выросли у меня, чтобы воспарить в дали грядущего. В тот миг, когда я увидел этих "лучших" нагими, в их абсолютной реальности — не только фасад, не только маски — когда я увидел их подлинное лицо, мне стало так тяжело, что крылья выросли у меня, чтобы воспарить в дали грядущего

Вас же, соседи и ближние мои, хочу я видеть переодетыми, принаряженными, почтенными и тщеславными, как и подобает "добрым и праведным". Я хочу, чтобы вы оставались переодетыми, потому что если вы обнажитесь, весь этот мир покажется настолько отвратительным, что лучше вам быть принаряженными, почтенными и тщеславными, как и подобает "добрым и праведным".

И сам я хочу восседать среди вас переодетым, чтобы не узнавали ни вас, ни меня: и в этом последняя человеческая мудрость моя. Он говорит о мудрости. В подлинном обществе не нужна никакая мудрость. Нужно быть простым и открытым, доступным взору; не нужно никаких секретов. Скрытность всегда уродлива.

Сверхчеловек должен быть открытой книгой.

"Но пока сверхчеловек не пришел в мир, — говорит Заратустра, — я сам буду переодетым среди всех этих переодетых людей". Ибо раздеться среди этих переодетых людей значит быть распятым — в этом преступление Иисуса; значит быть отравленным — в этом преступление Сократа.

Заратустра говорит: в этом последняя человеческая мудрость моя.

... Так говорил Заратустра.

ТИШИНА

11 апреля 1987 года

Возлюбленный Ошо,

ТИШИНА

Заратустра говорит ученикам, что должен снова вернуться к уединению, хотя и делает это очень неохотно — ибо вчера вечером говорила с ним его "Тишина". Он рассказывает, что произошло.

Такую притчу поведаю я вам. Вчера, в самый безмолвный час, в час великой Тишины, земля ускользнула у меня из-под ног, и начался сон.

Стрелка передвинулась, часы моей жизни перевели дыхание — никогда еще не слышал я такой тишины вокруг себя; сердце мое сжалось.

Тогда беззвучно заговорила со мной Тишина:

"Ты знаешь это, Заратустра?"

И в ужасе я вскрикнул от этого немого шепота, и кровь отхлынула от лица моего: но я молчал.

И тогда во второй раз сказала она мне безгласно: "Ты знаешь это, Заратустра, но не говоришь!"

И я, наконец, ответил, словно упрямец: "Да, я знаю, но не хочу говорить!"

И снова безгласно заговорила она со мной: "Ты не хочешь, Заратустра? Не правда ли? Не прячься в упрямстве своем!"

И я, плача и дрожа, как ребенок, говорил: "Ах, я хотел, правда, но я не могу! Избавь меня от этого! Это свыше моих сил!"

И опять сказала она: "При чем тут ты, Заратустра! Скажи слово свое и погибни!"

Я отвечал ей: "Ах, разве мое это слово? Кто я такой? Я жду более достойного: я не стою даже того, чтобы погибнуть ради него".

И опять безмолвно заговорила Тишина: "О Заратустра, тот, кто должен двигать горами, тот приведет в движение и долины, и низменности".

Я ответил: "Еще ни одной горы не сдвинуло слово мое, и то, что говорил я, не доходило до людей. Да, я отправился к людям, но пока еще не дошел до них".

И сказала мне молча Тишина: "Что можешь знать ты об этом! Роса выпадает на траву в самое безмолвное время ночи".

И я отвечал: "Они насмехались надо мной, когда нашел я путь свой и пошел по нему; поистине, дрожали тогда ноги мои.

А они злорадствовали: "Ты забыл дорогу, а теперь еще и разучился ходить!"

И снова безгласно сказала Тишина: "Что тебе до насмешек! Ты тот, кто разучился повиноваться: теперь ты должен повелевать!"

Разве не знаешь ты, кто людям нужнее всего? Тот, кто приказывает великое.

Трудно осуществить великое: но еще труднее приказать его.

Вот что тебе непростительно: ты имеешь власть и не хочешь господствовать".

И я отвечал: "Мне недостает голоса льва, чтобы повелевать".

И тогда снова, подобно беззвучному шепоту, промолвила она: "Слова, что приносят бурю, — самые тихие. Мысли, приходящие кротко, как голубь, правят миром.

О Заратустра, ты должен быть тенью того, что грядет: так будешь ты повелевать и, повелевая, пойдешь впереди".

И я отвечал: "Мне стыдно"...

И снова безгласно проговорила она: "Ты еще должен стать ребенком и не стыдиться"...

И я долго колебался и дрожал и, наконец, сказал то же, что и в самом начале: "Я не хочу".

Тогда раздался вокруг меня смех. Горе мне! Как смех этот разрывал мне внутренности и терзал сердце!

И в последний раз прозвучал безмолвный голос: "О Заратустра, созрели плоды твои, но сам ты еще не созрел для них!

И потому тебе снова необходимо уединение: ибо должен ты еще дозреть"...

Теперь вы все слышали: почему должен я вернуться в уединение свое. Ничего не утаил я от вас, друзья мои.

И все это вы услышали от меня, самого скрытного из людей, — таким хочу остаться я и впредь!"...

Но когда Заратустра произнес слова эти, им овладела глубокая скорбь, ибо близка была разлука с друзьями, и он зарыдал; и никто не мог утешить его. Ночью же ушел он и покинул друзей своих.

...Так говорил Заратустра.

В жизни каждого мистика наступает момент, когда он чувствует, что потерпел неудачу — ибо он не может добраться до людей. Это не значит, что он не сделал все, что мог — просто на пути к людям стоит так много барьеров и преград.

Во-первых, опыт мистика достигается в абсолютной тишине и уединении. Требуется величайшее искусство, чтобы облечь это безмолвие в слова, чтобы перенести эту музыку в язык повседневности. Когда тишина превращается в звук, большая часть истины теряется. С этого начинается провал мистика.

Кроме того, люди, слушающие его, не безмолвны. Они полны предрассудков, собственных мыслей — хотя все эти мысли просто мусор, ведь они не сами пришли к ним. Они просто почерпнули их у других. Но они цепляются за эти мысли, как если бы это были величайшие сокровища. Поэтому, когда они слушают мистика, они не слышат, что он говорит — они слышат то, что им позволяют услышать их предрассудки. Так и происходят эти великие неудачи.

Они думают, что слышат мистика, но они абсолютно глухи и слепы — они слышали только собственные мысли, видели собственные сны. Они не оставили мистику пространства, тишины, сознательности для того, чтобы он мог проникнуть в их сердца. Они интерпретировали его, и все их интерпретации — искажение.

В таких случаях у мистика остается только один путь - снова вернуться в свое уединение, вернуться к своей сокровенной сущности, чтобы найти какие-то новые, лучшие способы, другие слова, другие средства для общения. Груз истины отягощает его, он хочет поделиться ею, но никто не готов слушать его.

В уединении он оттачивает свои слова, наносит последние штрихи, совершенствует свою поэзию, свою песню; он отбрасывает все непонятное и пытается подойти с других углов. Быть может, с какой-то другой стороны удастся расшевелить стремление, дремлющее в людях: стремление превзойти себя, стремление расти, стремление родить сверхчеловека.

Эти слова были сказаны именно в такой момент. Заратустра хочет уйти от своих учеников, снова вернуться в уединение. Его попытка быть понятым оказалась безуспешной. Он сделал все что мог, он выбирал самые простые слова, самые ясные представления, но ум так полон предрассудков, он подобно щиту отражает все, что в него поступает.

Ученые обнаружили поразительнейшее явление: люди веками считали свои чувства окнами и дверьми, сквозь которые в нас может проникнуть существование, но последние открытия показали, что вместо того, чтобы быть окнами, наши чувства действуют как цензоры; и процент их цензуры невообразим — они отсеивают девяносто восемь процентов! Вы видите всего лишь два процента реальности; девяносто восемь процентов заблокировано вашими чувствами. Вы слышите всего лишь два процента; девяносто восемь процентов заблокировано вашим умом.

Конечно же, человек, подобный Заратустре, увидит, что ходит вокруг да около, но не достигает вашего сердца. Все двери закрыты, и нет ни одного открытого окна.

Прежде чем снова уйти в уединение, углубиться в себя и изобрести новые средства для общения, он разговаривает сначала сам с собой — это монолог, — а затем уже уходит от учеников. Поскольку это монолог, он важнее любого диалога, ведь у него есть возможность сказать именно то, что он хочет — он говорит с собой. Когда вы разговариваете с кем-то, вам

приходится принимать его во внимание, и от этого все теряет чистоту, загрязняется.

Заратустра говорит ученикам, что должен вернуться в свое уединение, хотя и делает это очень неохотно — ибо вчера вечером говорила с ним его "Тишина". Что это за "Тишина"? Когда он был абсолютно безмолвен и одинок, он слышал свой собственный негромкий, мягкий голос. Он рассказывает, что произошло.

Такую притчу поведаю я вам. Вчера, в самый безмолвный час, в час великой Тишины, земля ускользнула у меня из-под ног, и начался сон. Посмотрите: для того, чтобы ученики его поняли, он выбирает слова, которые не совсем правдивы. Он говорит: Я расскажу вам притчу. Это не притча; это действительно с ним произошло, но заставить их поверить в это невозможно. А в качестве притчи они легко выслушают это.

Вчера, в самый безмолвный час, в час великой Тишины, земля ускользнула у меня из-под ног, и начался сон. Он не говорит, что на самом деле пережил это — они могут насторожиться.

Он хочет, чтобы они расслабились — тогда в них может что-то проникнуть. Он говорит: "Это был просто сон". Вы замечали? Когда кто-нибудь рассказывает притчу или сон, ваш ум более открыт. В конце концов, это сон — он не может вас потревожить. В конце концов, это всего лишь притча, выдумка. Вы читаете сказки, и ум ваш более открыт, чем тогда, когда вы слушаете мистика — ибо слушать мистика опасно. Слушать мистика — значит готовиться к паломничеству. Слушать мистика — значит уже начать трансформироваться. А вымысел просто развлекает. Один мой друг был у Кришнамурти за три дня до его смерти; он рассказывал, что тот сказал ему очень странные слова. Кришнамурти был очень печален и просто сказал: "Я напрасно прожил жизнь. Люди слушали меня так, как будто я — развлечение".

Мистик — это революция; это не развлечение.

Если вы слушаете его, если вы допускаете его, если вы откроете для него свои двери, он — чистое пламя. Он сожжет в вас весь мусор, все старье, он очистит вас и сделает новым человеком. Впускать огонь внутрь рискованно — и вместо того, чтобы открыть двери, вы немедленно запираетесь.

Развлечение — другое дело. Оно не меняет вас. Оно не делает вас сознательным; наоборот, оно помогает вам пробыть в бессознательности два, три часа, чтобы вы могли забыть обо всех своих заботах, неприятностях, беспокойствах — чтобы вы могли потеряться в развлечении. Обратите внимание: на протяжении веков человек умудряется создавать все больше и больше развлечений, потому что он все больше и больше нуждается в бессознательности. Он боится осознавать, поскольку осознавать — значит преобразиться.

Стрелка передвинулась, часы моей жизни перевели дыхание — никогда еще не слышал я такой тишины вокруг себя; сердце мое сжалось.

Тогда беззвучно заговорила со мной Тишина: "Ты знаешь это, Заратустра?"

И в ужасе я вскрикнул от этого немого шепота, и кровь отхлынула от лица моего: но я молчал.

В знании нет ничего ужасного — но он говорит с учениками и строит весь монолог таким образом, чтобы увлечь их, чтобы они могли выслушать его как простую притчу или сон.

Ты знаешь это, Заратустра? — сказала мне тишина. И в ужасе я вскрикнул... но молчал.

И тогда во второй раз сказала она мне безгласно: "Ты знаешь это, Заратустра, но не говоришь!"

И я, наконец, ответил, словно упрямец: "Да, я знаю, но не хочу говорить!"

И снова безгласно заговорила она со мной: "Ты не хочешь, Заратустра? Не правда ли? Не прячься в упрямстве своем!"

И я, плача и дрожа, как ребенок, говорил: "Ах, я хотел, правда, но я не могу! Избавь меня от этого! Это свыше моих сил!"

И опять сказала она: "При чем тут ты, Заратустра! Скажи слово свое и погибни!"

Я отвечал ей: "Ах, разве мое это слово? Кто я такой? Я жду более достойного: я не стою даже того, чтобы погибнуть ради него"...

И опять безмолвно заговорила Тишина: "О Заратустра, тот, кто должен двигать горами, тот приведет в движение и долины, и низменности".

Я ответил: "Еще ни одной горы не сдвинуло слово мое, и то, что говорил я, не доходило до людей. Да, я отправился к людям, но пока еще не дошел до них".

И сказала мне молча Тишина: "Что можешь знать ты об этом! Роса выпадает на траву в самое безмолвное время ночи".

Он говорит все это своим ученикам таким окольным путем, что они не чувствуют, что слова адресованы им — это рассказ; и они просто наслаждаются притчей. Они не насторожены, и для этого-то и нужен весь монолог: чтобы ученики не были на страже.

И я отвечал: "Они насмехались надо мной, когда нашел я путь свой и пошел по нему; поистине, дрожали тогда ноги мои.

А они злорадствовали: "Ты забыл дорогу, а теперь еще и разучился ходить!"

И снова безгласно сказала Тишина: "Что тебе до насмешек! Ты тот, кто разучился повиноваться: теперь ты должен повелевать!"

Разве не знаешь ты, кто людям нужнее всего? Тот, кто приказывает великое.

Трудно осуществить великое: но еще труднее приказать его.

Вот что тебе непростительно: ты имеешь власть и не хочешь господствовать".

И я отвечал: "Мне недостает голоса льва, чтобы повелевать".

И тогда снова, подобно беззвучному шепоту, промолвила она: "Слова, что приносят бурю, — самые тихие. Мысли, приходящие кротко, как голубь, правят миром.

О Заратустра, ты должен быть тенью того, что грядет: так будешь ты повелевать и, повелевая, пойдешь впереди". И я отвечал: "Мне стыдно".

И снова безгласно проговорила она: "Ты еще должен стать ребенком и не стыдиться".

И я долго колебался и дрожал и, наконец, сказал то же, что и в самом начале: "Я не хочу".

Тогда раздался вокруг меня смех. Горе мне! Как смех этот разрывал мне внутренности и терзал сердце!

И в последний раз прозвучал безмолвный голос: "О Заратустра, созрели плоды твои, но сам ты еще не созрел для них! И потому тебе снова необходимо уединение: ибо должен ты еще дозреть".

Теперь вы все слышали: почему должен я вернуться в уединение свое. Ничего не утаил я от вас, друзья мои.

И все это вы слышали от меня, самого скрытного из людей, — таким хочу остаться я и впредь!"

Этот странный отрывок монолога — прекраснейшее средство. Говорят, если вы хотите, чтобы ваша жена услышала вас, не говорите ей напрямик, а шепните кому-нибудь... негромко, просто шепните ему на ухо, и она услышит. Заратустра делает то же самое. Он не обращается к ученикам как обычно; он устал от этого. Он пытался добраться до людей, но не смог — они слишком закрыты. А для чужаков и аутсайдеров вроде Заратустры они закрыты вдвойне. В толпе вы говорите — и вас слушают без больших проблем; вы наслаждаетесь приятными разговорами. Но с человеком, подобным Заратустре, разговоры невозможны. Он говорит, а вам приходится лишь слушать. Даже если это напоминает диалог, это — монолог.

Меня много раз спрашивали, в особенности разные знаменитости — нельзя ли прийти ко

мне и обсудить некоторые вещи. И я всегда отвечал: "Если вы хотите мне что-то сказать, я готов слушать, но если вы хотите что-нибудь услышать от меня, то вы не можете говорить. Тогда вы должны просто быть безмолвными и слушать. Никаких обсуждений не может быть".

Они наслаждаются обсуждениями, они наслаждаются спорами. Во всем мире обожают разговоры — люди беседуют целыми днями. Но когда вы приходите к человеку, который знает, ни о каких рассуждениях не может быть речи. Либо вы слышите его, либо нет. Если вы слышите его, вы почувствуете истину в самом этом слышании. Обсуждать нечего. А если вы не слышите его, что вы собираетесь обсуждать?

Также я видел людей, которые задавали мне вопросы, а когда я отвечал, они оказывались самыми несчастными из людей, так как не могли слушать. Они в напряжении — это их вопрос. Всем остальным необычайно повезло, потому что это не их вопрос. Они сидят расслабленно, слушают; они понимают больше того человека, на чей вопрос я отвечаю.

Сама эта мысль: "это мой вопрос" делает их напряженными, заставляет волноваться и бояться: я могу обойтись с ними жестко; я могу сказать что-нибудь обидное; я могу разрушить какую-нибудь старую идею, за которую они долго держались. Естественно, они не могут слушать. Но я отвечаю им, потому что знаю: это необычайно поможет всем остальным, ведь их вопросы — также и ваши вопросы. Но поскольку вы не спрашивали, вы можете оставаться расслабленными; вы можете слушать — это не больно.

Ум человека и его действие очень странны. Этот отрывок из Заратустры показывает очень большое понимание. Он пытался обращаться к ученикам напрямую и не смог до них добраться. И я не думаю, что можно как-то улучшить его слова — они совершенны. Теперь он говорит: "Прежде чем уйти, я хотел бы рассказать вам притчу, сон. Я иду в уединение, в безмолвие, чтобы найти более глубокие, более тонкие пути к людям — ибо что проку в моем понимании, если я не могу им поделиться? Какой толк в моем опыте, если я не могу помочь тем, кто бредет в темноте?"

Самая большая проблема мистика — больше, чем достижение опыта — это выразить его. Есть одна история о Гаутаме Будде. Каждую ночь перед сном его ученики должны были медитировать. И это было очень важно: если вы можете заснуть с тихим, спокойным умом, эта тишина и мир будут с вами всю ночь. Час медитации перед сном превращается в восьмичасовую медитацию.

Ваша последняя мысль перед тем, как вы заснете, будет вашей первой мыслью при пробуждении. Вы можете это проверить: просто запомните, какой была ваша последняя мысль, и вы удивитесь — когда вы чувствуете, что проснулись, у вас в дверях стоит та же мысль.

Значит, шесть или восемь часов сна вы можете использовать очень творчески. И самое важное будет погрузиться в сон, соскользнуть в сон медитативно. Медитация мало-помалу становится вашим сном, и тогда ваш сон становится медитацией. А восемь или шесть часов медитации изменят вас так тотально, без всяких усилий, что вы будете удивлены: вы ничего не делали, но теперь вы не тот человек, который злился по мелочам, который ненавидел, жадничал, который был насильственным, ревнивым, который стремился к первенству.

Все это исчезло, и вы ничего не делали — вы просто медитировали перед сном. Это наилучшее время, поскольку днем вы не можете посвятить медитации шесть часов. Но спать вам приходится в любом случае — почему бы не превратить сон в медитацию? Это был великий дар Гаутамы Будды.

Так что для учеников это было привычно... После вечерней беседы он никогда не говорил: "Теперь идите и медитируйте перед тем, как уснуть". Вместо этого он обычно говорил — это

стало паролем, потому что повторялось каждый вечер — "Я сказал все, что хотел вам сказать; теперь, прежде чем уснуть, займитесь своей настоящей работой".

Однажды вечером, послушать Гаутаму Будду пришли проститутка и вор, и когда он сказал: "Теперь, прежде чем уснуть, пойдите и займитесь своей настоящей работой", вор сказал: "О Господи! Я прячусь среди десяти тысяч человек, а этот парень знает о моей работе. И не просто знает, он приказывает: "Теперь иди и займись перед сном своей настоящей работой".

Он был поражен, и проститутка тоже. Она не могла поверить, что Гаутама Будда знает о ней, знает о том, что она проститутка и своей настоящей работой занимается по ночам. Этот человек поразителен — какое видение, какая ясность!

На следующее утро оба они пришли прикоснуться к ногам Будды, и он спросил:

— В чем дело? Вор сказал:

— От тебя ничего не скроешь. Прошлая ночь была последней, когда я хотя бы подумал о воровстве. Я никогда больше не буду делать этого — ты изменил меня, не запрещая воровать. Наоборот, ты сказал: "Пойди и займись настоящим делом". А я сказал: "Я провожу жизнь зря. И я могу быть таким же сознательным".

Проститутка добавила:

— Я бросила свою профессию. Я не могла представить, что вы перед десятью тысячами людей можете сказать: "Теперь иди и делай свое настоящее дело". Больше я никуда не пойду; мое настоящее дело — быть у ваших ног.

Будда сказал:

— О Господи, та "настоящая работа", о которой я говорил своим ученикам — нечто другое. Они сказали:

— Не пытайся нас обмануть.

Будда часто рассказывал об этом случае — оба они стали его учениками — он говорил людям: "Очень трудно узнать, что вы поймете. Ясно одно: это будет не то же самое, что говорю я. Я что-то скажу, а что услышите вы — зависит от вас. Я не могу этого проверить".

А в последний день, когда он умирал, Ананда спросил его:

— При жизни ты не позволил записать ни одного твоего слова, поскольку, если люди не понимают тебя в твоём присутствии, что они поймут из книги? Невозможно представить, как они все исказят. Поэтому ты не разрешал нам ничего записывать. Но после твоей смерти... Пожалуйста, дай нам разрешение, ведь слова, произнесенные тобой — чистое золото, и их необходимо сохранить для грядущих поколений.

На это Будда сказал:

— Можешь записать, но с одним условием: каждая запись, составленная из моих слов, должна начинаться так: "Я слышал, что Гаутама Будда говорил..." Не начинай так: "Так говорил Гаутама Будда". Ты просто рассказываешь, что слышал.

Вот почему все буддийские писания начинаются одинаково: "Я слышал, Гаутама Будда говорил так...". Смысл ясен — возможно, он не имел в виду того, что услышал я; возможно, он вообще этого не говорил — это то, что я слышал.

Ни одно писание в мире не начинается такими словами, ни в одной религии — таково было условие Будды: "Если вы пишете, помните: не пишите, что Гаутама Будда сказал это. Откуда вам знать, что говорил Гаутама Будда? Все, что вы можете сказать — это: "Я слышал, что Гаутама Будда говорил это". Поставьте себе за правило, не навязывать свое слышание моим словам".

Да, понять Будду, Заратустру, Иисуса почти невозможно, ибо они говорят с таких высот, а вы живете в таких глубоких темных низинах, что к тому времени, когда их слова доходят до

вас, они теряют качество солнечных пиков и набираются свойств ваших долин.

Гаутама Будда безмолвствовал семь дней с момента своего просветления, потому что не видел никакой возможности передать то, что с ним случилось. Он снова и снова обдумывал это. Эти семь дней были для него сплошным мучением. Ему хотелось говорить, потому что это могло бы кому-то где-то помочь, но он не видел возможности достичь кого бы то ни было.

Притча говорит, что те, кто достиг просветления, раньше него и уже покинули тело... В буддизме их называют богами; в буддизме нет единственного Бога — любой достигший просветления становится богом. В этом Заратустра и Будда абсолютно согласны. Бог — ваше будущее, а не прошлое; не Бог создал вас — это вы должны создать Бога в своем сознании, очистив его настолько полно, что оно становится божественным.

Итак, люди, ставшие просветленными до него, наблюдали за ним со своих вселенских высот, бестелесные, и говорили: "Почему этот человек не говорит? Он должен говорить... по той простой причине, что всего один человек в тысячелетия становится просветленным, и если он не будет говорить, он не сможет поделиться своим экстазом, не сможет помочь людям, показать путь — а миллионы людей бредут в темноте в поисках истины. Просветленному непростительно молчать; хотя его молчание можно понять, простить его нельзя".

Они ждали семь дней, и наконец спустились — бестелесные голоса.

Они сказали Гаутаме Будде:

— Это нехорошо. Все существование ждет, чтобы ты заговорил, ведь ты — надежда на возвышение человеческого сознания. Не молчи.

Но у Будды были четкие аргументы:

— Вы думаете, если я буду говорить людям, до них это дойдет? Вы уверены, что есть хоть какая-нибудь возможность, что я буду понят? Почти наверняка меня не поймут. Эта пропасть кажется непреодолимой; они — создания тьмы. Я тоже был созданием тьмы и понимаю, что она делает с людьми, как ослепляет она людей. Теперь я чужой. Мой язык — язык света, а они могут понять лишь язык тьмы. И вы тем не менее предлагаете мне говорить?

Боги молчали. Они не могли найти никаких доводов, чтобы переубедить Гаутаму Будду, но им очень не хотелось оставить его при своем мнении. Они отошли в сторонку и стали совещаться, что делать: "То, что он говорит — верно; мы знаем это по собственному опыту. Но нужно найти какой-то способ, какие-то аргументы, чтобы заставить его говорить".

И они нашли способ. Они вернулись и сказали:

— Мы согласны с тобой. Но мы согласны только на 99.9 процента. Ты должен дать нам хотя бы одну десятую процента. Мы просим немного; мы отдаем тебе почти все сто процентов, но ты должен дать нам крохотный шанс. Мы понимаем то, что ты говоришь — мы тоже испытали это. Но мы пришли сказать тебе, что есть несколько человек, совсем мало, которые стоят на грани... небольшой толчок, и они двинутся от тьмы к свету. Но если никто не подтолкнет их, они могут еще глубже погрузиться во тьму. Это пограничное состояние — ты должен признать, что есть такие случаи, когда кто-то стоит прямо на границе.

Ты должен говорить для тех людей, кто каким-то образом, может быть, даже случайно, оказался на границе своей темноты. Легкий толчок, и они выберутся из темноты на яркий дневной свет. Их немного, может быть, всего несколько; но даже если десяток людей может стать просветленными благодаря тебе, это великая награда. Существование навсегда будет тебе обязано.

Будда не мог этого отрицать. Это был веский довод — и он стал началом его долгого

странствия среди толпы. Сорок два года он говорил — утром, вечером — до самого последнего мгновения жизни. И безусловно, хорошо, что он говорил, потому что рядом с ним достигло просветления больше людей чем вокруг кого бы то ни было в мире.

Это утомительный труд; возможность непонимания очень велика. Уход Заратустры в уединение имеет две стороны. С одной стороны, он хочет найти новые пути, новые методы, новые слова, новые сети, чтобы ловить людей и вытаскивать из их слепоты и тьмы. А с другой стороны, он хочет, чтобы его ученики поняли: они упустили его, они не оправдали ожиданий, и он должен идти, чтобы искать новые подходы к их сердцам.

Теперь вы все слышали: почему должен я вернуться в уединение свое. Ничего не утаил я от вас... и все это вы слышали от меня, самого скрытного из людей, — таким хочу остаться я и впредь!

...Так говорил Заратустра.

СТРАННИК

11 апреля 1987 года

Возлюбленный Ошо,

СТРАННИК

Заратустра сказал в сердце своем:

"Я странник, неустанно восходящий на горы... Я не люблю равнин и, кажется, не могу долго оставаться на одном месте.

И что бы ни сулила мне судьба, что бы ни пережил я, — жизнь моя будет вечным странствием и восхождением в горы: в конце концов, человек живет только тем, что внутри него.

Прошло то время, когда случайности еще, встречались на пути моем; что же может встретиться мне теперь, что не было бы частью моей и достоянием моим!

Ко мне и в меня возвращается, наконец, мое истинное я — те части его, что так долго были на чужбине, рассеянные среди многих вещей и случайностей.

И еще одно знаю я точно: теперь стою я перед последней вершиной моей и перед тем, что давно уже было предназначено мне.

О, на самый трудный путь предстоит мне вступить!

О, начал я самое одинокое свое странствие!

Но тому, кто сродни мне, не избежать этого часа - часа, что говорит так: "Только теперь вступаешь ты на путь величия! Вершина и пропасть ныне слились в одно!

Ты следуешь своему пути величия: то, что до сих пор было для тебя последней опасностью, стало теперь последним убежищем твоим!..

Ты следуешь своему пути величия: здесь никто не смеет красться по следам твоим! Сами стопы твои стирают путь твой, и написано над ним: Невозможность.

И если нет у тебя больше ни одной лестницы, научись взбираться на собственную голову: как иначе подняться тебе наверх?

На голову, и выше собственного сердца! Отныне и самое нежное в тебе должно сделаться самым твердым...

Чтобы видеть многое, надо уметь отвращать взор свой от себя: эта твердость необходима любому, восходящему в горы.

Тот же, кто ищет просветления назойливым оком, ничего не видит в окружающем, кроме поверхности его!

Но ты, Заратустра, хочешь видеть основу всех вещей и подоснову их: и потому должен ты

подняться превыше себя, — дальше и выше, пока сами звезды твои не окажутся под тобой!

Да! Смотреть вниз на себя самого и на звезды свои: только это зову я вершиной, только это еще и остается моей последней вершиной!" ...

Человек же — самый мужественный зверь: благодаря этому он и победил всех прочих. Торжествующей бравадой преодолел он всякую скорбь; а человеческая скорбь — самая глубокая.

Мужество смертельно и для головокружения над бездной: человек же — всегда на краю бездны! Разве "видеть" не означает "видеть бездны"?

Мужество — наилучший убийца: оно убивает и сострадание. Сострадание же — глубочайшая бездна: ибо сколь глубоко проникает взгляд человека в жизнь, столь же глубоко проникает он и в страдание.

Мужество — наилучший убийца, мужество, которое нападает: и саму смерть убивает оно, ибо спрашивает: "Так это была жизнь? Ну что ж! Еще раз!"

Много торжествующих аккордов в этих словах: «Имеющий уши да слышит!»...

...Так говорил Заратустра.

Одна из самых основополагающих вещей, которую должны понять все, кто находится в поиске — в поисках пути, в поисках направления, в поисках смысла, в поисках самого себя — это то, что им придется стать странниками, скитальцами. Они не могут оставаться на месте. Им придется научиться быть процессом, а не событием.

Наибольшее различие между вещами и человеком, между животными и человеком — то, что вещи остаются одинаковыми; они не могут стать странниками. Животные тоже рождаются законченными — они не растут, они только становятся старше. Олень рождается оленем и умрет оленем. Между рождением и смертью нет процесса, нет становления.

Человек — единственное существо на земле и, возможно, во всей вселенной, которое может стать процессом, движением, ростом. Он не просто становится старше, но может расти вверх, к новым уровням сознания, новым состояниям осознанности, к новым пространствам переживания. В человеке есть даже возможность превзойти самого себя, он может выйти за пределы самого себя. Это значит, довести процесс до логического конца.

Другими словами, мне хотелось напомнить вам, что человека не должно понимать как бытие, сущность, ибо слово бытие дает неверное представление — что человек завершен, закончен.

Человек — это становление.

Человек — единственное незавершенное животное. И это его слава, а не беда; в этом его благословение. Он может родиться человеком и умереть Заратустрой, или Гаутамой Буддой, или Иисусом Христом — превзошедшим человечность и достигшим нового пространства, которое можно назвать просветлением, пробуждением, божественностью — но это нечто сверхчеловеческое.

Человек — это становление.

Заратустра пользуется притчей о страннике ради этой фундаментальной истины.

Заратустра говорит себе — и естественно, когда кто-то подобный Заратустре говорит с собой, он говорит более правдиво, более открыто, чем разговаривая с другими. Говоря с другими, ему приходится уступать им и идти на компромисс; иначе он будет разговаривать на непонятном языке.

Ему приходится спускаться со своих высот в темные долины тех, с кем он говорит.

Но когда он говорит сам с собой, он может говорить на солнечных вершинах, без всяких компромиссов. Он может говорить именно то, что хочет сказать, ибо говорит он это самому

себе, а не кому-нибудь; проблема непонимания не стоит. Монолог и диалог — два совершенно различных явления.

Один из самых заметных еврейских философов нашего века, Мартин Бубер, подарил мировой мысли идею о диалоге. По его мнению, диалог — это самое важное. Однако он, наверное, не знал, что у монолога есть высота, которой никогда не было ни у какого диалога. Поэтому, когда Заратустра говорит самому себе, слушайте внимательнее, так как он говорит из самого источника своего сердца — без всяких компромиссов, нимало не заботясь о том, поймут его или нет.

Он говорит самому себе, и это самые главные слова. Заратустра сказал в сердце своем:

"Я странник, неустанно восходящий на горы... Я не люблю равнин и, кажется, не могу долго оставаться на одном месте.

То, что он говорит, точно представляет глубочайшее внутреннее стремление людей. Все они — странники, хотя и не отважились странствовать и не осмелились взобраться на горы. Возможно, это одна из главных причин их несчастья: величайшее желание остается неисполненным; они привязаны к равнинам.

Их привязанность к равнинам имеет свои причины — так удобнее, комфортнее, это менее опасно, более спокойно. Но это расходится с сокровенным стремлением души. Душе хочется парить высоко в небе, она хочет отправиться в неведомые земли, скитаться по нехоженным путям. Она хочет взобраться на горы, на которых никто не бывал.

Это нечто изначально присущее человеку; это рождается вместе с человеком. Вы можете подавлять это, но тогда вы будете печальны, несчастны и всегда будете ощущать, что нечто упущено. Вы можете копить деньги, можете копить власть, можете добиться большого уважения, но внутри останется некая пустота, жаждущая звезд.

Человека, определенно, притягивает луна. В глубине каждый человек — сумасшедший (англ. *lunatic*). Слово *lunatic*, сумасшедший, произошло от слова "луна". Все хотят добраться до луны. Вопрос не в том, чтобы найти там что-то, вопрос в том, чтобы попасть туда. Счастье в самом путешествии — а не в цели.

Возможно, цель — не что иное, как предлог для странствия, поскольку, когда цель достигнута, человек немедленно начинает готовиться к новому путешествию, к новому странствию. Цель выполнила свое назначение. Все цели просто помогают вам постоянно двигаться.

Движение доставляет такую радость потому, что движение — это жизнь. Движение дает такой экстаз потому, что в тот момент, когда вы останавливаетесь, вы мертвы. Вы можете продолжать дышать, но это не значит жить. Движение приносит вам песни и танец.

Рабиндранат Тагор написал одно очень странное стихотворение. Это стихотворение чрезвычайно важно для понимания страннического духа человека. Рабиндранат говорит, что он ищет Бога... быть может, Бог — тоже высший предлог для странствия: наилучший предлог, ибо вы никогда не найдете Его, странствие будет продолжаться вечно. В этом красота Бога — Его можно искать, но невозможно найти; никто никогда не находил Его. Люди, отвергающие Бога, не осознают глубокой психологической основы, скрытой за этим вымыслом. Они не знают, что если вы отвергаете Бога, отвергаете рай, отрицаете посмертную жизнь, вы лишаете человека движения.

Если вы отрицаете существование души, если вы отвергаете сознание, если вы говорите, что сознание — всего лишь продукт материи, как говорят коммунисты...

Карл Маркс определяет сознание как побочный продукт материи, не большие. Неважно, прав он или нет; важно то, что если это принять, будут уничтожены все возможности для

движения. Он отказывает вам в исследовании неизвестного и непознаваемого.

Рабиндранат говорит: "Я искал Бога, и изредка мне удавалось видеть его далеко-далеко, подле звезды. Но пока я приближался к этой звезде, проходили жизни, и Бог перемещался куда-нибудь еще. И поиск продолжался..."

Однажды я неожиданно оказался перед прекрасным дворцом, и золотыми буквами там было написано: "Дом Бога". Сначала меня охватила дрожь — оттого, что я наконец добился своего! — и я бросился вверх по многочисленным ступеням, ведущим к двери дворца.

Но когда я уже почти стучался в дверь, меня внезапно поразила одна мысль — моя рука застыла у двери — мысль, что если здесь действительно обитает Бог и Он откроет мне дверь, то мне конец. Моей единственной радостью был поиск, моей единственной радостью было искать Бога. Что бы я стал делать, встретив Его?"

Им овладел великий страх. Он снял башмаки и, взяв их в руки, стал спускаться по лестнице. Он боялся — хотя он и не постучал в дверь, Бог, услышав шаги, может открыть дверь и сказать: "Куда ты? Я здесь".

И тогда я побежал прочь от этого дома быстрее, чем бегал когда-либо. Теперь я снова ищу Бога. Я знаю, где Он живет, поэтому могу обходить это место и продолжать искать по всей вселенной. Поиск продолжается, мои приключения продолжаются, я постоянно взволнован, завтрашно смысла для меня — и я счастлив, зная, что даже случайно не могу попасть к Его дому. Я видел Его дом и также я увидел, что Он — просто предлог; мое истинное желание — исследование неведомого.

Бог был всего лишь словом, я никогда по-настоящему не задумывался о всех его значениях. Если бы вы действительно встретили Его, что бы вы сделали? Вы были бы в замешательстве. Что сказать? И ведь тогда нет никакого завтра, вы полностью остановились — ибо нет ничего за пределами Бога; Бог — само запредельное".

Я очень люблю это небольшое стихотворение; это прозрение вглубь человеческого духа. Дух человека — не что иное, как стремление: стремление к неизвестному, стремление больше узнать, стремление к расширению, стремление исследовать белые пятна, нехоженые горы, нетронутые звезды.

И удовольствие — не в достижении, радость — в усилении, трудности, опасности. Когда вы прибыли, вам приходится искать новый предлог; иначе это будет ваша могила, это будет самоубийством.

Когда Заратустра говорит: Я странник, неустанно восходящий на горы, он говорит нечто обо всех вас. Он говорит о самом духе человека.

Я не люблю равнин и, кажется, не могу долго оставаться на одном месте.

И что бы ни сулила мне судьба, что бы ни пережил я, - жизнь моя будет вечным странствием и восхождением в горы.

Я не приму никакой иной судьбы, ибо любая другая судьба будет просто смертью. Я принимаю судьбу только если странствие и восхождение в горы — часть ее, если мое странствие бесконечно и новые горы, более высокие горы и далекие звезды еще открыты для меня.

В конце концов, человек живет только тем, что внутри него.

Если вы непрестанно ищете истину, Бога, ищете смысл... все это — разные слова, поскольку вы просто не можете постоянно искать ничто. Для этого нужно совершенно другое видение.

Если вы понимаете, что странствие само по себе есть цель, что нет цели, для которой существует странствие — все цели существуют только для странствия; странствие есть цель само по себе — тогда вам даже не нужно иметь целей. Вам не нужно волноваться о

смысле, об истине, о Боге; вы можете продолжать поиск.

Но, возможно, это трудновато. И будет несколько странно, если кто-нибудь спросит вас: "Что ты ищешь?" Если вы не можете ему ответить, если вы просто говорите: "Я — искатель в чистом виде, для меня не имеет значения, что искать..."

Чтобы не оказаться в затруднении, вы выбираете какое-то слово: вы ищете освобождения, вы ищете просветления, вы ищете высшую истину — прекрасные слова, вполне удовлетворительные для человека, который задает вам вопрос. Не озадачены ни вы, ни он.

Но что вы находите во всех этих странствиях, во всех поисках, во всех восхождениях? Заратустра говорит: вы находите только себя.

Конечно, если вы не странствовали, вы, возможно, и не найдете себя — ибо все эти восторги, все новые места, которые вы проходите, помогают вам открыть самих себя. Мало-помалу вам в голову приходит, что все цели — просто предлог.

Я — не что иное, как желание, стремление к невозможному.

Это значит познать себя — желание невозможного.

Возможное — только для посредственных умов, для средних людей.

Невозможное — для истинных гигантов.

Им известно, что это нельзя найти, именно поэтому так важно искать. Совершенная уверенность в том, что это никогда не находили и никогда не найдут, приносит огромное воодушевление.

Невозможное всегда поднимает человеческое сознание на более высокий план. Быть может, вы ничего не найдете, но вы станете сверхчеловеком.

В конце концов, человек живет только тем, что внутри него.

Прошло то время, когда случайности еще встречались на пути моем; что же может встретиться мне теперь, что не было бы частью моей и достоянием моим!

Теперь в его жизни нет случайностей — что имеет в виду Заратустра? В вашей жизни происходят случайности, потому что вы выбрали определенную цель, и если вы сбились с пути, вы ее не достигаете. Вы хотели попасть на поезд, но приходите на вокзал слишком поздно и упускаете поезд. Но если у вас нет иной цели, кроме странствия, вы не можете заблудиться. Если вы не собираетесь успеть на поезд — какой-то особенный поезд — вы не можете его пропустить.

Случайности происходят только оттого, что мы хотим, чтобы наша жизнь складывалась определенным образом, а что-то идет не так, что-то мешает, препятствует, что-то стоит на пути. Вы хотите, чтобы было иначе, чтобы это оказалось не так; вот почему бывают случайности.

Заратустра говорит: Прошло то время, когда случайности еще встречались на пути моем. Теперь ничто не может быть для меня случайностью, ибо я принимаю все. Даже случайность хороша, заблуждение хорошо. Я не стремился ни к какой определенной цели.

Это нечто необычайно глубокое; такой человек может прийти к пониманию с жизнью, к такой глубокой связи и гармонии, что все, что бы ни случилось — хорошо. Он не просит, чтобы нечто произошло, он просто открыт — что бы ни случилось, это хорошо, что бы ни произошло — это именно то, что он хотел.

Выйти за пределы случайности означает, что вы достигли необычайной созвучности с существованием. Неудачи невозможны, разочарование невозможно. Ваша тишина и спокойствие ненарушимы.

Гаутама Будда назвал такое понимание "таковость". Что бы ни случилось, он говорит: "Так и должно быть". Если вы ожидали другого, вы безусловно расстроитесь и будете разочарованы — жизнь оказалась неблагоприятна к вам. Но для Гаутамы Будды жизнь всегда

добра, существование всегда милосердно; что бы ни случилось, именно так и должно было быть.

У Гаутамы Будды нет других желаний, чем у самого существования.

Его слово очень красиво. Его оригинальное слово — татхата, и из-за этого слова, оттого, что он постоянно пользовался им... Умирает ученик, и он говорит: "Очень хорошо, пришло его время". Никто не умирает не вовремя, хотя на каждой могиле и написано: "Этот бедняга умер безвременно". Никто не умирает безвременно, все умирают вовремя, в точности тогда, когда им должно. Из-за этого слова татхата, "такова природа вещей", его назвали Татхагата — человек, который верит в таковость.

Такого человека нельзя расстроить. Он примет это расстройство как нечто абсолютно желанное, ожидаемое. Нет никакого противления, никакого недовольства. Не то, чтобы он как-то принимает это — есть тотальное приятие.

В тотальном приятии случайности прекращаются, и жизнь становится совершенно другим переживанием, где нет разочарований, нет случайностей, нет бедствий, где все происходит точно так, как должно быть. Вы так центрированы, так спокойны и безмятежны. В вас нет никакого волнения. Лишь в этой центрированности, в этой тишине и безмятежности приходят к самопознанию.

Ко мне и в меня возвращается, наконец, мое истинное я - те части его, что так долго были на чужбине, рассеянные среди многих вещей и случайностей. Теперь я собрал воедино все разрозненные части. Наконец-то я дома!

Но помните, дом не означает, что он собирается сидеть на одном месте. Его дом — странничество, его дом — восхождение в горы. Он обрел свою самую чистую страсть — и это не что иное, как желание превзойти себя. Это он называет "возвратиться домой", стать единым; собрать все разбросанные части и создать органическое единство.

И еще одно знаю я точно: теперь стою я перед последней вершиной моей и перед тем, что давно уже было предназначено мне. О, на самый трудный путь предстоит мне вступить! О, начал я самое одинокое свое странствие! До сих пор он был со своими учениками. Теперь он абсолютно один и пускается в самое долгое странствие — странствие, которое, быть может, не закончится никогда, которое только начинается, но никогда не заканчивается.

Но тому, кто сродни мне, не избежать этого часа — часа, что говорит так: "Только теперь вступаешь ты на путь величия! Вершина и пропасть ныне слились в одно!" Он говорит: "Человек моего сорта, готовый отправиться в самое длинное путешествие, прекрасно зная, что оно, возможно, никогда не кончится, и в полном одиночестве, в глубине сердца чувствует: лишь теперь я вступаю на путь величия".

Вершина и пропасть — высочайшее и низжайшее — слились в одно, ибо теперь для меня нет ничего высокого и ничего низкого.

Если я упаду в самую глубокую пропасть, это — странствие; если я достигну высочайшей вершины — это странствие. У моего странствия больше нет цели. Вершина и пропасть стали одним; они слились ныне в одно.

Когда приходит такое переживание, вы — едины: ваше глубочайшее "я" и ваше высочайшее "я". Вы — весь спектр радуги, от одного края до другого.

Ты следуешь своему пути величия: то, что до сих пор было для тебя последней опасностью, стало теперь последним убежищем твоим!

То, что в начале считалось высшей опасностью — одинокое путешествие, о котором никто не знает, закончится оно где-нибудь или нет, приведет оно куда-нибудь или нет... это всегда опасно. Вот почему люди держатся в толпе. Они не одни, они остаются христианами, индуистами, мусульманами; они остаются индийцами, немцами, англичанами. Они всегда

цепляются к какой-нибудь толпе — нации, религии, организации, какой-нибудь политической идеологии — лишь бы избежать одиночества, ведь мы внушили себе, что все эти миллионы людей не могут ошибаться. Но беда в том, что все думают то же самое.

В жизни одного индийского императора, Акбара... В "Акбар Намме", своей автобиографии, он писал, что однажды в его саду был сооружен красивейший мраморный пруд для лебедей с Гималаев — это были самые прекрасные лебеди в мире, самые белые и красивые. Его друг предложил ему:

— Не наливай в него воды, наполни его молоком — в знак радушия к этим великолепным птицам с Гималаев, которых ты ждешь. — Они очень редко спускались в долины; они жили на самом высоком в мире озере, Мансароваре.

Очень немногие люди достигали озера Мансаровар. Оно находится далеко в Гималаях, на такой высоте, с которой не сравнится ни одно озеро в мире. Это самое спокойное озеро, и там живут только эти лебеди. Идея оказать им такую радушную встречу была хороша, но откуда же взять столько молока? Ведь пруд был очень большой.

Друг предложил:

— Сделаем вот что: объявим по всей столице, что завтра утром каждый должен принести в королевский сад полное ведро молока. Лебеди вот-вот будут здесь, и долг столицы - встретить их молоком.

Один очень мудрый человек, близкий Акбару, сказал ему:

— Завтра утром вы будете очень удивлены. Акбар спросил:

— Почему? Что ты имеешь в виду? Он ответил:

— Подождите. Утро не за горами.

И Акбар действительно был очень удивлен, поскольку пруд был полон воды! Каждый подумал, что одно ведро воды среди миллионов ведер молока... кто сможет определить, кто именно налил воды? Она смешается с молоком. Но так подумали все. Ни один человек не принес молока. Рано утром - еще до рассвета, ведь все они несли воду — они вылили свои ведра в пруд. Очень счастливые, что им удалось это, они разошлись по домам.

Когда король пришел посмотреть, мудрец сидел там. Он сказал:

— Посмотрите, ваш пруд полон воды. Вы не знаете человеческого ума.

Все они думают одинаково — это толпа. Вы — часть толпы, и вы думаете: "Так много людей не могут ошибаться".

Но все они думают то же самое — что так много людей не могут ошибаться. Все думают одно и то же. Несмотря на то, что вы находитесь в толпе, вы одиноки, и ваше одиночество остается нетронутым. Почему люди предпочитают оставаться в толпе? Что страшного в одиночестве?

Заратустра говорит: "Прежде это была для меня величайшая опасность — остаться одному, ведь тогда каждый начинает задаваться вопросом: а на верном ли я пути, правильно ли то, что я собираюсь делать? А спросить совета не у кого". В одиночестве рождаются тысяча и одно сомнение, и нет никого, кто ответит. Людям нравится жить в толпе. Всегда находятся люди, готовые дать вам совет, неважно, знают они что-то или нет. Давать советы другим — такое удовольствие, и всем известно, что совет — единственное в мире, что дается во множестве, но никогда никем не принимается.

И все же люди продолжают давать советы, бесплатно. Но в толпе чувствуешь себя уютно. В окружении такого количества людей естественно чувствовать: "То, что я делаю — правильно, потому что это делают все".

В одиночестве рождаются сомнения — и вместе с ними вокруг вас сгущается тьма. Один... куда вы идете? Есть ли вообще какой-то Бог? Ведет ли куда-нибудь этот путь или вы

просто движетесь в никуда?

Но он говорит: "То, что раньше было величайшей опасностью, стало моим последним убежищем. Теперь я наслаждаюсь ею; это мой приют, это мой дом. Я отбросил все цели, я сделал странствие своей целью; теперь я не могу ошибиться".

Ты следуешь своему пути величия, здесь никто не смеет красться по следам твоим! Сами стопы твои стирают путь твой, и написано над ним: Невозможность. Пока вы не примете вызов невозможного, ваше величие не расцветет, не достигнет высочайшего пика. Лишь невозможное приводит вас к полному цветению; лишь невозможное приносит вам весну, дом.

Если вы спросите меня, я скажу: Бог — не что иное, как другое название Невозможного. Но это слово потеряло свое истинное качество, потому что вы так привыкли к нему - вам не приходит в голову, что это нечто невозможное. Вы стали думать о Боге как о чем-то возможном. Это слово утратило свой смысл.

Теперь лучше поменять его на слово Заратустры, невозможность. Это — его дом, это — его убежище, и это — его странствие. И она доводит его одаренность, его величие, его интегрированность, его индивидуальность до высочайшего великолепия. Не существует других достижений, кроме великолепия вашего собственного бытия.

И если нет у тебя больше ни одной лестницы, научись взбираться на собственную голову: как иначе подняться тебе наверх?

Нужно превзойти самого себя. Нужно оставить самого себя позади. Нужно опередить самого себя.

Нужно оставить позади все то, что вы есть — ваши мысли, ваши сны, ваши вымыслы, ваши предрассудки, ваши философии... все, что составляет вашу личность. Вы должны покинуть это так, как змея покидает старую кожу — она сбрасывает ее и ни разу не оглядывается.

Не превзойдя самого себя, нельзя испытать невозможное. Нельзя пережить высшее в странствии, в поиске; нельзя испытать чистейшую страсть.

Вы — просто стрела, и у вас нет мишени. Понять, что вы - стрела, на полной скорости летящая в никуда, у вас нет никакой цели, — это самое трудное.

Все остальные религии кажутся детскими — игрушками для детей. Заратустра бросает вам вызов, который под силу принять лишь самым отважным.

На голову, и выше собственного сердца! — выше собственной логики и за пределы собственной любви — Отныне и самое нежное в тебе должно сделаться самым твердым. Чтобы видеть многое, надо уметь отворачивать взор свой от себя: эта твердость необходима любому, восходящему в горы.

Тот же, кто ищет просветления назойливым оком, ничего не видит в окружающем, кроме поверхности его!

Но ты, Заратустра, хочешь видеть основу всех вещей и подоснову их: и потому должен ты подняться превыше себя, - дальше и выше, пока сами звезды твои не окажутся под тобой! Да! Смотреть вниз на себя самого и на звезды свои: только это зову я вершиной, только это еще и остается моей последней вершиной!

Человек же — самый мужественный зверь: благодаря этому он и победил всех прочих. Торжествующей бравадой преодолел он всякую скорбь; а человеческая скорбь — самая глубокая.

Мужество смертельно и для головокружения над бездной: человек же — всегда на краю бездны!

Где бы вы ни были, как бы ни старались обмануть себя, вы стоите над пропастью. Все ваши утешения фальшивы. Все ваши защитные средства — одно лишь воображение. Разве вы не стоите на краю бездны каждое мгновение своей жизни? Ведь в следующий миг вы можете

умереть, и это — глубочайшая пропасть.

Разве "видеть" не означает "видеть бездны"? Чем больше вы становитесь провидцем, тем яснее видите бездны, окружающие вас. Слепец может счастливо стоять на краю пропасти, не подозревая о ее существовании. Всего один неверный шаг, и он исчезнет навеки, но лишь слепой может стоять над пропастью без страха. Любое видение означает видение бездны. Но если вы хотите увидеть вершины своего существа, вам придется увидеть также и бездны.

Если у вас нет цели, если вы не хотите ничего достичь, если исследование — радость само по себе, если открытие новых пространств снаружи и внутри — счастье и благословение для вас, тогда между безднами и вершинами не существует никакой разницы. Они становятся одним — они и есть одно. И человек обладает этим большим мужеством, нужно лишь разбудить его; оно крепко спит.

Когда просыпается ваше мужество, когда ваше мужество рычит как лев, вы впервые ощущаете трепет жизни, радость жизни, танец жизни.

Мужество — наилучший убийца: оно убивает и сострадание. Сострадание же — глубочайшая бездна: ибо сколь глубоко проникает взгляд человека в жизнь, столь же глубоко проникает он и в страдание.

Мужество — наилучший убийца, мужество, которое нападает: и саму смерть убивает оно, ибо спрашивает: "Так это была жизнь? Ну что ж! Еще раз!"

Я вспомнил маленький анекдот.

Советский Союз, полночь. В дверь стучит КГБ.

— Гинзбург здесь?

Дверь открывают, сотрудник говорит:

— Я из КГБ. Гинзбург здесь? — Человек отвечает:

— Гинзбург? Он умер.

— Умер? А вы кто? Ваша фамилия?

— Моя фамилия Гинзбург.

— Вы что, ненормальный? Вы только что сказали, что Гинзбург мертв.

Человек засмеялся и сказал:

— Вы называете это жизнью? Даже среди ночи нельзя спать спокойно — и вы называете это жизнью?

Если в смертный час смерть спросит у вас: "Хотел бы ты прожить свою жизнь еще раз — ту же самую жизнь, которую прожил?" — как вы думаете, что вы ответите? Я не думаю, что разумный человек захочет еще раз пережить всю эту трагедию — та же самая жена, тот же муж, точно тот же спектакль, те же разговоры.

Но человек, проживший жизнь не как несчастье, но как постоянное расширение опыта — в постоянном движении, постоянном восхождении, все время создавая себя, всегда уничтожая в себе все лишнее и освобождая лучшее — возможно, он скажет: "Ну что ж, еще раз — почему бы и нет!"

Но только тот человек, который жил действительно интенсивно и тотально, который не был прохладным, тепловатым, который сжег факел своей жизни с обоих концов, будет готов снова пройти через жизнь — ибо он знает, что может изменить все, что было. Он может найти новые пространства, он может найти новые горы для восхождения, новые звезды, он может верить в себя. Он знает свое мужество, ему известно, что единственный способ жить — это жить опасно.

Много торжествующих аккордов в этих словах. Имеющий уши да слышит!...

Живите так, чтобы жизнь, если она будет дана вам еще раз, не была бы повторением. Но она — уже повторение. Вам не нужна другая жизнь; даже эта жизнь — просто повторение.

Я слышал, один человек женился восемь раз. Наверняка эта история произошла в Калифорнии, потому что больших идиотов нигде не найти. Любому разумному человеку достаточно одной жены. По-настоящему разумным людям не нужно даже одной. Но восемь жен... И когда он женился восьмой раз, через два месяца он убедился, что это - женщина, на которой он однажды уже был женат, только очень давно.

И еще одно, что он обнаружил: каждый раз он старался найти новую женщину, но через полгода история повторялась. Странно — он отправляется в далекие края, чтобы найти новую женщину, но все они через полгода превращаются в прежних. Однако он так и не понял, что это он остается прежним, его склонности те же, его выбор не меняется. Поэтому где бы он ни находил новую женщину, это всегда оказывалась одна и та же женщина, которая ему нравилась. Он не менялся, он просто менял женщин.

Но кто выбирает? Тот же человек, что выбирал первую, будет выбирать и вторую — по тем же причинам и признакам. Его привлекает определенный тип лица, определенная прическа, определенная походка... все эти глупости, которые не имеют никакой существенной разницы. Он снова попадет в ту же ловушку, а восемь раз... Сейчас это происходит в жизни многих людей, в Калифорнии средний срок стабильности брака — три года. И таков же средний срок пребывания на одной работе, таков же средний срок проживания в одном городе.

Странно — три года, и человеку наскучивает работа, жена, город, друзья. Он все меняет, но через три месяца он обнаружит, что вновь впутался в ту же историю. И через три года результат — всегда одна и та же трагедия.

Все три великие религии Востока — индуизм, буддизм и джайнизм — используют идею перевоплощения; у вас есть не одна-единственная жизнь, как в христианстве, иудаизме и мусульманстве. Эти три религии, рожденные вне Индии, признают лишь одну жизнь. Они не понимают великого психологического прозрения Востока: на Востоке знают, что у вас будет много-много жизней. Много позади и много в будущем.

Идея состояла в том, чтобы создать в вас ощущение крайней скуки. Только подумайте: вы жили много раз, вы множество раз делали одни и те же глупости и все равно делаете их, и в будущем вы неминуемо повторите их. Много-много раз, тысячи жизней вы так и будете сидеть в бакалейной лавке, стеречь товар, сражаться с женой, жалуюсь каждому встречному на свои несчастья. Один и тот же фильм, та же история, те же диалоги, те же актеры.

Эта идея использовалась в трех религиях для того, чтобы дать вам ясное чувство крайней скуки. Если вы хотите измениться, изменитесь; иначе вы будете вертеться подобно колесу, и те же самые спицы будут перемещаться вверх и вниз, вверх и вниз, и все то же несчастье...

Если вы хотите измениться, не откладываете на завтра, начните разведку с этого самого момента. И старайтесь не повторяться. Всегда ищите что-нибудь новое, свежее — ибо действительно не существует никакой цели, кроме путешествия. Поэтому путешествуйте как можно больше. Сделайте путешествие как можно более прекрасным, захватывающим, творческим — настолько, насколько вы способны. А способности ваши бесконечны, они просто дремлют.

Заратустра хочет спровоцировать вас, чтобы вы стали искателем невозможного, восходящим в горы, странником на путях, где никто не бывал и, возможно, никогда не побывает. Только эту новизну, эту свежесть можно назвать подлинной жизнью; иначе вы просто произрастаете. Неважно, какой вы овощ — кочан или цветная капуста: я слышал, что единственная разница между ними в том, что цветная капуста имеет ученую степень, а кочаны необразованны!

Нужно мужество, чтобы быть человеком, ибо человек - это постоянное преодоление, каждодневная трансценденция. Восход не должен застать вас там же, где оставил закат, а

закат не должен найти там же, где оставил вас рассвет.

Будьте странником духа.

Будьте странником в сокровеннейших глубинах сознания. Эта единственно истинная религия, и во всем человечестве лишь немногие люди, подобные Заратустре, представляли ее. Но их либо полностью игнорировали, либо не понимали.

Для вас будет счастьем, если вы сможете понять этого человека, Заратустру, ибо он может дать вам стимул отправиться в долгое путешествие, которое кончается нахождением себя.

...Так говорил Заратустра.

О БЛАЖЕННЫХ ОСТРОВАХ

12 апреля 1987 года

Возлюбленный Ошо,

О БЛАЖЕННЫХ ОСТРОВАХ

О полдень жизни моей!

Все отдал я, чтобы, иметь одно: эти живые посевы мысли моей и утреннюю зарю высшей надежды!

Некогда искал созидающий спутников и детей надежды своей: и вот — обнаружил он, что не обрести их иначе, как сперва создав их.

Так вершу я дело мое, когда иду к детям своим и возвращаюсь от них: ради детей своих должен Заратустра совершенствоваться.

Ибо от всего сердца любят только свое дитя и свое дело; и если велика любовь к самому себе, то это признак беременности: так замечал я.

Еще цветут дети мои первой весной своей; один подле другого стоят они, покачиваясь на ветру, деревья сада моего, лучшее из достояний моих.

И поистине! Там, где произрастают рядом такие деревья, там блаженные острова!

Но некогда я вырою их и расскажу в разных местах: чтобы научились они одиночеству, упорству и осторожности.

Узловатыми и искривленными, но гибкими и твердыми пусть стоят они у моря, как живой маяк непобедимой жизни.

Там, где бури низвергаются в море и горы утоляют жажду свою, денно и ночью будут они стоять на страже, чтобы испытать и познать себя.

Испытанным и проверенным должно быть каждое из них, чтобы знать мне, моего ли они рода, закалена ли воля их, молчат ли они, даже когда говорят, и делают ли вид, что берут, отдавая — чтобы сделаться некогда спутниками моими, созидающими и празднующими вместе со мной; теми, кто напишет волю мою на моих скрижалях — "Все сущее да становится совершенным".

И ради них и подобных им должен я сам достигнуть совершенства: потому уклоняюсь я теперь от счастья моего и предаю себя всем несчастьям — чтобы испытать и познать себя в последний раз.

"Возжелать" — для меня означает "потерять себя". У меня есть вы, дети мои! В этом обладании все должно быть уверенностью, так, чтобы не было места желанию.

...Так говорил Заратустра.

Человек, подобный Заратустре — почти садовник, любовно и внимательно приглядывающий за людьми и ждущий времени, когда они смогут принести свои цветы и

плоды.

Сознание обладает своим особенным цветением, но большинство людей живут как роботы, даже не задумываясь об огромных возможностях сознания и его росте. Просто родившись, вы еще не получаете его. Рождение дает вам жизнь; теперь от вас зависит трансформировать свою жизненную энергию в высшее явление — сознательность.

Сознательность во всем подобна цветку. И пока не расцветет ваше внутреннее существо, вы не будете наполнены, вы не будете довольны, потому что ваше зерно останется всего лишь зерном. Зерно — тюрьма для тысяч цветов.

Зерно должно умереть; зерно должно исчезнуть в земле, чтобы цветы, которые скрыты в нем как возможность, стали действительностью.

Все великие Мастера — не кто иные, как садовники человечества. И Заратустра тоже. Он говорит самому себе:

О полдень жизни моей! Все отдал я, чтобы иметь одно: эти живые посевы мысли моей и утреннюю зарю высшей надежды!

Некогда искал созидающий спутников и детей надежды своей: и вот — обнаружил он, что не обрести их иначе, как сперва создав их.

Он говорит, что когда-то он искал сверхчеловека, скитаясь с ищущим взглядом среди равнин, на которых живет человечество: быть может, есть уже кто-то, кто раскрыл свой потенциал, кто превзошел человека в себе и стал сверхчеловеком. Но ничего не вышло; ему не удалось найти ни одного человека, трансцендировавшего себя. И в полдень своей жизни он осознал: не следует искать сверхчеловека где-то вдали, его нужно создавать. Сверхчеловек — не тот, кого ищут, а тот, кого создают, и вы должны создать его точно так же, как садовник создает прекрасный сад.

Некогда искал созидающий спутников и детей надежды своей. Его надежда очень определена. И эта надежда — не только его надежда, это надежда всего человечества. Если не появится сверхчеловек, человек обречен. Либо человек должен создать сверхчеловека в своем сознании, либо его дни сочтены.

Есть только две возможности: или самоубийство, или сверхчеловек.

Человек не может больше оставаться на пути, по которому он тащился тысячи лет. Тысячи лет не было никакой эволюции в том, что касается человеческого сознания. Да, изредка расцветали Гаутама Будда, Заратустра, Лао-цзы; но они — не правило, они — исключения.

Но даже их существование приносило неоценимую пользу — оно давало надежду, что если это могло произойти с Заратустрой, это может случиться также и с вами. Нужно творить сверхчеловека. Нужно стать утробой; нужно забеременеть идеей сверхчеловека.

...И вот — обнаружил он, что не обрести их иначе, как сперва создав их. Единственный способ найти их — это создать их. Это необычайно важный поворот. Он напрасно тратил время на поиски, как будто эти люди уже где-то существовали, а вам нужно было только найти, где они. Их нет в существовании.

Один из великих мистиков нашего века, Георгий Гурджиев, шокировал весь духовный мир очень важным заявлением: ни у одного человека нет души. Никто раньше так не говорил. Всегда без доказательств принималось, что у каждого человека есть душа. Но никто не понял, что имеет в виду Гурджиев; поэтому был шок.

Он не говорил, что у вас нет души, он говорил, что у вас есть только возможность иметь душу. У вас в действительности нет души, пока вы не создали ее. Вы можете иметь ее, но сейчас ее нет. Вы должны быть созидателем — творцом самого себя. И это — высшее творение в мире.

Создавать картины — одно; создавать статуи, создавать стихи, создавать музыку — все

это обыденно по сравнению с созданием самого себя. Это самая тяжелая работа, самая трудоемкая, но она приносит самое большое удовлетворение, величайшее счастье.

В глубинах вашего безмолвия спит как зерно сверхчеловек. Вы должны отыскать подходящую почву; вы должны выбрать подходящий сезон; вы должны очень внимательно ухаживать, и вам придется ждать. Ждать с глубокой любовью, с великой надеждой, терпеливо.

Заратустра обнаруживает, что в полдень своей жизни он должен начать свою работу заново и в совершенно другом направлении: он должен создавать сверхчеловека.

Так вершу я дело мое, когда иду к детям своим и возвращаюсь от них: ради детей своих должен Заратустра совершенствоваться. Нельзя создать сверхчеловека, если сам творец несовершенен. Итак, новое измерение его работы многое меняет. Сначала он просто искал, даже не задумываясь о том, что несовершенен сам, и что пока вы сами несовершенны, от вас не может родиться совершенство.

Ибо от всего сердца любят только свое дитя и свое дело; и если велика любовь к самому себе, то это признак беременности: так замечал я.

Эти слова тоже нужно понять как можно глубже, ибо человечество, к несчастью, долго находилось под влиянием всевозможных заблуждений.

Люди, которые были неправы, пользовались человечеством, они эксплуатировали человечество. Они дали красивые слова, чтобы играть ими, как игрушками, но они ничего не сделали, чтобы человек стал совершенным. Они сами не были совершенными. Вы только посмотрите на священников, которые многие века господствовали над вами, которые были вашими духовными вождями. Они крайне недостойные люди.

Как раз на днях Анандо принесла мне несколько сообщений. Одно из них — о великом американском христианском проповеднике, который проповедовал по телевидению. Он собирал почти сто двадцать миллионов долларов в год со своих слушателей, и сейчас обнаружилось, что у него была любовная связь с одной женщиной; и его жена состояла в любовной связи с другим мужчиной. И все те деньги, которые он собирал во имя Бога, он тратил на себя.

Другой христианский проповедник из Оклахомы угрожал своим слушателям. У него была башня высотой в двести футов, с которой он обращался к телезрителям. Он грозился: "Бог потребовал, чтобы я собрал восемь миллионов долларов за два месяца, а если я не соберу восемь миллионов долларов, я умру". Естественно, люди начали приносить деньги. Он собрал за два месяца восемь миллионов долларов, и теперь кто-то подал на него в суд как на представителя Бога, фактически, он преследует судебным порядком Бога за шантаж.

Это шантаж в чистом виде: угрожать, что Он убьет проповедника, если люди не дадут Ему восемь миллионов долларов! Американцы очень любят подавать в суд. Сейчас они судятся с Богом — конечно, Бога не найти, но его проповедник...

Такие люди управляли человечеством. Они не были заинтересованы в эволюции человеческого сознания, их интересовали лишь собственные игры в могущество. На самом деле, это хорошо, что человеческое сознание не развивалось... потому что сверхчеловек не будет христианином — это уж точно. Сверхчеловек не будет индуистом, сверхчеловек не будет мусульманином; сверхчеловек сам будет богом, божественной сущностью, божественной реализацией.

Возможно, священники всех религий неосознанно вступили в заговор против грядущего сверхчеловека. Они хотят, чтобы человек оставался бессознательным, слепым, блуждающим в потемках, слабым, боящимся смерти, боящимся Бога, жадным до наград... слушая всевозможную чушь, которую твердят проповедники. А сознание этих проповедников нисколько не выше; иначе они просто не смогли бы делать такие глупости.

Однажды случилось... Женщина была в постели со своим любовником, и вдруг посреди ночи услышала, как к дому подъехала машина ее мужа. Она хорошо помнила звук мотора; она тут же узнала его. Он никак не должен был приехать, но, может быть, какая-то срочная работа... Она толкнула мужчину, лежавшего рядом с ней, и сказала:

— Сделай что-нибудь, мой муж приехал. Он просто убьет тебя!

Он сказал:

— Что мне делать?

— Прыгай в окно, — сказала она.

Муж уже стучал в дверь, так что раздумывать было некогда. Он выпрыгнул в окно, голый... а на улице был дождь.

Случайно он увидел группу бегунов и присоединился к ним; ведь стоять голым на улице было не очень удобно. Теперь он был просто одним из бегунов. Человек, бегущий рядом, посмотрел на него. Увидев, что он голый — да еще в дождь — он не удержался и спросил:

— Вы всегда бегаєте голым?

— Всегда, — ответил он.

— Странно, вы первый бегун из всех, кого я знаю, кто бегаєт голым. Но почему вы надели презерватив? Вы всегда надеваете презерватив, когда бегаєте?

Он сказал:

— Нет, не всегда. Только когда идет дождь.

Но этот человек, заговоривший с ним, вспомнил... его голос показался ему знакомым. Он посмотрел более пристально и сказал:

— Отец мой, я никогда не думал, что вы так любите бегаєт. Я каждое воскресенье хожу в церковь; я из вашего прихода.

Таковы ваши священники. Они определяли судьбы человечества, и каждый день они попадают или на развращении детей, или на изнасилованиях, или на гомосексуализме. Не кажется, чтобы они обладали более развитым сознанием, чем ваше; может быть, их сознание ниже, чем у вас, но никак не выше. Они не позволят вам развиваться, потому что ваше развитие полностью уничтожит их профессию. Чтобы их профессия жила, вы должны оставаться умственно отсталыми; у них самая распрекрасная профессия в мире.

Сверхчеловек будет абсолютно свободен от всех этих глупых людей, которые ничего не знают и только как попугаи повторяют писания. Их знания могут быть велики; но их мудрость — ноль.

Эти люди последовательно учили одному и тому же, во всем мире, во всех религиях: не любите себя. Это осуждалось как эгоизм. Любите других, любите даже врага, любите ближнего, но никто не говорит: любите себя.

Если вы не любите себя... Заратустра прав: если велика любовь к самому себе, то это признак беременности. Ваша любовь к себе — единственная алхимия, от которой рождается сверхчеловек. Пока вы не полюбите себя, вы не улучшите себя.

Они говорили вам, что вы грешник, недостойный никакого снисхождения. Они натравливали ваш ум против вас — это была их стратегия, чтобы помешать сверхчеловеку прийти в мир. Они натравили человека на самого себя; они предали осуждению все, что в вас есть: все ваши желания, все ваши страсти, все ваши инстинкты, тело, ум. Они хотят, чтобы вы были жертвенным животным на некоем вымышленном алтаре.

И до сих пор им это удавалось. Человек был всего лишь жертвой некоему придуманному Богу. Они не помогли вам стать творцами, они не помогли вам осознать себя и полюбить себя настолько сильно, чтобы вы стали беременны своим будущим, сверхчеловеком — который живет в вас как зерно, но может стать прекрасным цветком с великим ароматом, если ему

дать надлежащее время, надлежащее место, надлежащую нежность и искусного садовника.

Еще цветут дети мои первой весной своей; один подле другого стоят они, покачиваясь на ветру, деревья сада моего, лучшие из достояний моих.

И поистине! Там, где произрастают рядом такие деревья, там блаженные острова!

Заратустра любит индивидуальность. Он ненавидит толпу, он ненавидит стадо. Он против стадной психологии, ибо что касается эволюции человека, стадо — это самое низшее, что может быть.

Стадо никому не позволяет подниматься вверх; все они тянут его за ноги вниз, в ту же грязь, в которой живет стадо. Их эго противно, чтобы кто-то стал индивидуальностью. Они уважают тех, кто жертвует своей индивидуальностью — они называют этих людей святыми. Но все эти святые — не что иное, как тени, трупы, исполняющие ожидания толпы.

Чем больше вы соответствуете ожиданиям толпы, тем больше уважения, тем больше чести они вам окажут; они сделают вас великим святым. Вы просто не должны быть самим собой — это как раз то, что толпа ненавидит. Вы не должны отстаивать свою индивидуальность — это как раз то, что толпа ненавидит. Но если вы не отстаиваете своей индивидуальности, вы не можете забеременеть сверхчеловеком.

Сверхчеловек — индивидуальность.

Заратустра говорит: и поистине! Там, где произрастают рядом такие деревья, там блаженные острова! Но их придется разделить; тогда они станут блаженными островами. Каждый садовник знает: он бросает семена, вырастают деревья, и им тесно. Тогда он начинает разделять их — рассаживать, давая им собственную территорию, собственное место. Он делает их индивидуальностями. Он делает их островами.

Но некогда выросту я их и рассажу в разных местах: чтобы научились они одиночеству, упорству и осторожности. Он называет три вещи: чтобы научились они одиночеству...

Толпа ни за что не позволит вам познать красоту одиночества. Она всегда и везде окружает вас. Они не позволят вам быть тихим, они не оставят вас одного. Они очень злопамятны по отношению к людям, которые безмолвны, одиноки, любят уединение. Толпа чувствует в них врагов — они не из наших, это чужие, они не принадлежат нам.

Но уединение — одно из самых важных условий, необходимых любому человеку, чтобы почувствовать собственное сознание. В толпе вы чувствуете коллективное сознание, но не свое собственное, и во всем мире есть ежедневные примеры действия коллективного сознания.

Несколько дней назад в Америке четыре подростка закрыли дверь гаража, оставив мотор машины работающим. Выхлопные газы — это окись углерода, а двери были закрыты. Всех четверых наутро нашли мертвыми. Когда эта новость появилась в газетах и на телевидении, вы удивитесь... по всей Америке, еще в пятнадцати местах, немедленно произошли такие же случаи. Таков коллективный ум.

Когда одна американская актриса, Мэрилин Монро, умерла, число самоубийств возросло на пятнадцать процентов. Одна женщина совершила самоубийство, но коллективный ум так легко заражается...

Калифорнийский университет в течение года исследовал, чем вызваны колебания преступности, и они выяснили, что эти колебания возникают в результате футбольных матчей, соревнований по боксу. Когда проходят соревнования по футболу или боксу, преступность возрастает на семь, восемь, а иногда и на четырнадцать процентов. По всей Калифорнии люди внезапно начинают убивать, совершать самоубийства, насиловать женщин — две недели уходит на то, чтобы уровень преступности вернулся к норме. Это почти как волна, которая захлестывает много людей, и все эти люди попадают под ее влияние.

Коллективное сознание функционирует как одно целое. Оно не позволяет индивидуальности

решать за себя. У людей нет собственного пространства.

Ученые обнаружили, что даже у животных есть жизненно необходимая территория. Например, у львов есть своя территория, и чтобы сделать эту территорию известной всем жителям леса — все животные делают то же самое — они постоянно помечают ее мочой в определенных местах. Запах их мочи не позволяет другим животным ступить в их владения. Было замечено: если вы не зайдете на эту территорию и будете просто стоять за ее пределами, лев не будет беспокоиться. Если он отдыхает, он будет наблюдать за вами, отдыхая, вы не увидите никакого беспокойства; но всего один шаг на его территорию, и он на ногах — вы вторглись в его пространство.

Собаки все время делают то же самое: определяют свою территорию, "отмечаясь" на этой колонне, на этом боге, на этом храме, на этой церкви. И другие собаки знают это.

Любое животное чувствительнее вас. Лошади могут учуять запах за две мили. Если там есть лев, они могут почуять его запах на расстоянии двух миль и остановятся; они очень неохотно пойдут дальше.

У деревьев есть свое особое пространство, и если вы посмотрите...

Африканские деревья выше всех остальных деревьев в мире по той простой причине, что они не могут найти вокруг себя достаточно места. Леса настолько густы, что они могут найти свободное пространство, только если растут высоко в небо. Посадите такое же дерево здесь, и оно не вырастет до такой высоты, в этом нет необходимости; но в Африке оно достигнет высоты в двести футов, чтобы почувствовать пространство, свободу и индивидуальность.

Человек полностью забыл об этом. И не исключено, что напряженность человека в большой степени объясняется именно толпой.

Уединение — это духовная необходимость. Но толпа становится все больше и больше; где бы вы ни были, вы находитесь в толпе.

Мало-помалу вы полностью забываете, что нуждались в одиночестве. Вы остаетесь пигмеями, вы не растите свои души. Нет такого места, где ваша душа могла бы расцвести. Первое — это одиночество, второе — неповиновение. Нужно быть бунтовщиком, нужно научиться говорить толпе "нет".

Нужно решать самому.

Нужно всем дать понять, что никто не будет решать за вас.

Я был в одном доме, и там играл маленький ребенок... Я сидел на лужайке, а он играл рядом со мной. Я заговорил с ним и спросил:

— Кем ты собираешься стать? Он сказал:

— Насколько я понимаю, я стану ненормальным. Я спросил:

— Почему ты так думаешь? Он сказал:

— Мама хочет, чтобы я стал врачом, отец хочет, чтобы я стал инженером, мой дядя хочет, чтобы я стал ученым. Поэтому я говорю, что все эти люди сделают из меня ненормального. И никто не спрашивает меня, кем я хочу стать. Они решают, они спорят, они постоянно ссорятся. Я единственный сын, и все они хотят, чтобы я удовлетворил их амбиции.

Я сказал этому мальчику:

— Научись говорить "нет". Не обязательно становиться ненормальным. Настаивай на том, что хочешь ты, и рискуй ради этого всем — и ты никогда не будешь несчастным. Может быть, ты и не станешь очень богатым, может быть, ты не будешь очень знаменитым, но кому нужна слава? И за деньги не купишь ничего по-настоящему важного. Если у тебя будет глубокая удовлетворенность — ибо ты стал тем, кем хотел — ты будешь самым богатым человеком в мире.

Богатство заключается не в банковском счете, богатство — это ваша удовлетворенность, ваша полнота, ваша внутренняя радость — чувство, что вы обрели собственное назначение.

Упорство означает непослушание.

Если кто-то говорит нечто, с чем вы глубоко согласны, что глубоко гармонично вам... вы можете сказать "да", но пусть ваше "да" будет абсолютным; если что-то внутри вас не желает говорить "да", лучше сказать "нет". Это одна из основ жизни: только человек, способный сказать "нет", может сказать "да". Если вы не можете сказать "нет", ваше "да" бессильно; оно ничего не значит, в нем нет силы.

Толпа желает, чтобы вы были очень послушны — во всем, даже в мелочах вы должны слушаться.

В детстве я обычно ходил куда хотел, и мой отец спрашивал:

— Зачем ты заставляешь нас волноваться? Мы искали тебя и не могли найти, мы беспокоились. Ты мог бы сказать, ты мог бы спросить у нас, можно ли тебе уйти. Почему ты не спрашиваешь?

Я отвечал:

— Потому что я хотел уйти. Я уже пробовал и понял: когда я спрашиваю, я всегда слышу "нет". Мне не хочется напрасно обижать вас или противоречить; лучше уйти молча, без всяких проблем. Я в любом случае уйду, скажете ли вы "да" или "нет".

С самого детства они стали считать меня слегка сумасшедшим, потому что я никогда не подчинялся, если это не соответствовало моим представлениям. И неповиновение научило меня очень многому. Оно дало мне огромную силу самостоятельности, оно сделало меня свободным от толпы. За всю свою жизнь я ни разу не послушался чьего-нибудь приказа.

Когда я учился в аспирантуре, правительство издало закон, что каждый студент обязан пройти военную подготовку, и пока вы не получите удостоверение из армии, вам не дадут аспирантский диплом.

Я пошел прямо к своему вице-канцлеру и сказал:

— Оставьте себе мой диплом, мне он не нужен. Но я не пойду на какую-то идиотскую подготовку.

Главная функция армии в том, что она уничтожает ваш разум, поскольку вы не можете сказать "нет", а если вы не можете сказать "нет", ваш разум начинает умирать. Сначала вам немного трудно сказать "да", но вы поневоле говорите. Постепенно вы привыкаете говорить "да", совершенно не думая, с чем вы соглашаетесь.

Я сказал:

— Я не собираюсь ни на какую военную подготовку. Меня не интересует аспирантура, я не могу представить, чтобы кто-то командовал мне: "Налево!" — и я должен повернуться налево, без всякой причины. "Направо!" — и я должен поворачиваться направо. "Вперед!.. Назад!" Я так не могу. А если вы хотите, чтобы я делал это, сообщите офицеру, что ему придется объяснять мне все. Почему я должен поворачиваться налево? Какая в этом необходимость? Вице-канцлер сказал:

— Не создавайте неприятностей. Просто молчите. Я постараюсь, я скажу офицеру, чтобы он отмечал вам посещения — но не нужно неприятностей, потому что если вы начнете создавать проблемы, другие тоже могут начать создавать проблемы. Пока вы единственный, кто пришел ко мне; остальные уже надели форму.

Я сказал:

— Это ваше дело. Если мне придется проходить военную подготовку, обязательно будут проблемы, потому что я не тот человек, который будет подчиняться без веских причин.

Но общество всеми способами учит вас быть послушным, быть скромным, быть смиренным, уважать старших. Это не путь духовного роста, это способ духовного самоубийства.

И третье — это осторожность, предусмотрительность.

Все вы сильны задним умом — кто-то что-то говорит, и позднее вы понимаете, что это значит. Теперь вы знаете, что должны были сказать, но уже поздно. Возникает какая-то ситуация, и вы не знаете, как ее встретить, как ответить на нее. Вы никогда не реагируете мгновенно. Все ваши реакции случайны; ваши стрелы не достигают цели, они падают слишком близко.

Чтобы быть независимым и свободным, человеку нужна предусмотрительность. Он должен смотреть вперед — потому что смотреть назад бессмысленно; с прошлым ничего нельзя сделать, вы не можете его изменить. Но можно что-то сделать в будущем. Если вы предусмотрительны, вы можете отвечать ситуации более уместно и изящно.

Сверхчеловек — самый изящный человек, которого можно представить. Его изящество исходит из предусмотрительности. Это очень расслабленный человек, и его расслабленность рождается из предусмотрительности. Он знает, что должно случиться; он готов ответить.

Вы не можете застать его неготовым. Даже если смерть стучится в его дверь, он радостно приветствует ее — ибо он познал жизнь; смерть будет для него новым приключением.

Узловатыми и искривленными, но гибкими и твердыми пусть стоят они у моря, как живой маяк непобедимой жизни.

Там, где бури низвергаются в море и горы утоляют жажду свою, денно и нощно будут они стоять на страже, чтобы испытать и познать себя.

Для индивидуальности каждая жизненная ситуация — это испытание, какой бы трудной и тяжелой она ни была. Такой человек радостно идет на все. Как счастье принимает он любую опасность, ибо только эта опасность сделает его сильнее, даст ему признание — не в толпе, но признание от самого существования.

Испытанным и проверенным должно быть каждое из них, чтобы знать мне, моего ли они рода, закалена ли воля их, молчат ли они, даже когда говорят, и делают ли вид, что берут, отдавая.

Сверхчеловек, человек, который обрел целостность и индивидуальность, который окружил себя сознательностью, молчалив даже тогда, когда говорит. Глубоко внутри он — не что иное, как безмолвие. Его слова рождаются из тишины, а не из болтовни ума.

Ваши слова могут исходить из двух источников: либо из тишины сердца, либо из шума, безумной разноголосицы головы. В основном они рождаются из головы, ибо вы никогда не входите в безмолвие собственного сердца.

Когда слово приходит из головы, оно бессмысленно. Когда слово рождено в безмолвии, оно очень значимо. Оно несет в себе нечто от тишины. И если у вас есть уши, чтобы слышать, вы услышите не только слово, вы услышите также и безмолвную весть.

Человек, который сознателен, бдителен, индивидуален, знает также, как дарить — чтобы не унижать другого, чтобы не унижать чужой гордости; он отдает так, как будто вовсе не дает. Наоборот, он берет что-то. Он возвеличивает вашу гордость, ваше достоинство.

Чтобы сделаться некогда спутниками моими, созидателями и празднующими вместе со мной; теми, кто напишет волю мою на моих скрижалях — "Все сущее да становится совершенным".

И ради них и подобных им должен я сам достигнуть совершенства.

Нужно начать с самого себя.

Нужно стать предельно эгоистичным.

Только из этого эгоизма вырастет цветок, который сможет поделиться ароматом с другими.

Старые традиции учили вас быть бескорыстными, но вы даже не умеете быть эгоистичными — как вы можете стать бескорыстными? Вы даже не знаете, что такое эгоизм. Начните с начала. Все старые учения о бескорыстии — абсолютная чепуха. Люди, которые пытались быть бескорыстными, только на поверхности были такими; в глубине они эгоистичны.

Мне всегда нравилась одна прекрасная история. В одном китайском городе был ежегодный праздник. В древнем Китае колодцы не были ограждены стенами, так что было очень легко упасть в колодец; вам ничто не мешало. Один человек упал в колодец, а поскольку был праздник, то стоял такой шум, что никто не слышал, как он кричит. Только буддийский монах, привыкший к глубокой тишине, услышал его крики: "Спасите!"

Он подошел к колодцу и сказал:

— Какой смысл? Что ты будешь делать, если тебя спасут? Снова повторять эту жизнь? Лучше молча умереть, как учил меня мой учитель.

Этот человек сказал:

— Мне сейчас не нужна никакая философия. Я умираю, а ты говоришь о философии! Буддийский монах сказал:

— Никто не умирает, душа вечна. Мы просто меняем дом. Увидимся в каком-нибудь другом доме. — И ушел.

Этот человек очень разозлился, но ничего не мог сделать — ведь он был в колодце. Тогда пришел монах-даос — эти люди слышали, как он кричит, поскольку привыкли к медитации и тишине. Он посмотрел вниз и спросил:

— В чем дело? Почему ты кричишь? В момент, когда умираешь, нужно медитировать. Послушай великого Лао-цзы, он говорит: "Никогда не плывите против течения, плывите вместе с потоком — расслабьтесь!"

Этот человек сказал:

— Ну и странное место! Вытащи меня сначала, и я покажу тебе, что такое расслабиться. Монах сказал:

— Мой Мастер учит не вмешиваться в чужую жизнь. Я не могу вмешиваться, прости меня. Единственное, что я могу тебе посоветовать — плыви по течению.

Вслед за ним пришел конфуцианский монах и сказал:

— Это доказывает правоту Мастера.

Человек в колодце вздохнул:

— По-видимому, никто не желает побеспокоиться о моем спасении.

Монах-конфуцианец сказал:

— Дело не в вашем спасении. Дело в том, что Конфуций сказал: каждый колодец нужно обнести защитной стеной, и я иду проповедовать это повсюду, чтобы все колодцы имели стены и никто в них не падал. Умрет один человек или нет - это неважно, это социальный вопрос. Подумайте о своих детях — они не должны падать в колодцы.

И как бы там ни было, что вы будете делать, если спасетесь? Вы уже стары, на вид вам около пятидесяти, вы достаточно пожилы, пришло ваше время. Согласно моему учителю Конфуцию, ничто не происходит раньше времени. Но ваш пример доказывает правоту моего Мастера: каждый колодец нужно оградить стенами. Нужна великая революция по всей стране, чтобы люди начали возводить стены. То, что вы упали в колодец — великое событие: вы подтолкнули меня. Теперь я пойду повсюду, я обойду всю страну; можете не беспокоиться.

Но этот человек сказал:

— Даже если у всех колодцев будут стены, это меня не спасет. Сделайте сначала что-нибудь, чтобы спасти меня! Конфуцианец сказал:

— Я верю в социальные реформы; я не стану тратить свое время и энергию на мелочи. Спасти вас может любой, а вот социальные реформы... Я не могу ждать, я прямо сейчас иду проповедовать толпе. А вы — прекрасный пример. Если кто-то начнет задавать вопросы, я скажу: "Пойдите и загляните в тот колодец". Вытащив вас, я лишился бы такого прекрасного примера. Так что будьте спокойны и ждите.

Человек сказал:

— Никогда не думал, что к этому колодцу может прийти столько разных идиотов... ни одного нормального человека!

Тут пришел христианский миссионер, у которого с собой была веревка и корзина. Он немедленно сбросил вниз корзину с веревкой и сказал бедняге:

— Садитесь в корзину, держитесь за веревку, я вытащу вас. Так учит великий Иисус Христос, единственный рожденный Сын Божий: служение есть религия. Служа вам, я стяжаю великую добродетель.

Он выбрался наверх. Он был очень счастлив и сказал:

— Кажется, ваша религия — единственная истинная религия.

Христианский миссионер ответил:

— Конечно.

— Но интересно, — сказал этот человек, — зачем вы носите с собой веревку и корзину?

— Мы всегда готовы к любой опасности, — ответил миссионер. — Наш девиз — служение, ибо только служением мы можем достичь рая. Вы сделали великое дело, упав в колодец. Если бы вы не свалились сюда, я упустил бы свою добродетель.

И надо остановить этого идиота-конфуцианца, который пошел к народу с призывом возводить стены вокруг колодцев. Это помешает людям служить другим; его необходимо остановить. Учите своих детей и помогайте другим падать в колодцы. Я всегда наготове, поблизости, с веревкой и корзиной. Чем больше людей свалится в колодец, тем большую добродетель стяжает тот, кто их вытаскивает.

Создается впечатление, что эти люди, служащие другим, служат ради награды. Они надеются, что им устроят пышную встречу в жемчужных вратах рая. Они отправятся туда с полным списком — сколько они спасли сирот, сколько человек вытащили из колодца, скольким людям помогли получить образование, сколько человек получило от них лекарства... но тем не менее, их главный интерес очень корыстен. И иначе не может быть, такова сама природа человека.

Заратустра не против человеческой природы. Будьте эгоистичны. Пусть ваша самость вырастет до своего предела, дайте ей расцвести; и потом ее аромат будет распространяться во все стороны — это будет ваше бескорыстие. И оно не будет требовать награды нигде, ни здесь, ни в мире ином, оно будет само по себе наградой, это будет радость — поделиться своим благоуханием.

Заратустра не за бескорыстное служение. Ни один понимающий человек не скажет: "Служите другим". Вы не знаете себя. Ваше служение другим может быть только опасным. Сначала познайте себя. Сначала будьте собой.

Сначала растите сколько сможете, а отдача случится потом сама собой. Это не что-то, что нужно делать. Вы станете дождевым облаком и польете многие земли, и вы не будете думать, что вы кому-то что-то даете. Напротив, вы будете думать, что берете нечто от других.

Туча, проливающая дождь на жаждущую землю, не думает, что делает это оттого, что земля жаждет. Она благодарна земле, потому что та позволила ей освободиться от тяжести; она была переполнена водой. Она не заставит землю почувствовать себя обязанной; наоборот, туча обязана земле.

И в этом достоинство человека.

Чтобы сделаться некогда спутниками моими, созидателями и празднующими вместе со мной; теми, кто напишет волю мою на моих скрижалях — "Все сущее да становится совершенным".

И ради них и подобных им должен я сам достигнуть совершенства: потому уклоняюсь я теперь от счастья моего и предаю себя всем несчастьям — чтобы испытать и познать себя в последний раз.

Он говорит: "Меня больше не интересуют маленькие удовольствия, мелкие удачи. Моя единственная забота — подвергнуть себя последнему испытанию, испытанию огнем, которое даст мне признание от самого существования — что мое сознание бессмертно, что мое сознание божественно, что я выполнил свое предназначение".

"Возжелать" — для меня означает "потерять себя". У меня есть вы, дети мои! Он говорит: "Мое желание не ограничивается сверхчеловеком, ибо я желал сверхчеловека достаточно долго. Одно желание не поможет".

"Возжелать" — для меня означает "потерять себя". У меня есть вы, дети мои! В этом обладании все должно быть уверенностью, так, чтобы не было места желанию. Это не желание; я абсолютно уверен, что обладаю вами. Все, что необходимо — это их самоутверждение, их рост, становление индивидуумами, восхождение к звездам. В этом обладании все должно быть уверенностью, так, чтобы не было места желанию. Желание неопределенно; вы желаете тысячи и одной вещи. Он говорит: "Я владею этим. Я полностью овладел своей душой и собираюсь ее изменить. И это не желание, это уверенность. Я абсолютно и безусловно предан только одному: созданию сверхчеловека, ибо сверхчеловек будет солью земли".

...Так говорил Заратустра.

ПЕРЕД ВОСХОДОМ СОЛНЦА

12 апреля 1987 года

Возлюбленный Ошо,

ПЕРЕД ВОСХОДОМ СОЛНЦА

О небо надо мной, чистое, глубокое! Бездна света! Созерцая тебя, я трепещу от божественных желаний.

Броситься в высоту твою — в этом моя глубина! Укрыться в чистоте твоей — в этом моя невинность!

Бога скрывает красота его: так и ты скрываешь звезды свои. Ты безмолвствуешь: так возвещаешь ты мне мудрость свою...

Мы друзья с тобой издавна...

Мы не говорим друг с другом, ибо ведаем слишком многое: молча, улыбками передаем мы друг другу нагие знание.

Не свет ли ты от пламени моего? Душа твоя — не сестра ли озаренности моей?

Вместе учились мы всему; вместе учились подниматься над собой к самим себе и безоблачно улыбаться; улыбаться из беспредельной дали, светлыми очами, когда под нами, словно дождь, клубятся Насилие, Цель и Вина.

И когда блуждал я в одиночестве: чего алкала душа моя по ночам на тропинках

заблуждения? И когда поднимался я в горы, кого, как не тебя, искал я там?

И все мои странствия и восхождения — они были лишь необходимостью и помощью неумелому: только лететь хочет воля моя, лететь в тебя, в твои просторы!

И что ненавидел я больше, чем медленно ползущие облака и все омрачающее тебя? И собственную ненависть свою ненавидел, потому что она омрачала тебя!

Ненавижу я медленно ползущие облака, этих крадущихся хищных кошек: они забирают у тебя и у меня то, что у нас общее — ничем не ограниченное, беспредельное утверждение и благословение...

Но сам я — благословляющий и утверждающий, только бы ты было надо мной, чистое, светлое небо, бездна света! Тогда во все бездны понесу я святое утверждение мое.

Я стал благословляющим и утверждающим: для того я сделался борцом и так долго боролся, чтобы освободить когда-нибудь руки для благословения.

И вот благословение мое — быть над каждой вещью ее собственным небом, ее круглой крышей, ее лазурным колоколом и вечным покоем; блажен, кто так благословляет!

Ибо все вещи крещены в источнике вечности и по ту сторону добра и зла; а добро и зло суть только бегущие тени, влажная печаль, ползущие облака...

Мир — глубок, и он глубже, чем когда-либо думалось дню. Не все дерзает говорить перед лицом дня. Но день приближается, и мы должны расстаться!

О небо надо мной, стыдливое, пылающее! О счастье мое перед восходом солнца! День приближается, пора нам расстаться.

...Так говорил Заратустра.

Заратустра может говорить только поэтично. Он бессилен. Проза для него почти невозможна, ибо есть высоты и глубины, доступные только поэзии — проза слишком буднична.

Поэзия — не просто форма, это и определенный дух, красота, изящество. С точки зрения языка его высказывания, возможно, и нельзя назвать стихами, но никто не сможет отрицать, что это — поэзия в чистом виде. По своему духу, в самом своем основании они поэтичны.

Так что пожалуйста, не понимайте эту прозу так, как обычно понимают прозу. В ней нет логики, но она необычайно эстетична. Его слова выражают не то, что выражают слова в словаре. Его слова — только крылья, указатели, но они всегда указывают за пределы слов. Они всегда намекают на большее, чем могут сами вместить.

Другими словами, Заратустру нужно понимать метафорически, а не буквально. Он — не человек буквы, он — человек подлинного опыта. Эти строки, "Перед рассветом", не просто красивы — в них содержатся великие озарения, и они могут помочь всем тем, кто не хочет ограничиваться умом, кто хочет трансцендировать его.

Трансценденция человека и человеческого ума — главное учение Заратустры.

О небо надо мной, чистое, глубокое! Бездна света! Созерцая тебя, я трепещу от божественных желаний.

Небо символизирует пустоту, но не в негативном смысле... Пустоту, которая полна, переполнена. Небо — это древнее слово: то, что мы сейчас называем "пространство, космос".

Заратустра страстно стремится к беспредельности: никаких ограничений для человеческого духа, никаких границ для человеческого полета. Вот почему он носит с собой орла как символ стремления подняться выше звезд. Он первый человек, который жаждет так многого; и пока вы не возжелаете так много, вы останетесь мелкими. Ваши желания очень мелки — деньги, уважение, определенное общественное положение, политическая власть.

В этом разница между желанием и страстью: страсть всегда направлена к священному,

желания достижимы. Страсть направлена к невозможному; и пока вы не устремитесь к невозможному, вы не сможете подняться к своей абсолютной высоте и не сможете проникнуть в свою предельную глубину.

Заратустра очень ясно говорит, что единственным вызовом для человеческого сознания должно быть невозможное. Ничто меньшее он не примет как цель. Все достижимое не стоит того, чтобы к нему стремиться, все возможное уже потеряло свое духовное значение. Только невозможное даст вам достаточное пространство, чтобы быть вашим высшим "я", чтобы стать вашей вечностью.

Для Заратустры невозможное — синоним Бога. Если вы способны понять его невозможное, вы поймете, как религии принизили и обокрали это прекрасное слово — "Бог".

Бог не существует. И Бог недостижим; Бог — просто другое название невозможного. Но вы не можете стать сверхчеловеком, если не стремитесь к невозможному. Небо — это пространство без всяких границ. Это свобода от всех оков прошлого, от всех уз, делающих вас такими посредственными, хитрыми, завистливыми.

Недавно Анандо показала мне одну карикатуру — это замечательная картинка, но правительство Тамилы Налу в Мадрасе потребовало от художника публичных извинений. Он, конечно, отказался, потому что не называл никаких имен. На карикатуре изображены две фигуры; под человеком, похожим на карманного воришку, написано "министр", а под человеком, похожим на дакойта, вора — "главный министр". Кого это может разозлить? И особенно в демократической стране, где вы постоянно хвалитесь свободой слова. Он никого не называл по имени, а в Индии полно министров и главных министров.

На самом деле, кто действительно должен был обидеться — так это карманники и дакойты. Но у них, по-видимому, есть некоторое чувство юмора. Ни карманники, ни дакойты не пошли в суд, чтобы сказать: "Это оскорбление".

Но главный министр Тамилы Налу и все законодательное собрание единогласно проголосовали за то, чтобы отправить этого человека в тюрьму на год, потому что он отказался извиниться. Этот художник уже отсидел три дня... но по всей стране поднялся большой шум, что это полный абсурд. Он не упоминал никаких имен, и если даже карикатура наносит такой ущерб вашему положению, то это значит, что в ней есть доля правды. Все обиженные выдали себя, они признались, что это карикатура на них; иначе на что обижаться, там ведь не было имен.

Поскольку давление общественного мнения по всей стране становилось все сильнее и сильнее, им пришлось освободить этого человека. Но таково человеческое ничтожество. Даже люди, которых вы считаете великими вождями человечества, ведут себя так глупо.

Вчера было другое сообщение...

Я часто говорил вам, что королевские фамилии в Европе веками совершали тяжелые преступления, заключая внутри-семейные браки. От них родилось больше умственно отсталых людей, чем где-либо в мире.

Сорок шесть лет назад две двоюродные сестры королевы Елизаветы и еще три далекие родственницы — всего пять человек — были признаны ненормальными. Их потихоньку упрятали в приют для умалишенных, не сообщая об этом публике. И вы удивитесь: когда спросили, что случилось с этими сестрами — ведь они вдруг исчезли — от королевской фамилии последовал ответ, что они умерли; а они были в сумасшедшем доме. Одна из них только что умерла, поэтому вся эта история снова ожила — "Мы думали, что она умерла сорок шесть лет назад; а теперь она снова умирает!"

А что с другой сестрой? Обнаружилось, что она до сих пор жива. И не она одна — еще три родственницы тоже находятся в психиатрической лечебнице. Это тоже хранилось в

тайне сорок шесть лет. И это люди, которые считаются образцами для подражания...

Кажется, человек — самое испорченное и хитрое животное во всем мире. Все усилия Заратустры направлены на то, чтобы вернуть человеку невинность: свободу неба, тишину неба, чистоту неба, невинность неба.

О небо надо мной, чистое, глубокое! Бездна света! Созерцая тебя, я трепещу от божественных желаний. Что это за божественные желания?.. Стремление превзойти все те сокровища, которыми человек до сих пор дорожил.

То, что он считал украшениями — не что иное, как цепи; то, что он считал домом — не что иное, как тюрьма; то, что он считал семьей, не помогало ему расти, но замедляло его развитие. То, что он считал религиями — которые, как предполагалось, должны вести человека к Богу — это всего лишь люди, закрывающие от него всякий поиск Бога.

Божественная страсть — превзойти все эти барьеры и двинуться навстречу неведомому небу в поисках невозможного. Красота этой идеи в том, что в поисках невозможного вы найдете себя. Вы не сможете найти себя до тех пор, пока не устремитесь к невозможному. Только эта великая страсть может поднять вас над всеми человеческими ограничениями, очистить от всего, что отравляет вас, сделать вашу душу такой же беспредельной и такой же чистой, как небо.

Бросься в высоту твою — в этом моя глубина! Заратустра говорит: "Твоя высота — это моя глубина. Меньшее меня не удовлетворит".

Укрыться в чистоте твоей — в этом моя невинность! И пока я не стану настолько же чист, как ты, я не узнаю собственной невинности.

Бога скрывает красота его, так и ты скрываешь звезды свои. Ты безмолвствуешь - так возвещаешь ты мне мудрость свою. Небо не говорит. Это не значит, что оно немое, это не значит, что оно невежественно. Мистику известно: когда вы знаете, безмолвие — единственный язык. Безмолвие неба возвещает о его мудрости.

Он говорит также: Бога скрывает красота его. Вы можете найти Бога в прекрасном цветке, в красивом закате, в красоте звездной ночи, в красоте тишины; но не в церквях, не в храмах и не в мечетях. Их священники создали фальшивых богов, чтобы обмануть человечество.

Все ваши божьи храмы — просто построенные людьми магазины, где вы можете очень легко и дешево купить Бога - без всяких поисков, без всякого риска, без всякой опасности, никуда не выходя, не подставляя своих крыльев небу, даже не открывая глаз свету, не поднимая головы и не взглянув на звездную ночь... каменную статую.

Священники многие века обманывали вас и продолжают обманывать. Ответственны не только они, вы тоже ответственны за это. Вы хотите этой дешевизны. Когда есть спрос на дешевых богов, естественно, находятся люди, готовые снабдить ими.

А человек, который говорит о подлинном Боге, покажется вам опасным. Он может смутить умы молодежи, потому что может создать в них жажду паломничества за невозможным. А толпа не желает, чтобы вы покидали общую паству.

Мы друзья с тобой издавна...

Мы не говорим друг с другом, ибо ведаем слишком многое, молча, улыбками передаем мы друг другу наше знание.

Прекрасные слова: Мы не говорим друг с другом, ибо ведаем слишком многое. Нет нужды говорить.

Был один замечательный случай в жизни одного великого индийского мистика, Кабира, и другого великого мистика, Фариды. Фарид странствовал с учениками, и они проходили Магхар, небольшую деревню поблизости от Варанаси. Варанаси находится на одной стороне Ганга,

Магхар — на другой. Варанаси многие века был цитаделью индуизма, и по мнению индуистских ученых, это самый древний город на земле. И по-видимому, так оно и есть, потому что он упоминается в древнейших писаниях.

Священники распространили представление, что человек, умерший в Варанаси — неважно, кем он был, грешником или святым — если он умрет в Варанаси, рай ему обеспечен. Поэтому в Варанаси полно старых людей, мужчин и женщин, которые дожидаются там смерти. Они ничего не сделали в жизни — но по крайней мере, одно они могут еще сделать: они могут умереть в Варанаси.

Это странный город — люди идут туда только умирать. Когда становится ясно, что жизнь ускользает у них из рук и времени осталось немного, люди отправляются в Варанаси. Это самый мертвый город в мире. Все ждут смерти.

Но смерть — такая штука, в которой нельзя быть полностью уверенным, поэтому, даже когда люди умирают где-то в другом месте, их родственники привозят тела в Варанаси. Их тела, по крайней мере, можно сжечь в Варанаси. Если даже это будут не самые высокие небеса, а где-нибудь пониже... но ада можно избежать.

Точно так же, как тысячелетиями было известно, что умерев в Варанаси, вы рождаетесь богом на небесах, Магхар — маленькая деревушка напротив Варанаси... Невозможно выяснить, откуда люди взяли эту идею, может быть, дело в том, что каждую идею нужно уравновесить, а Магхар ближе всего от Варанаси — так что всякий, кто умрет в Магхаре, неминуемо отправится в ад — если он грешник. Но если это святой, нужны какие-то уступки; тогда он родится ослом!

Перед смертью, чувствуя старость, Кабир сказал ученикам — он всю жизнь прожил в Варанаси:

— Теперь я хочу жить в Магхаре. Они спросили:

— Ты сошел с ума? Люди покидают Магхар; перед смертью они перебираются на этот берег. Здесь всего пятнадцать минут пути. Ты что, сумасшедший — с чего ты вздумал отправиться в Магхар?

Он сказал:

— Я хочу попасть в рай только если я достоин его, а не благодаря Варанаси, — это просто человеческая гордость, — я уж лучше предпочту ад; я могу стать ослом, все в порядке; но по крайней мере это я сам, и я ничем не обязан Варанаси.

Его невозможно было переубедить; он ушел в Магхар. Его ученики поневоле пошли за ним.

В это время через Магхар проходил Фарид. Его ученики сказали:

— Несколько дней назад Кабир приехал жить в Магхар; будет великая радость, если вы встретитесь.

И Кабиру ученики сказали то же самое. Кабир ответил:

— Конечно, пригласите его. Он должен быть нашим гостем.

И они встретились. Они обнялись, они плакали, улыбались, все что угодно — но не говорили.

Ученики обоих мистиков были сильно разочарованы: "Что это за ерунда... два дня прошло, а они все сидят, держась за руки, плача, смеясь или танцуя". Не было сказано ни единого слова.

Через два дня Фарид ушел; Кабир пошел проводить его до границ Магхара. Они снова обнялись, плакали и смеялись.

Эти два дня показались их ученикам двумя жизнями — они ждали, что их Мастера будут разговаривать, скажут что-нибудь. Когда они расстались, ученики были очень разгневаны и спрашивали:

— И это называется встреча? Кабир сказал:

— Говорить было нечего. Он точно такой же, как я. Говорить с ним — все равно что говорить с самим собой, это было бы просто глупо.

А Фарид сказал:

— Разговаривать было невозможно, потому что он знает все, что знаю я; я знаю все, что знает он. Мы с ним находимся в одной точке. Мы плакали о вас и смеялись над собой. И чтобы не совсем разочаровать вас, мы даже танцевали. Но больше ничего нельзя было сделать. Заговорив, кто-то из нас проявил бы невежество.

Мы не говорим друг с другом, ибо ведаем слишком многое: молча, улыбками передаем мы друг другу наше знание.

Не свет ли ты от пламени моего? Душа твоя — не сестра ли озаренности моей?

Вместе учились мы всему; вместе учились подниматься над собой к самим себе и безоблачно улыбаться: — улыбаться из беспредельной дали, светлыми очами, когда под нами, словно дождь, клубятся Насилие, Цель и Вина.

Эти три слова — насилие, цель и вина — относятся к толпе маленьких людей. Они живут жизнью принуждения; они даже любят по принуждению, они работают по принуждению. Они все делают без радости, из чувства долга.

Мой отец любил, когда ему массировали ноги, поэтому, если ему кого-то удавалось найти... а я всегда был свободен, потому что мне нечего было делать в мире и все знали, что я ни на что не годен, так что никто не давал мне никакой работы. Люди несколько раз поручали мне какую-нибудь работу, но результаты были так плачевны, что они перестали... Я всегда был где-то поблизости. Он просил меня, и иногда я соглашался, а иногда нет.

Однажды он спросил:

— От чего это зависит? Иногда ты соглашаешься, а иногда говоришь "нет". Я ответил:

— Я соглашаюсь, когда чувствую, что могу сделать это с любовью, радостно, без всякого принуждения. Я отказываюсь, если чувствую, что буду делать это по принуждению, как долг. Для меня долг — безобразное слово.

Иногда бывало так, что я начинал массировать ему ноги, но в середине работы говорил:

— На сегодня все.

— Он мог сказать:

— Но я еще не удовлетворен. Я говорил:

— Дело не в твоей удовлетворенности. Я полностью удовлетворен. Если я продолжу массаж, это будет принуждение, а я ненавижу делать что-то по принуждению; так что извини меня.

Он говорил:

— Ты странный мальчик. Ты начал и массировал так хорошо.

— Я делал это так хорошо потому, что мне нравилось. Когда мне что-то нравится, я делаю это. Но если я не чувствую никакой любви, я не хочу притворяться. И я хочу, чтобы тебе стало ясно: таково мое отношение ко всему в жизни. Когда я говорю "да", я имею в виду "да". Когда я говорю "нет", я подразумеваю "нет". Не старайся превратить мое "нет" в "да", тебе никогда это не удастся. Я лучше умру, чем сделаю что-то из послушания, по принуждению, оттого, что ты мой отец.

Но люди на всей земле делают то, что они ненавидят. И они говорят, что им это ненавистно, но они вынуждены, им приходится это делать.

Делать что-то по принуждению — это рабство, а Заратустра ненавидит рабство; или ради какой-то цели — это тоже другая разновидность рабства.

Вы делаете что-то для того, чтобы что-то получить, за этим стоит некая цель. Вы с кем-то очень милы, и за этим есть цель. Тогда ваше обаяние отвратительно. Вы должны

осознать, что жизнь без цели, жизнь из одной только радости — единственно чистая жизнь.

Цель все оскверняет, отравляет.

Но есть люди... У них все имеет под собой какую-то цель. Фактически, если у вас нет цели, они будут считать вас сумасшедшим. Тогда зачем вы что-то делаете?

Цель стала для них единственным смыслом любого действия; они живут под властью этого глупого представления.

Так вот, если кто-то делает нечто из чистой радости, не требуя в конце никакой награды, не требуя ничего взамен - каждое его действие само по себе есть награда...

Лишь такой человек знает глубины жизни, высоты жизни.

И эти глубины и высоты, без сомнения, есть глубины и высоты неба.

А еще люди живут из чувства вины. Каждое воскресенье люди идут в церковь — не потому, что им действительно так хочется, не потому, что это приносит им огромную радость, не потому, что у них есть какие-то чувства к Иисусу. И все же они идут; иначе они будут чувствовать вину. Просто наблюдайте, сколько вещей вы делаете из страха, что если вы не сделаете их, вы будете чувствовать себя виноватыми.

В одном экзистенциалистском романе есть замечательный случай. Человек стоит в суде. Он убил незнакомца, которого никогда раньше не встречал. Вопрос о какой-то вражде не стоит — они не были даже друзьями.

Он никогда не видел его лица, потому что этот человек сидел на берегу и смотрел на море, а убийца подошел сзади и убил его ножом. Он даже не потрудился узнать, кто это и как он выглядит. Однако свидетелей не было, он сам все рассказал суду. Он сообщил в полицейский участок: "Это сделал я, и если вы хотите, чтобы я пошел в суд, я готов".

Полицейский был изумлен, потому что против него не было никаких улик, и не было ни одного свидетеля. Судье этот человек сказал:

— Если вы собираетесь наказать меня, это должно быть не меньше виселицы. Судья сказал:

— Вы странный тип. Во-первых, почему вы убили этого человека?

Он ответил:

— Почему я убил этого человека? Почему я родился? Есть ли у этого какое-то объяснение? Спросил ли меня кто-нибудь: "Хочешь ли ты родиться или нет?" Каждый день умирают миллионы людей. Спрашиваете ли вы у них: "Почему вы умираете? С какой целью?"

Судья сказал:

— Странно... но вы убили его! Он ответил:

— Я сказал себе: я чувствую, что должен сделать что-то; но у меня нет никаких талантов. Я не умею рисовать, я не умею петь, я не играю ни каких инструментах, я не умею танцевать. Я хотел сделать что-то историческое. Я по-настоящему счастлив, что моя фотография помещена на первых страницах всех газет. Этого достаточно. Что еще нужно человеку? Весь мир узнал обо мне благодаря одному-единственному поступку, и вместе со мной все узнали также про этого беднягу.

Но по закону этой страны вы не могли принять признание со слов самого убийцы, если не было свидетелей, или улик, или хотя бы каких-то косвенных доказательств. Судья не мог вынести приговор на одном только основании, что этот человек так сказал. Так что он потребовал от полиции найти какие-нибудь косвенные свидетельства. Что это за человек? Какие-нибудь признаки — есть ли за ним какие-нибудь преступления, сидел ли он раньше в тюрьме? Чем он занимается, кто его друзья, какой образ жизни он ведет — собрать любые сведения, которые могут косвенно подтвердить, что этот человек мог совершить преступление.

Среди этих косвенных улик есть одно замечательное обстоятельство. Какой-то человек встает со скамьи свидетелей и говорит: "Да, этот человек мог сделать это. Я не могу утверждать, что он сделал это, но он может это сделать. В тот день, когда умерла его мать, он сидел со мной в ресторане. Кто-то прибежал и сказал ему: "Ваша мать умерла".

Его реакция была настолько странной, что я остолбенел. Он сказал: "Я всегда знал, что она умрет в воскресенье, чтобы испортить мне выходной. Эта старуха просто невыносима. В неделе семь дней, она могла умереть в любой другой. Какая цель в том, чтобы выбрать именно воскресенье? Только чтобы отравить его мне! А я-то купил билеты в кино. Но я так и знал. Она всегда мне все портила".

Я не мог поверить своим глазам: его мать умерла, а он жалуется, как будто она могла выбрать день. И его в этот вечер видели в кино, потому что он купил билет заранее. А позже его видели на танцах, он танцевал.

Когда я сказал ему: "Твоя мать этим утром умерла, не очень-то хорошо с твоей стороны танцевать", — он ответил: Ты хочешь сказать, что если мать умерла, то человек больше не должен танцевать, никогда? Но какая разница, танцуешь ли ты через десять часов, десять дней, десять месяцев или десять лет? Теперь это всегда будет после смерти моей матери, так какие у тебя возражения? И если люди перестанут танцевать потому, что их матери умерли, все дискотеки закроются. Бывает, что матери умирают — все матери умрут раньше или позже — но танцы должны продолжаться".

Поэтому я могу сказать, что этот человек может сделать что угодно. Возможно, он убил того человека".

Но каким бы ненормальным ни казался этот человек, в его поведении есть некая истина. Мать умерла; теперь, когда бы вы ни танцевали, это будет после смерти вашей матери. Как вы можете разграничить: это будет правильно через двенадцать часов или через двадцать четыре часа? Из какого критерия вы исходите?

Но на самом деле этот свидетель дает одно показание, о котором, возможно, не подозревает он сам и не догадывается судья. Он говорит, что этот человек не чувствует вины. Все матери умирают, зачем так суесться? Единственное, о чем он жалеет — то, что в неделе семь дней и она могла бы выбрать любой другой.

Но в нем нет чувства вины. Он убил человека, которого совершенно не знал, чужого, и не чувствует вины. Он говорит: "Бог убивает людей каждый день, миллионами. Он каждый день дает рождение миллионам людей, не спрашивая. Почему я должен спрашивать, если хочу кого-то убить? И какая необходимость знать этого человека? Я рад этому поступку, я готов идти на виселицу без всякого чувства вины. Я сам пришел в суд, полиция не ловила меня.

Я не чувствую вины, я просто чувствую, что вся эта жизнь бесполезна. И я закончил бесполезную жизнь этого человека. Возможно, ему не хватало смелости покончить с нею — мне это удалось. И если мы встретимся где-нибудь, я прекрасно знаю, что он будет мне благодарен: "Вы хорошо сделали. Я много раз думал о самоубийстве, но не мог осмелиться, а вы сделали это без всяких вопросов".

Философия экзистенциализма основана на бесцельности, бесполезности, тщетности, скуке, бессмысленности. Жизнь - простая случайность. Вы здесь не ради какой-то великой цели, а просто из-за какого-то несчастного случая. Экзистенциальная философия была осуждена всеми религиями, ибо, по их мнению, у всего должно быть назначение. Они полярно противоположны.

Заратустра не экзистенциалист, и я не экзистенциалист, но в экзистенциализме есть определенная истина, которую нельзя отрицать. Эта истина в том, что никакие цели не нужны — но они остановились на этом; это только доля истины.

Мне хотелось бы сказать, чтобы дополнить это: никакое действие не нуждается в какой-либо цели вне себя. Оно должно быть наполнено смыслом изнутри, его значение должно быть в нем самом. В этом заключается разница между религиозным и экзистенциальным отношением к жизни. Тогда в каждом мгновении есть собственная радость, собственная награда, своя особенная красота. Тогда миг за мигом вы плетете венок из цветов своей жизни. Она будет окружена аурой великой радости и исполнена необычайной значимости, но не будет исполнением какой-то цели, вам не будут вручать никаких наград. Сами ваши действия будут для вас либо наградой, либо наказанием.

И когда блуждал я в одиночестве: чего алкала душа моя по ночам на тропинках заблуждения? И когда поднимался я в горы, кого, как не тебя, искал я там? Я всегда искал небо, беспредельность, неограниченную свободу. Во всех моих странствиях и восхождениях вела меня лишь одна страсть: обрести высшую свободу, быть собой, стать подлинным и свободным.

И все мои странствия и восхождения — они были лишь необходимостью и помощью неумелому: только лететь хочет воля моя, лететь в тебя, в твои просторы! Я скитался, потому что не имел крыльев; это была жалкая замена. Я взбирался на горы; это было немного лучше, но и это была лишь замена.

Только лететь хочет воля моя, лететь в тебя, в твои просторы! В просторы, которым не нужны никакие ограничения, которым не требуются пределы, которые не ставят никаких условий, которые предоставляют вам абсолютную свободу, положиться на свои силы.

И что ненавидел я больше, чем медленно ползущие облака и все, омрачающее тебя? И собственную ненависть свою ненавидел, потому что она омрачала тебя!

Ненавижу я медленно ползущие облака, этих крадущихся хищных кошек: они забирают у тебя и у меня то, что у нас общее — ничем не ограниченное, беспредельное утверждение и благословение.

Он говорит: я ненавижу облака, потому что они оскверняют твою чистоту. Я ненавижу их, потому что они отравляют твою невинность, я ненавижу их потому, что у нас есть общее: они забирают у тебя и у меня то, что у нас общее — ничем не ограниченное, беспредельное утверждение и благословение.

Но сам я — благословляющий и утверждающий, только бы ты было надо мной, чистое, светлое небо, бездна света! Тогда во все бездны понесу я святое утверждение мое.

Я стал благословляющим и утверждающим: для того я сделался борцом и так долго боролся, чтобы освободить когда-нибудь руки для благословения.

И вот благословение мое — быть над каждой вещью ее собственным небом, ее круглой крышей, ее лазурным колоколом и ее вечным покоем; блажен, кто так благословляет!

Ибо все вещи крещены в источнике вечности и по ту сторону добра и зла; а добро и зло — суть только бегущие тени, влажная печаль, ползущие облака.

Мир — глубок, и он глубже, чем когда-либо думалось дню. Не все дерзает говорить перед лицом дня. Но день приближается, и мы должны расстаться!

О небо надо мной, стыдливое, пылающее! О счастье мое перед восходом солнца! День приближается, пора нам расстаться!

Заратустра говорит очень глубокую вещь: есть вещи, которые можно узнать только в темноте и глубинах темноты, ибо жизнь — это тайна: не проблема, которую можно разрешить, но тайна, которую можно только прожить.

Замечали ли вы, как с приходом ночи все становится таинственным? А когда приходит день, тайна растворяется вместе с росой, испаряющейся с листьев лотоса. День поверхностен. Он — представитель знания, а человек может знать лишь то, что ниже его.

Если человек хочет возвыситься над самим собой, он должен подняться выше знаний. Он

должен быть достаточно смел, чтобы жить в тайне, не спрашивая "почему?", не сомневаясь, без всяких вопросов — с тотальным "да".

Пока человек не способен сказать тотальное "да" таинственному, он не сможет превзойти человеческий ум.

Человеческий ум бесконечно подозрителен; он всегда рождает сомнения. Чтобы подавить сомнения, он все время создает верования, но в любой вере скрываются сомнения. Чтобы спрятать подозрения, он постоянно рождает веру, но любая вера есть не что иное, как занавес, и за занавесом прячутся все те же подозрения.

Выйти за пределы человека означает выйти за пределы человеческого ума. То, что я называю медитацией, Заратустра называет "трансценденцией человека и человеческого ума".

Для меня медитация — это путь к тайне существования. Он не пользуется словом "медитация" — быть может, он даже не знает такого слова — но в том, что он говорит, содержится вся суть медитации.

Идите за пределы всех сомнений, подозрений, вопросов. Идите в темное, неведомое и таинственное — с глубоким утверждением и священным благословением. Это единственный способ познать себя, и это единственный способ познать таинственную красоту жизни и существования.

...Так говорил Заратустра.

ОБ УМАЛЯЮЩЕЙ ДОБРОДЕТЕЛИ

13 апреля 1987 года

Возлюбленный Ошо,

ОБ УМАЛЯЮЩЕЙ ДОБРОДЕТЕЛИ

Хожу я среди людей и роняю слова свои: они же не умеют ни подобрать, ни сохранить их.

Они удивляются, что пришел я не для того, чтобы обличать их разврат и пороки; и поистине, не для того пришел я, чтобы, предостерегать от карманных воров!..

И когда призываю я: "Проклинайте всех трусливых демонов в вас, которые так любят скулить, благочестиво складывать ладони и возносить молитвы", — они восклицают: "Заратустра — безбожник".

И особенно громко вопят их проповедники смирения, но как раз в эти уши мне нравится кричать: "Да! Я - Заратустра, безбожник!"...

...Вот моя проповедь для их ушей: "Я — Заратустра, безбожник, который вопрошает: "Кто безбожнее меня, чтобы возрадовался я наставлению его?"

Я - Заратустра, безбожник: где найти мне подобных себе? А мне подобны те, кто повинуются своей воле и отменяет всякое смирение".

Но к чему говорю я там, где никто не внемлет мне слухом! Тогда стану я взывать ко всем ветрам.

Вы все мельчаете, маленькие люди! Вы все мельчаете и крошитесь, вы, любители комфорта! Вы еще погибнете, из-за множества ничтожных добродетелей, из-за мелких грешков, из-за неизменно ничтожного смирения.

Слишком много пощады, чересчур много уступчивости — вот почва ваша. Но чтобы дерево выросло большим, ему надо пустить мощные корни в твердой скале.

..."Это дается" — вот еще одна заповедь смирения.

Я же говорю вам, вы, самодовольные: берется...

...О, если бы вы поняли слово мое: "Всегда делайте то, к чему стремится воля ваша, но сперва станьте теми, которые могут хотеть!"

"Любите и ближних своих, как самих себя, — но прежде станьте теми, кто любит самого себя".

...Я сам — свой предтеча среди этих людей, я — крик петуха на еще темных улицах.

Но их час приближается! И мой — тоже! С каждым часом делаются они мельче, бледнее, бесплоднее — чахлая зелень! скудная почва!

Поистине, скоро предстанете вы передо мной засохшей травой, степью бесплодной, уставшие от самих себя, томимые жаждой, — но скорее жаждой огня, чем воды!

О благословенный час молнии! О тайна предполуденного часа! Некогда обращаю я вас в летающее пламя, и будете вещать вы огненными языками — языками пламени станете вы возвещать: "Он наступает, он близок, Великий Полдень!".

...Так говорил Заратустра.

Заратустра не проповедует никакой доктрины, он не имеет в виду никакого идеала, которому должен следовать каждый человек. В его учении нет четкой морали; он верит в спонтанную сознательность. Его вера в собственное сознание настолько велика, что он может без всякого труда отвергнуть Бога. На пути истины приходится выбирать либо Бога, либо собственное бытие.

Если вы выбираете Бога, вы выбрали рабство, и вы никогда не сможете стать больше, чем проповедником и жертвой капризного Бога. Но если вы выбираете себя, вам придется отвергнуть Бога. Для того, кто хочет быть собой, Бог — величайшее рабство. Поскольку человечество выбрало Бога, оно отреклось от себя. И вы можете увидеть крайнее бедствие, в котором оказался человек.

Если вы стали рабом, вы полностью забываете об ответственности за себя; тогда о вас заботится Бог. А если Бог - всего лишь гипотеза, просто верование, то ваше положение по-настоящему серьезно. Вы были реальностью, ваше сознание могло бы расти, если бы вы в него верили, но вы отвергли реальность в пользу фикции, потому что эта фикция удобнее. Она освобождает вас от ответственности, но также отнимает у вас свободу.

Запомните это: свобода и ответственность неразделимы. Нельзя выбрать только свободу или только ответственность. Либо вы выбираете то и другое вместе, либо вам придется от них отказаться.

Заратустра отвергает Бога потому, что любит человека. Заратустра отвергает Бога потому, что ясно видит: человек сам может стать богом. Единственное, что препятствует ему стать богом — это вера в какого-то другого бога; тогда он просто верующий, поклонник. Его озарение очень ясно, и те двадцать пять столетий, что прошли между ним и нами, доказали все, что он хотел сказать в этих утренних размышлениях.

Человек стал очень мелким. Он не может расти в тени всемогущего Бога. Даже маленький розовый куст не может расти в тени огромного дерева. Когда вы решаете в пользу некоего вымысла, изобретенного самим человеком, это становится началом вашего падения. Это полностью разрушает ваше достоинство.

Гордый человек верит в самого себя, и через самого себя - в существование. Он реален, существование реально, а Бог - всего лишь создание священников, уводящее вас от вашей реальности. А стоит вам уйти от своей природы и реальности, как вы будете становиться все более и более несчастными, более и более посредственными, более и более завистливыми.

Сама гипотеза Бога сделала жизнь человека трагедией. Он разучился петь, он разучился танцевать, он забыл самого себя. Он не знает, кто он, каковы его возможности и права, данные природой. Он живет во тьме — а он не создание тьмы. Он живет неестественно, искаженно, и это разрушает все его изящество, красоту и все возможности роста.

Эти слова нужно понять очень ясно, поскольку они почти пророческие. Они о вас! Они о мире, который появился за эти двадцать пять веков.

Хожу я среди людей и роняю слова свои: они же не умеют ни подобрать, ни сохранить их.

Человек слышит лишь то, что подтверждает его предрассудки; тогда ему приятно оттого, что он всегда был прав. Он слушает только если вы говорите на языке фикций, которые он полагает высшей истиной. Но если вы говорите истину, он полностью закрывается. Он не позволяет никакой истине вторгаться в свое существо и тревожить удобную веру. Он слышит только то, что хочет услышать, и принимает лишь то, что соответствует всевозможной чепухе, которую он хранил многие века.

Все новое — а истина всегда нова — выбивает его из колеи. Все новое создает в нем беспокойство. Если он примет это, то как быть со старыми идеями, древними мифами, полусырыми истинами? Ему придется отшвырнуть их — а это слишком рискованно.

Он — часть толпы. Если он примет и сохранит новое, он станет чужим для своей толпы. Над ним будут смеяться, его будут осуждать. А если он настаивает, его могут даже распять. Толпе не по вкусу чужие. Толпа очень враждебна ко всякому, кто тревожит ее сон, хотя ее сон — не что иное, как кошмар. Но это единственное, что у нее есть. У нее нет никакого представления, даже очень отдаленного, что жизнь может быть чем-то другим, что это не единственный способ жить; жизнь может иметь совершенно другой облик.

Сейчас он живет печально, несчастно, в мучениях. Но такой стиль жизни поддерживался миллионами людей тысячи лет, и он считается религиозным, духовным. Считается, что необходимо жертвовать, если вы хотите достичь Бога.

Заратустра — чужой. Конечно, его слова нельзя ни подбирать, ни хранить. На самом деле, для несчастной толпы люди вроде Заратустры — не что иное, как досадная неприятность, хотя они и приносят добрые вести. Но никто не готов их слушать.

Одно из величайших несчастий человечества — это то, что оно привыкло к своим цепям, суевериям, рабству, заповедям. Оно совершенно забыло о том, что имеет душу, чувства, разум, которые можно очистить и которые одни могут стать его религией.

Религия — не в писаниях и не в словах священника; религия — это цветение вашего понимания, вашего сознания. Она не в церквях, не в храмах и не в синагогах.

Пока вы не станете храмом, пока в вас не будет достаточного пространства — чистого и ясного, как небо, неограниченного — вы ничего не узнаете о религиозном переживании.

И в этом все учение Заратустры: как человек может стать сверхчеловеком. Его весть — не Бог, его весть — то, что вы носите в себе семя сверхчеловека, но нисколько не заботитесь о нем. Ваше сердце — подходящая почва, у вас есть надлежащая любовь и нежность; вы только должны стать садовником своего внутреннего мира, и ваша жизнь станет праздником, торжеством.

И эта торжественность, этот экстаз, это празднование — единственная религия. Все остальное — всего лишь профессия священников, которые эксплуатируют вас.

И они — наихудшие эксплуататоры. Они высосали из вас всю кровь, они отняли у вас все самое важное. Они совершенно уничтожили вас и оставили позади одни трупы.

Они удивляются — слушая Заратустру — что пришел я не для того, чтобы обличать их разврат и пороки.

Это то, чем всегда занимались священники — осуждали их разврат, осуждали их пороки, осуждали их желания. Они привыкли к этому. Священники никогда не возвеличивали внутренний мир человека. Все не так — вы родились грешником.

Благодаря тысячелетиям воспитания они убедили вас, что другую весть вы не можете услышать. Они удивляются, что пришел я не для того, чтобы обличать их разврат и пороки; и

поистине, не для того пришел я, чтобы предостерегать от карманных воров!

И когда призываю я: "Проклинайте всех трусливых демонов, которые так любят скулить, благочестиво складывать ладони и возносить молитвы", — они восклицают "Заратустра — безбожник".

Кто в вас молится? Вы когда-нибудь задумывались над этой проблемой? Не есть ли это нечто трусливое в вас, что становится на колени перед каменными статуями, сделанными человеком? Это не может быть смелость. Тот, кто молится, прячет в красивые слова свою трусость.

Кто в вас сдается, становясь христианином, индуистом или мусульманином? Лев или овца?

Иисус часто говорил своим людям: "Вы — мои овцы, а я - ваш пастырь". И ни один из его последователей никогда не поднял вопроса: "Ты оскорбляешь нас. Почему мы должны быть овцами? Разве не должны мы быть львами, не должны носить в себе львиный рык?"

Естественно, львам не нужен пастырь — вот в чем проблема. Если в людях действительно проснется их храбрость, тогда им не будут нужны никакие пастыри, никакие спасители, никакие мессии. Они сами себе спасители; и это придает людям гордость, достоинство и красоту.

Назвать людей овцами — такое оскорбление, такое унижение, что удивительно, как люди слушали все это. А ведь даже сегодня миллионы христиан во всем мире — что касается количества верующих, это величайшая религия — считают себя овцами Иисуса Христа.

Если кто-то хочет быть пастырем, он должен низвести все человечество до безобразного уровня, превратить в трусов.

Когда у вас трудности, почему вы немедленно начинаете молиться Богу? — хотя знаете, что ваши молитвы никогда не бывают услышаны; их некому слушать. Возможно, вы думаете, что вашу молитву по какой-нибудь случайности услышат.

Ко мне много раз приходил один человек — у него не было детей, и он говорил мне:

— Я не могу поверить в Бога, пока у меня не будет ребенка. Я надеюсь: если Богу нужно, чтобы я поверил, он должен дать мне ребенка.

Зачем это нужно... даже если Бог есть, какой смысл иметь среди верующих, этого типа — чтобы выполнять его требования?

У него родился ребенок, и он пришел ко мне со сладостями и фруктами. Он раздавал их всем соседям. Я спросил:

— Что случилось? Он сказал:

— Бог услышал меня. Я посоветовал:

— Подожди немного. Не может быть, чтобы Бог так беспокоился о тебе.

Вселенная так велика, и эта прекрасная планета Земля - такая малость. Даже наше Солнце в тысячи раз больше Земли, и даже это огромное Солнце, в котором заключается вся наша жизнь — весьма средняя звезда в космосе. Есть звезды в миллионы раз больше нашего Солнца. Ученые предполагают, что во Вселенной должно быть по меньшей мере пятьдесят тысяч планет, на которых существует жизнь. И этот бедняга думает, что Бог услышал его молитву!..

Я рассказал ему историю Бертрана Рассела.

В Ватикане умер Папа. Естественно, он стал стучаться во врата рая, поскольку рай и ад находятся напротив. Он стучал много часов... дверь так велика, что он не мог даже рассмотреть, где она кончается. Он очень старался.

В конце концов, в двери открылось окошечко, из которого выглянул святой Петр. С большим трудом он разглядел Папу, стоящего внизу — представьте себе, что вы увидели под

своей дверью муравья. Разговаривать очень трудно.

Папа кричал. Святой Петр сказал:

— Говорите погромче, вы такой маленький. Он сказал:

— Вы не понимаете. Я — представитель Иисуса Христа; я прибыл с Земли. Я был Папой в Ватикане; и вы меня так встречаете?

Святой Петр сказал:

— Мы никогда не слышали о Земле. Вы должны сообщить мне номер шифра.

— Номер шифра? — спросил Папа.

— Планет так много, что, пока я не узнаю номер вашей Земли, я не смогу пойти в библиотеку и узнать, откуда вы. Что такое Ватикан и кто этот Иисус Христос?

Папа закричал:

— Вы что, разыгрываете меня? Иисус Христос — единственный рожденный Сын Божий.

Святой Петр сказал:

— Неужели вы думаете, что Ему хватило одного-единственного сына, что, за всю вечность Он смог произвести только одного? Я схожу в библиотеку, но найти без шифра очень трудно... какую Землю вы имеете в виду?

Папа ответил:

— Я прибыл из Солнечной системы.

— Это прекрасно, но солнечных систем миллионы. Из какой солнечной системы? Какой у нее номер? Папа сказал:

— Лучше отведите меня прямо к Богу.

— Я сам никогда не видел Его. Я всего лишь сторож, а Бог так велик. Я только слышал о Нем. Вы уж простите меня. Но я сделаю все, что в моих силах, чтобы отыскать номер шифра и узнать об Иисусе Христе и этом Ватикане.

Он удалился и пришел через несколько часов.

— Это практически невозможно. Миллионы планет... невозможно определить, где находится ваша планета, где находится ваша солнечная система. И кстати, какое вы имеете право входить в рай? Самое простое — это... на другой стороне дороги... там не спрашивают, кто вы такой, они такие милые люди. Они не спрашивают, заслуживаете ли вы ада или нет; они хватают вас, как только увидят. Попробуйте попасть туда.

От одной этой мысли — что он должен идти в ад, что его схватит Дьявол — он проснулся. Они даже не спрашивают, кто вы такой. И потом он вспомнил все эти пытки, адский пламень... и самое ужасное в христианском аде — это то, что оттуда нет выхода. Туда можно войти, но нельзя выйти. Иначе вы могли бы развлекаться там как турист. Но стоит вам попасть туда, как вы становитесь вечным обитателем без всяких надежд на избавление. Он проснулся от страха; он весь взмок. Он не умер, ему все приснилось.

Я сказал этому человеку:

— Эта мысль эгоистична — что Бог должен слушать ваши молитвы, должен доказывать вам что-то, давая ребенка. Подождите других подтверждений, одного доказательства недостаточно. Ни одна наука не довольствуется одним доказательством; доказательства должны повторяться.

Попросите что-нибудь еще. Вы страдаете головными болями, так попросите: "Избавь меня от головной боли; иначе я не поверю в Тебя". Вы изобрели прекрасную стратегию шантажировать Бога. Он хочет, чтобы вы поверили в Него, так что используйте Его, сколько сможете. Ваш брат не может найти работу — попросите его устроить. У вашего отца рак — попросите, чтобы Он излечил рак... У вас так много проблем. Ребенок — совсем не проблема. И потом, вы уверены, что это ваш ребенок?

Он сказал:

— Я никогда не думал, что вы будете так грубы со мной.

— Это не грубость; просто вы многие годы старались, но детей не было, а теперь вдруг появился ребенок. Присмотритесь к соседям, какой-нибудь негодяй мог сделать это. Не прыгайте до потолка, сначала осмотритесь. Среди соседей так много негодяев.

Он сказал:

— Да, это уж я знаю — негодяев много.

— Возвращайтесь домой, — сказал я. — Не тратьте деньги на сладости и фрукты, сначала узнайте, чей это сын. Ваш ли он?

Он сказал:

— От вас всегда одни неприятности. Теперь вы вызвали у меня подозрения. У меня уже заболела голова. Что я получил вместо помощи? Теперь я буду подозревать всех, кто связан с моей семьей — слуг, соседей, родственников. И говоря по правде, — шепнул он, — у меня были некоторые подозрения, потому что врач говорил мне: "У вас не может быть детей".

Но вы не должны были говорить со мной так резко. Я был счастлив, что Бог дал мне ребенка. Бог ведь всемогущ. Даже если врач говорит, что у меня не может быть детей... Бог может изменить мою химию, гормоны, сперму. Но я возвращаюсь. Теперь я не могу раздаривать сладости. Я боюсь, что вы правы — это очень может быть!

Люди, которые молятся — трусы. Люди, которые поклоняются — нытики. Молитва — не что иное, как бесконечное нытье: "Сделай это!" — каждое утро и каждый вечер. Мусульмане — лучшие нытики; они изводят Бога пять раз в день! Индуисты не дают Ему поспать даже прекрасным утром. Они встают рано, в три часа, и начинают молиться. А суфии молятся в полночь.

Даже если в начале был Бог, Он должен был уже сойти с ума! Столько людей, столько требований... Но вы не понимаете, что когда вы молитесь, вы просто выпрашиваете. А молитва не может быть просьбой, требованием; она может быть только благодарностью.

Ваше поклонение не может быть от трусости; оно может быть только рыком льва — от чистой радости, от избытка энергии.

И когда призываю я: "Проклинайте всех трусливых демонов...", — они восклицают: "Заратустра — безбожник". Они не слушают. Наоборот, они начинают оскорблять Заратустру.

И особенно громко вопят их проповедники смирения — но как раз в эти уши мне нравится кричать: "Да! Я — Заратустра, безбожник!".

Заратустра так глубоко, так священно почитает эволюцию в человеке, что ради ее роста может пожертвовать всеми богами.

Вот моя проповедь для их ушей: "Я — Заратустра, безбожник, который вопрошает: "Кто безбожнее меня, чтобы возрадовался я наставлению его?" Я еще безбожнее Заратустры; но очень трудно заполнить пропасть в двадцать пять веков, потому что Заратустра, по крайней мере, все время отрицает Бога... Я не забочусь даже об отрицании.

Даже отрицание Бога, негативным образом сохраняет ему жизнь.

Я хочу, чтобы человечество просто забыло этот тысячелетний кошмар, связанный с Богом. Я не думаю даже, что нужно говорить: "Бога нет". Просто нет, и все.

Я мог бы составить Заратустре хорошую компанию, но двадцать пять веков назад, наверное, было трудно найти человека... особенно в Иране, где Заратустра проповедовал свою необычайно важную философию. Но в Индии в это же время жил Махавира, который отрицал Бога, и жил Гаутама Будда, который отрицал Бога. Но их отрицание очень уж мудрено.

Заратустра очень непосредственен и немудрен, и в этом его красота. Его речь не отполирована; он говорит как ребенок, абсолютно невинный. Он не ходит вокруг да около, он не

говорит по-ученому. И Будда, и Махавира говорили так, что многим людям было просто непонятно, что они не верят в Бога.

Заратустра говорит прямо.

Он называет вещи своими именами. И я люблю в нем именно это — его нерафинированность. Он не бриллиант - граненый, отполированный; он прямо из рудника — первозданный, необработанный. В этом заключается его красота и истина.

Я — Заратустра, безбожник: где найти мне подобных себе? А мне подобны те, кто повинуется своей воле и отменяет всякое смирение... Те, кто отрицает всякое смирение, подчинение любому божеству, послушание любым писаниям...

Учителя мира иного настаивают: "Отрекитесь от мира".

Заратустра говорит: "Отрекитесь от своих писаний и от отрицателей! Отвергните смирение, отвергните свою трусость!" Будьте самими собой, лишь тогда может забить ваш жизненный источник.

Но к чему говорю я там, где никто не внемлет мне слухом! Тогда стану я взывать ко всем ветрам.

Эту проблему можно понять. Мне она особенно хорошо понятна. Многие мистики сталкивались с ней. Бодхидхарма, один из величайших Мастеров, который стал основателем традиции дзен, девять лет смотрел в стену. Он не поворачивался лицом к посетителям. Люди задавали вопросы, а он отвечал в стену.

Император Китая Ву спросил его:

— Это несколько странно. Я никогда не встречал такого приема. Говорящий должен повернуться лицом к публике; а вы сидите спиной. Что за манера?

Бодхидхарма сказал:

— Раньше я, как и все остальные, говорил лицом к слушающим. Но я видел только стену, и это было больно, поэтому я решил: лучше оставить публику позади и повернуться к стене. Стена не обижает, потому что это стена. Она не слышит, но вы же не будете ждать, чтобы стена слушала. Но когда я говорю с людьми и вижу вокруг только стены, это больно. А я не могу прекратить говорить, поскольку меня переполняет то, что растет во мне, и я не могу сдержаться.

Заратустра говорит: Но к чему говорю я там, где никто не внемлет мне слухом! Тогда стану я взывать ко всем ветрам. Я не буду беспокоиться о людях, слышно им или нет, я буду говорить ветрам. Быть может, они унесут мои слова, быть может, они донесут мое послание до подходящих ушей.

Но это большое несчастье, что люди, подобные Заратустре и Бодхидхарме, так разочарованы в так называемом человечестве — а интеллигенция в особенности мертва, поскольку они думают, что уже все знают.

Вы все мельчаете... Это пророчество сбылось.

Вы все мельчаете, маленькие люди! Вы все мельчаете и крошитесь, вы, любители комфорта! Вы еще погибнете, из-за множества ничтожных добродетелей, из-за мелких грешков, из-за неизменно ничтожного смирения вашего.

Что такое ваши добродетели? То, что считают добродетелями наши так называемые религии? В глазах Заратустры они так малы, что вместо того, чтобы возвеличивать вас, возвышать вас, ваши добродетели делают вас еще ничтожнее.

Я слышал об одной женщине, которая была очень скупа. За всю свою жизнь она только однажды отдала нищему гнилую морковку — это была ее единственная добродетель. Она умерла, ангелы пришли забрать ее. Проблема была в этой морковке — она совершила доброе дело; нельзя было отправить ее в ад.

Они сказали женщине:

— Вот морковка, которую ты дала нищему. Это твоя единственная добродетель, так что держись за нее, она полетит к небесам, как ракета. Запомни: держись крепче, не отпускай ее.

Люди, собравшиеся там — они услышали, что эта старуха, эта старая скряга умерла — очень удивились: нечто невидимое поднимало ее вверх. Она поднималась все выше! Они не могли упустить такой шанс, так что кто-то ухватился за ее ноги.

Образовалась длинная цепь. Морковка поднималась, и эта женщина очень разозлилась — ведь это была ее добродетель, а все эти соседи, выстроившиеся в очередь... она не стерпела. Когда они уже подлетали к краю, она закричала:

— Идиоты! Вы не совершили ничего добродетельного! Это моя морковка!

Но в этот миг она выпустила морковку, и вся цепочка вместе со старой женщиной упала на землю. Эта женщина уже умерла, но теперь она убила почти двести человек.

В чем ваши добродетели: в том, что вы подали нищему какую-то пищу, что вы пожертвовали на строительство храма? Неужели вы считаете, что это добродетели?

Я слышал, что один человек выиграл в лотерее и был очень счастлив. По дороге домой он должен был перейти через мост, и на одном его конце сидел старый слепой нищий - он всегда сидел там. Он никогда ничего не давал ему, но это был особенный день: он получил такую уйму денег. Он дал нищему рупию.

Нищий посмотрел на нее и сказал:

— Сэр, она фальшивая.

— Боже мой! — вскричал этот человек. — Ты слепой, как же ты можешь отличить подлинную монету от фальшивой? Он сказал:

— По правде говоря, это не мое место; это место моего друга, и он слепой. Сегодня он ушел в кино на дневной сеанс. Я обычно сижу на другом конце моста. Я просто занял это место, чтобы сюда не пришел кто-нибудь другой. Это прекрасное местечко.

Сначала я тоже был слепым, но люди обманывали меня, а я даже не мог сказать им, что они обманщики; поэтому я бросил это занятие. Теперь я стал глухим. Сейчас я не глухой, но если вы встретите меня на моем месте, я буду абсолютно глух — но я понял, что могу, по крайней мере, помешать людям обманывать меня.

Вы думаете, что совершаете доброе дело, подавая нищему; а нищий думает, что обманывает вас, нищий считает вас дураком. В чем ваши добродетели? Ваши добродетели делают вас... но вы не великие люди, вы не радуетесь своим Добродетелям. Должно быть, они слишком ничтожны.

Заратустра говорит: из-за множества ничтожных добродетелей, из-за мелких грешков, из-за неизменно ничтожного смирения вашего!

Слишком много пощады, чересчур много уступчивости - вот почва ваша. Но чтобы дерево выросло большим, ему надо пустить мощные корни в твердой скале!

Эта маленькая, так называемая религиозность не поможет. Вы поститесь один день, каждый день молитесь, ходите в храм, преклоняете колени перед статуями Бога... просто подумайте: какая ценность во всем этом? Все это умаляет вас. Чтобы дерево выросло большим, ему надо пустить мощные корни в твердой скале.

"Это дается" — вот еще одна заповедь смирения. Я же говорю вам, вы, самодовольные: берется...

Очень важный пункт, о котором следует помнить. Все без исключения учителя говорили, что истина дается вам — дается Богом. Заратустра говорит: "Она не дается, она берется".

Только один человек в этом столетии, Георгий Гурджиев, говорил примерно то же, только еще более прямо и жестко. Он часто говорил: "Пока вы не готовы украсть истину, вы не

получите ее". Не просто взять; вы должны украсть ее, вы должны рискнуть всем — даже своей респектабельностью, так называемой добродетельностью, своей моралью.

Никто никому не может дать истину. Заратустра прав: ее нужно брать. И чтобы взять ее, вам нужно быть не трусом, не рабом, не нищим, но львом: сильным, способным взять ее. Дарованная истина — просто ложь. Но все ваши истины — дарованные. Кто дал вам вашего Бога? Кто дал вам вашу истину? Кто дал вам вашу религию? Просто проверьте: это было вам дано или вы взяли это? Если это было вам дано, выбросьте его прочь — оно ничего не стоит, это самообман. Вы должны быть достаточно сильны, чтобы взять это.

О, если бы вы поняли слово мое: "Всегда делайте то, к чему стремится воля ваша, но сперва станьте теми, которые могут хотеть!" — очень тонкое различие, но оно огромно. Он говорит: Всегда делайте то, к чему стремится воля ваша. Это понятно, это совсем нетрудно понять — Всегда делайте то, к чему стремится воля ваша — но способны ли вы хотеть?

Но сперва станьте теми, которые могут хотеть — ибо для того, чтобы хотеть, нужна неподчиненная, сильная, независимая индивидуальность; иначе вы не сможете желать. Вы можете только молиться; вы можете требовать, вы можете выпрашивать. Ваша воля будет бессильна. Станьте более кристаллизованными, больше индивидуальности, поменьше будьте частью толпы — чтобы вы смогли хотеть.

Любите и ближних своих, как самих себя. Это знаменитое изречение, позже сказанное Иисусом. Но прозрения Заратустры гораздо глубже.

Он говорит — у него не было никакого представления об Иисусе, Иисус родился спустя пятьсот лет; но это выражение, должно быть, витало в воздухе — Любите и ближних своих, как самих себя, — но прежде станьте теми, кто любит самого себя. Это труднее. Любите их такими, какие они есть — не как себя.

Любить ближнего как самого себя — значит просто любить свое отражение в зеркале. Это не великая добродетель, это маленькая добродетель.

Любите ближнего таким, каков он есть. Соответствует он вашим идеалам или противоречит им, кажется он вам моральным или аморальным — неважно. Он человек, и он имеет полное право быть самим собой. Любите его таким, каков он есть. Ваша любовь не должна становиться претензией, ваша любовь не должна требовать, чтоб он стал другим.

Это выражение: Любите ближних своих, как самих себя, - имеет также другое значение, о котором Заратустра не упоминает, и с которым я сталкиваюсь почти каждый день.

Вот как слеп человек.

Любите ближних своих, как самих себя... но вы забыли одно: любите ли вы себя? Встретить человека, который любит самого себя — большая редкость. Люди ненавидят себя. Они не хотят быть такими, какие они есть; они хотят быть кем-нибудь другим... у кого-то нос лучше, у кого-то красивее глаза, у кого-то лучше тело, кто-то более пропорционален, кто-то более умен.

Люди ненавидят самих себя. А ваши религии всегда учили вас противоречивым вещам, которые создавали у вас в уме путаницу и хаос. С одной стороны, они говорят: "Вы должны стать похожими на Гаутаму Будду". Тогда как вы можете любить себя? Вам придется возненавидеть себя, вы должны разрушить себя, разобрать на части и стараться быть похожими на Гаутаму Будду, Иисуса или Кришну.

С одной стороны, они говорят: "Будьте как великие религиозные вожди, святые", а с другой стороны, постоянно повторяют: "Любите ближнего своего, как самого себя".

Если бы вы действительно любили ближнего как самого себя, вам пришлось бы ненавидеть его, поскольку вы ненавидите себя. Вы не находите в себе ничего достойного любви. В самом деле, когда люди влюбляются друг в друга, они оба удивлены: "Боже мой, что такого нашел во

мне этот человек, чего я сама не нашла?" И мужчина тоже думает: "Эта женщина слегка сумасшедшая — она любит меня; я прожил все эти тридцать лет с самим собой и не нашел в себе ничего сколько-нибудь ценного".

Любящие удивляются друг другу. Хотя никто этого не говорит, оба в глубине души чувствуют, что это действительно странно — такая красивая женщина... красавица любит чудовище! А эта красивая женщина прекрасно знает, что она ведьма — такой молодой парень, такой красивый, влюбился в ведьму!

Но это происходит внутри. Это выяснится по окончании медового месяца — когда они узнают друг друга поближе — но тогда уже слишком поздно. Они уже пообещали друг другу: "Я буду любить тебя всю свою жизнь. И не только в этой жизни: если я буду рожден еще раз, я снова буду любить тебя. Моя любовь — не обычная любовь, которая меняется, это любовь вечная".

Ну и как же быть с вашими обещаниями, когда вы обнаруживаете, каков этот другой человек в действительности? Тогда они начинают копить ненависть друг ко другу — притворяясь любящими, изображая любовь, но это становится всего лишь игрой.

Я сам — свой предтеча среди этих людей, я — крик петуха на еще темных улицах. Все великие мистики были предтечами самих себя, ибо все великие мистики приходят раньше своего времени. Вы можете убедиться в этом: Заратустра даже сегодня — не наш современник. Он все еще опережает нас; он пришел слишком рано, преждевременно.

Но их час приближается! И мой — тоже! С каждым часом делаются они мельче, бледнее, бесплоднее — чахлая зелень! скудная почва!

Поистине, скоро предстанете вы передо мной засохшей травой, степью бесплодной, уставшие от самих себя, томимые жаждой, — но скорее жаждой огня, чем воды!

Возможно, мы пришли к этой точке... кажется, его пророчество оправдалось. Человек больше готовится к войне, чем к миру. Человек больше создает для смерти, чем для жизни. Семьдесят процентов всего мирового богатства затрачивается на создание ядерного оружия.

Уставшие от самих себя... может быть, человечество наконец устало от собственного ничтожества, подлости, зависти, уродства и потеряло всякую надежду выйти из этого безобразного состояния, забыло, что лотосы рождаются в грязи... томимые... скорее жаждой огня, чем воды!

Кажется, люди в глубине души готовы к глобальному самоубийству; иначе нет причин тратить столько денег и столько энергии на войну.

Все эти деньги, энергия и талант ученых могут сделать эту землю раем. Но никто в этом не заинтересован. Все заинтересованы в поисках все более и более опасного оружия. И теперь абсолютно ясно, что никто не может быть победителем, никто не будет побежденным; погибнут все. И, тем не менее, человек продолжает накапливать оружие.

Даже такие беднейшие страны, как Пакистан и Индия, мечтают о создании ядерного оружия. И научные наблюдения показывают, что к концу этого века... в настоящее время только пять стран владеют ядерным оружием, но к концу столетия еще двадцать пять стран присоединятся к ядерной компании. Тридцать наций станут ядерными державами.

Что случилось с человеческим разумом, почему все посвящено единственной цели — смерти?

О благословенный час молнии! О тайна предполуденного часа! Некогда обращу я вас в летающее пламя, и будете вещать вы огненными языками — языками пламени станете вы возвещать: "Он наступает, он близок, Великий Полдень!"

Но Заратустра все же надеется, что мы сможем преобразовать даже огонь в созидательную энергию. Вы готовите на огне пищу и также можете сжечь огнем свой дом.

Огонь нейтрален. Все энергии нейтральны; от вас зависит, к чему вы хотите приложить их.

Заратустра не устал от себя. Он все еще надеется, что однажды он сможет возвестить ...Великий Полдень.

Это символическое выражение, которым он называет величайший взрыв света, любви, индивидуальности, свободы. Все это он называет Великий Полдень — высочайший пик человеческого сознания.

...Так говорил Заратустра.

ОБ ОТСТУПНИКАХ

13 апреля 1987 года

Возлюбленный Ошо,

ОБ ОТСТУПНИКАХ

Кто подобен мне, тому в удел достанутся переживания, подобные моим, так что первыми его товарищами будут паяцы и покойники.

Вторые же — те, что назовут себя верующими в него: оживленная толпа, много любви, много безумия, много детского почитания.

Да не привяжется к ним сердцем тот, кто подобен мне; не поверит в эту весну и цветущие луга тот, кто знает род человеческий, — непостоянный и малодушный!..

"Мы опять стали благочестивыми", - признаются эти отступники, а многие из них еще слишком малодушны, чтобы признаться в этом.

Но это позор — молиться! Позор не для всех, но для меня, для тебя и для всякого, в ком есть совесть. Позор для тебя — обращаться с мольбою! Ты хорошо знаешь это: твой трусливый демон в тебе, что так любит молитвенно складывать руки или праздно держать их на коленях; и вообще обожает покой, — этот трусливый демон говорит тебе: "Существует Бог!"

Но тогда принадлежишь и ты к числу боящихся света, к тем, кому никогда не дает он покоя: с каждым днем придется тебе все глубже прятать голову свою в темноту и угар!

...Настал час всех боящихся света — вечер, час праздности, когда всякий "праздник" угас.

А иные из них сделались ночными сторожами; они научились трубить в рожок, делать обход по ночам и будить давно уже почившее прошлое.

Пять речений из старой были слышал я вчера ночью у садовой стены. От старых, удрученных, высохших ночных сторожей исходили они:

— "Для отца, Он недостаточно заботится о своих детях: у людей отцы куда лучше!"

— "Он слишком стар! И совсем уже не заботится о детях своих", — отвечал другой ночной сторож.

— "Разве у Него есть дети? Никто не сможет это доказать, если уж Он и сам этого не доказывает! Хотелось бы мне, чтобы Он хоть раз привел убедительное доказательство."

— "Доказательство? Да когда это было! Плоховато у Него с доказательствами — Ему гораздо важнее, чтобы Ему верили!"

— "Да, да! Вера делает Его счастливым — вера в Него. Так заведено было у отцов наших!"...

...Разве не прошло давным-давно время для подобных сомнений?..

Давно уже покончено со старыми богами: и поистине, — хороший, веселый конец, выпал на долю их!

Не "сумерками" своими довели они себя до смерти - это ложь! Напротив: они так смеялись однажды, что умерли от смеха!

Это произошло, когда самое безбожное слово было произнесено неким богом: "Один Господь! Да не будет у тебя иных богов кроме меня!":

— старый, ревнивый, злобный бородач до такой степени забылся, что все боги рассмеялись и, раскачиваясь на своих тронах, восклицали: "Не в том ли и божественность, что существуют боги, но нет никакого Бога?"

Имеющий уши да слышит!

...Так говорил Заратустра.

Заратустра со всех возможных точек зрения пытается осмыслить и понять, почему человек не развивался так, как должен был развиваться — почему он остался ребенком, почему не появился сверхчеловек.

Каковы причины, мешающие его появлению, и как эти препятствия удалить, как открыть закрытые двери, чтобы приветствовать сверхчеловека? Он не оставляет без исследования ни один аспект. Его поиски в отношении возможностей превращения человека в сверхчеловека исчерпывающи. Никто никогда не думал о сверхчеловеке так много.

Люди всегда думали о всевозможных гипотетических предметах. Веками они размышляли о существовании Бога. Некоторые даже отрицали Бога, многие принимали Его, некоторые Его игнорировали. Некоторые приняли позицию агностиков — что о Боге ничего знать нельзя, и невозможно знать даже, существует Он или нет. Но тысячи философов и миллионы книг и трактатов были посвящены тому, у чего нет ни единого доказательства.

Заратустра одинок в созерцании сверхчеловека. Сверхчеловек — не гипотеза, потому что человек уже существует; он может быть очищен, все уродливое в нем можно разрушить. Все, что умаляет его, можно убрать, и в человеческом сознании, без сомнения, родится сверхчеловек. Заратустру не интересуют никакие вымыслы, он предельно реалистичен. Это не неисполнимая мечта, это мечта, у которой есть все возможности исполниться.

Сверхчеловек не где-то в небесах, сверхчеловек — внутри вас. Сверхчеловек — это вы в самой чистой форме, самой сознательной пробужденности, в вашем переживании вечной жизни, в совершенствовании любви. Он очень близко — по соседству.

Вы должны только превзойти себя.

Вы должны выйти из своих темных нор. Вы должны немного рискнуть — знакомым ради незнакомого, известным ради неизвестного, удобным ради опасного — и вы забеременеете сверхчеловеком, вы дадите рождение сверхчеловеку.

Бог был прошлым, сверхчеловек — это будущее. С прошлым ничего нельзя поделаться; с будущим можно делать все. Бог был вашим создателем, сверхчеловек будет вашим созданием — и в этом разница, настолько жизненно важная, такая огромная и неизмеримая, что никакой мост между Богом и сверхчеловеком невозможен. Бог всегда где-то в могиле, а сверхчеловек всегда где-то в будущем, в потенциале вашей любви и сознательности.

В этот вечер Заратустра приближается к сверхчеловеку с еще одного нового угла, с которого он еще не подходил.

Он говорит: Кто подобен мне, тому в удел достанутся переживания, подобные моим, так что первыми его товарищами будут паяцы и покойники. Сначала он говорит: "Кто подобен мне, кто обладает такой же ясностью сознания, что и я, не может не иметь таких же переживаний". Это легко предсказать, потому что ваши переживания зависят от качества вашего сознания. Чем выше ваша сознательность, тем более блаженные, безмятежные, радостные переживания начинают цвести в вас.

На высочайшем пике Гаутама Будда, Махавира или Заратустра больше не три человека, ибо три тишины не могут оставаться отдельными, три экстаза не могут оставаться отдельными — три нуля неминуемо становятся одним.

Нужно понять, что вещи, разделяющие вас, всегда болезненны. Невозможно разделить с

вами головную боль, беспокойство, мучения. Несчастье разделяет людей; счастье сближает. И по мере достижения чистейшей формы, высочайшей вершины они перестают быть отдельными существами, но становятся одним сердцем, одной любовью, одной радостью, одним экстазом. В высшем мы едины. Только в аду нас много. Чем больше вы чувствуете отделенность от других, тем больше в вашей жизни несчастья, страдания — вы живете жизнью, которая недостойна называться жизнью.

Посмотрев на землю, вы найдете так много разделений, так много различий. Они не случайны, если взглянуть на это поглубже. Такое множество наций, религий, сект, культов, верований указывают только на одну истину: что человек пал так низко в темную пропасть существования, что не может установить никаких связей, никаких мостов с окружающими.

Это один из самых удивительных фактов — что в самом низу вы одиноки, потому что не можете возвести вокруг себя мосты. Вы позабыли язык любви, вы разучились общаться, устанавливать отношения. Вы одни во тьме — только слезы тоски и крик страшной боли.

На высочайшей вершине счастья вы снова одни, но не одиноки. Вы одни, ибо всякий, кто достиг этой вершины, тонет в едином оргазмическом переживании, в океаническом переживании — точно так же, как реки вливаются в океан. Они могут течь разными путями, с разных гор, из разных озер, проходить разные земли, но в океане они внезапно теряют все свои ограничения. Они становятся так же свободны, как океан.

Известно, что Гаутама Будда сказал: "Попробуйте океан где угодно, и вы найдете тот же самый вкус". Неважно, в каком месте вы попробовали вкус океана. На высочайшей вершине вы вновь одни. Но это одиночество есть единство, это одиночество есть невероятное растворение. Это слияние со всеми, кто уже прибыл, вы не можете сохранить свою отделенность.

Даже в обычной жизни вы, наверное, замечали: когда вы смеетесь, вы внезапно едины в смехе, а когда вы плачете, вы одиноки. Когда вы радуетесь и танцуете, вы начинаете растворяться друг в друге, а когда вы несчастны, все мосты рушатся; внезапно вы оказываетесь одни в бесконечной вселенной.

Заратустра прав: кто подобен мне, неминуемо придет к подобным переживаниям, потому что все переживания зависят от вашей сознательности. Переживания зависят не от внешних обстоятельств, они зависят от вашего внутреннего роста, внутреннего видения.

Есть одна старинная история. Король, его премьер-министр и телохранитель заблудились в глухом лесу, где они охотились. Солнце уже садилось, когда они встретили слепого нищего, сидевшего под деревом. Первым к этому слепому подошел телохранитель. Он сказал:

— Что ты здесь делаешь, слепой?

— Ничего, — ответил нищий. — У меня нет другого дома. Я прошу милостыню весь день, а вечером прихожу сюда отдыхать.

Телохранитель спросил:

— Ты можешь рассказать нам, как добраться до города?

— Конечно, но сперва я скажу тебе, что ты, по-видимому, человек весьма низкого сословия. Наверное, ты полицейский или телохранитель — ты не умеешь разговаривать даже со старым слепым человеком.

Затем к нему подошел премьер-министр и чрезвычайно вежливо спросил:

— Я сбился с пути. Было бы так любезно с вашей стороны, если бы вы помогли мне отыскать дорогу. Старик сказал:

— Только что здесь прошел один человек — возможно, он из вашей компании — и я показал ему дорогу. Он телохранитель?

Премьер-министр удивился:

— Вы слепой, как вы могли догадаться? По-видимому, вы необычайно мудрый человек. Да, это был телохранитель. Простите, если он дурно обошелся с вами.

— Никто не может дурно обойтись со мной, — ответил слепой. — Жизнь обошлась со мной дурно. Но о вас я могу сказать, что вы человек с манерами. Наверное, вы придворный, а может быть, и премьер-министр.

Потом подошел король. Он коснулся ног старика и сказал:

— Тебе не следует оставаться здесь, под открытым небом - собираются тучи. Ты можешь пойти со мной во дворец, а заодно показать дорогу к нему. Мы охотились и заблудились.

Старик сказал:

— Твое сострадание показывает качество твоего сознания. Ты, несомненно, король этой страны. И это не случайно, в тебе есть качества, необходимые королю. До тебя здесь проходили твой премьер-министр и телохранитель.

Король сказал:

— Ты слепой, как тебе удалось определить, кто есть кто?

— Было бы лучше, если бы ты не спрашивал об этом, — ответил слепой. Некогда я тоже был королем маленькой страны. Я потерял королевство, но не утратил памяти, сознания. Мне не обязательно видеть, поведения человека достаточно, чтобы показать мне, к какой категории он принадлежит. Твое изящество делает тебя королем, не наоборот.

Король взял его к себе во дворец и сделал своим постоянным гостем. Он не позволял ему больше просить милостыню. Он сказал:

— Человек, который может по одному только поведению узнать человека — его профессию, качество сознания — мудрец. Его внешние глаза могут ослепнуть, но внутренние глаза всегда открыты.

Если вы посмотрите на жизнь других людей, вы обнаружите, что в их словах, движениях, поведении выражается само их сознание. От куда же еще все это может возникнуть?

Сознание — это источник всего, что вы из себя представляете, и когда ваше сознание меняется, начинает меняться ваше поведение, ваши манеры. Ваша жизнь меняется даже в мелочах.

Заратустра прав: имея сознание, подобное моему, вы тут же поймете, что я говорю. Это будет глубокая связь. Он говорит: если вы — человек, который пробудился, в котором сверхчеловек больше не спит, вашими... первыми товарищами будут паяцы и покойники.

Для сверхчеловека обычный человек — просто мертвец, дышащий труп. В его поведении нет подлинной жизни, он просто кое-как существует. Может быть, он забыл, как не дышать. Просто по старой привычке он продолжает дышать, производить детей, есть; он ест всякий хлам, даже не задумываясь, зачем он ест это.

Я слышал об одном человеке. Его жена становилась все толще, толще и толще. Она только и делала, что сидела на диване, ела и пила. Если есть было нечего, на худой конец всегда была жевательная резинка; ее рот никогда не пустовал.

Он пошел к психологу и спросил:

— Что вы мне посоветуете? Я устал. Я много раз говорил с ней, но все бесполезно. Она стала совершенно безобразной, но продолжает толстеть. Это ее единственное занятие, двадцать четыре часа в день.

Психолог достал из папки фотографию очень красивой обнаженной женщины — прекрасно сложенное тело, очень привлекательное, — и сказал:

— Возьмите это с собой. Мужчина спросил:

— Зачем мне эта картинка?

— Сделайте вот что, — сказал психолог, — наклейте ее в холодильнике, чтобы каждый раз, когда ваша жена открывает его... А она ведь целый день открывает его, чтобы взять это, взять то... А картинка каждый раз будет напоминать ей, что она делает с собственным телом. Ведь когда-то она была так же красива, как эта женщина.

Мужчина сказал:

— Кажется, это хорошая идея. Я попробую. Попытка — не пытка.

Через полгода психолог встретил его в магазине. Он не мог поверить своим глазам: этот человек был так толст, что узнать его было практически невозможно. Толстяк сам узнал психолога и спросил:

— Вы забыли меня, доктор?

— Не помню, чтобы я видел вас раньше.

— Что вы говорите! Ведь вы наш семейный психолог. Полгода назад вы дали мне картинку. Она сделала свое дело, вы можете убедиться в этом, посмотрев на меня; но она подействовала не совсем правильно. Моя жена на нее даже не взглянула, но я из-за этой фотографии все время открывал холодильник, чтобы посмотреть на нее. А когда открываешь холодильник, возникает искушение съесть немного мороженого... Этой фотографией вы навредили мне. Моей жене уже все равно, ей нет никакого дела до этой девушки.

Сначала она очень разозлилась и спросила: "Зачем ты повесил в холодильнике эту картинку?" Когда я сказал: "Это посоветовал психолог", — она сказала: "К черту твоего психолога! Слишком поздно, я не могу остановиться". Она стала еще толще, и мою жизнь вы тоже разрушили. Я тоже не могу повернуть назад.

Вот так бессознательно ведет себя человек. Можно ли при такой бессознательности сказать, что человек действительно жив, или это просто робот?

Для осознающего человека люди, которые будут его товарищами, сначала будут мертвецами. Они давным-давно умерли — их просто не похоронили, и они все еще бродят вокруг. По старой привычке они продолжают что-то делать. Но жизнь без сознательности — совсем не жизнь.

Ваша жизнь пропорциональна вашему сознанию.

Либо вы встретите шутов, которые притворяются, что все понимают, хотя не понимают ничего. Они идиоты, но притворяются очень мудрыми. Мир полон покойников и шутов. Вся работа шута заключается в том, чтобы показать свою мудрость, высмеивая всех остальных, делая всех остальных посмешищем — не зная, что он просто сам превращается в шута. Это не мудрость; мудрость сострадательна. Это просто попытка показать: "Я мудрее вас, и самый простой способ доказать это — посмеяться над вами".

Вторые же — те, что назовут себя верующими в него: оживленная толпа, много любви, много безумия, много детского почитания.

Это будут вторые его товарищи: верующие, люди, постоянно ищущие, в кого бы верить. Они не могут жить без веры; вера — их духовная пища. Но вера всегда пуста. В ней ничего нет, она — притворщица; она притворяется правдой. И она дешева; вы ничего не должны за нее платить. Люди невежественны, но они не хотят быть невежами, а самый легкий способ прикрыть свое невежество — это приобрести как можно больше верований. Вы встретите верующих-христиан, верующих-индуистов, верующих-буддистов, и все они плывут в одной лодке. Их багаж одинаков, различаются только наклейки.

Вера как таковая нуждается в слепых людях, которые хотят показать миру, что они не слепы, что им все известно о свете. Они считают, что, разговаривая о свете, они доказывают, что у них есть глаза.

Люди говорят о Боге, люди говорят о душе, люди говорят об истине, и этими разговорами

убеждают себя, что они знают обо всем этом. Они не знают ничего. Все это — их верования.

Вера — величайший яд в мире. Она мешает появлению в вашей душе сверхчеловека. Она разрушает ваш разум. Она задерживает ваше развитие. Вы становитесь очень образованными, вы становитесь очень учеными, очень уважаемыми, но глубоко внутри вас нет ничего, кроме тьмы. Старое невежество все еще там, нетронутое. Знания не могут оставить даже царапины на вашем невежестве.

Знания не могут совершить с вами никакой трансформации, но они могут принести честь, награды, Нобелевскую премию. Они могут сделать вас очень уважаемой персоной в мире. Но вам прекрасно известно, что все ваши знания поверхностны, заимствованы. Они основаны на вере — не на знании, не на переживании.

Это рождает в людях величайшее лицемерие. Им приходится притворяться в соответствии с системой верований. Конечно, они не могут жить в соответствии с ней, потому что они этого не пережили, так что на людях они надевают маску, а в приватной жизни эту маску снимают. Вы обнаружите, что наедине с собой, они совершенно другие люди.

С черного хода они правдивы; в гостиной они крайне фальшивы. В толпе они — не что иное, как актеры на сцене; только в одиночестве они немного расслабляются. И именно поэтому такие люди очень боятся одиночества, потому что в одиночестве они осознают свое невежество. Вся их добродетельность, все их познания, все их поведение — просто картинка. Внутри же — всевозможные дикие звери.

Я слышал историю. Мужчина и женщина занимались любовью, и вдруг женщина сказала: — Я слышала, как в гараж въезжает машина моего мужа. Он не должен был приехать, но иногда он возвращается неожиданно. Скорее прячься в шкаф.

Другого выхода не было. Он залез в шкаф, голый. Муж вошел и сказал, что ему пришлось срочно вернуться за чем-то необходимым — он служил детективом в полиции. Пока он разговаривал с женой, бедный любовник стоял в шкафу, голый. Было холодно, он весь дрожал, и вдруг он услышал рядом тихий голос. Маленький мальчик сказал:

— Здесь очень темно. Мужчина прошептал:

— Молчи! Я дам тебе десять долларов. Мальчик сказал:

— Но здесь очень темно! — Тогда он дал ему двадцать долларов.

— Я буду кричать, потому что здесь действительно темно. Мужчина сказал:

— Странно... У меня всего пятьдесят долларов. Возьми их все, только пожалей меня. Не кричи.

На следующий день мальчик сказал отцу:

— Я хочу купить велосипед.

— Велосипед? — удивился отец. — Но у меня нет лишних денег.

Мальчик сказал:

— Не беспокойся о деньгах. Я узнавал, он стоит всего пятьдесят долларов; у меня есть пятьдесят долларов. — Он показал отцу деньги. Отец сказал:

— Откуда у тебя пятьдесят долларов? Сын молчал. Отец сказал:

— Пока ты не скажешь мне, откуда у тебя эти деньги, я не возьму тебя в магазин.

Мальчик сказал:

— Но я не могу сказать этого. Ты хочешь лишить меня источника доходов? Если я расскажу тебе, его больше не будет. Отец заметил:

— Это какой-то странный источник доходов, если ты не можешь о нем говорить.

— Стоит мне что-нибудь рассказать, как он иссякнет. Поэтому я и не могу говорить — я не хочу остаться без заработка.

Отец сказал:

— Тогда вот что. Сегодня воскресенье, мы сначала пойдём в церковь... не говори мне, признайся священнику, священник ведь никому не скажет.

— Хорошо, это можно, — сказал мальчик. Он пошел в исповедальню. Это такая маленькая будочка, а священник сидит за занавесом. Мальчик сказал:

— Здесь очень темно, — на что священник воскликнул:

— Сукин сын, ты снова начинаешь все это?!

Таковы ваши священники: в церкви у них одно лицо, в реальности — другое. Но таковы не только священники, таковы почти все — все неискренни. И эта неискренность пришла в мир потому, что нам твердили: верьте — вместо того, чтобы исследовать и искать.

Мир нуждается в полном освобождении от всякой веры, и это будет великая революция. Вы впервые увидите подлинные лица людей, искренность их индивидуальности. Вы поразитесь тому обществу, в котором жили — где все лицемерили.

Если вы пробудились, это будут ваши следующие товарищи, говорит Заратустра: оживленная толпа... Они не так мертвы, как первые, поскольку их вера дает им ложную надежду, что теперь они спасены — спасены Иисусом Христом, спасены Кришной, спасены Гаутамой Буддой... но в любом случае спасены, кто бы ни был их спасителем.

Много любви... хотя их любовь очень поверхностна. Она не может быть очень глубокой, потому что ее основания не очень глубоки: они — верующие. Но они будут учиться играть: как быть любящим, как показать любовь.

Много безумия... Это естественно, потому что они не знают ничего, но верят, что знают все. Так что на каждом шагу они делают глупости.

Много детского почитания... Детский ум всегда стремится кого-то обожать: отца, мать. Их Бог — не что иное, как проекция отца.

Да не привяжется к ним сердцем тот, кто подобен мне; не поверит в эту весну и цветущие луга тот, кто знает род человеческий, — непостоянный и малодушный!

"Мы опять стали благочестивыми", — признаются эти отступники, а многие из них еще слишком малодушны, чтобы признаться в этом.

Заратустра говорит: "Кто имеет сколько-нибудь осознанности, сколько-нибудь сознательности, хотя бы луч света в своей жизни — тот не будет обманут толпой верующих: все они трусы".

В день, когда распяли Христа, все его двенадцать апостолов сбежали. Тысячи людей пришли посмотреть на распятие: все они ждали, что случится какое-нибудь чудо. Только этих двенадцати апостолов не было там. Они боялись, что кто-нибудь узнает их — а их хорошо знали, они все время ходили с Иисусом по маленькой Иудее — если их кто-нибудь узнает, это может быть опасно, их может постигнуть та же участь, что и Иисуса Христа. Если они могут распять Иисуса... а они всего лишь жалкие букашки. И эти трусы стали его двенадцатью вестниками в мире. Нынешний Папа в Ватикане является представителем этих апостолов.

Заратустра говорит: "Не верьте своим верующим! Берегитесь их; они не заслуживают доверия, они недостойны его".

Но это позор — молиться! Позор не для всех, но для меня, для тебя и для всякого, в ком есть совесть. Он говорит: "Запомни также: человек, в котором есть совесть, сознательный человек, не может молиться". Кому молиться, о чем и зачем?

Сознательный человек принимает ответственность, он не хочет перекладывать ответственность на плечи Бога. Он знает: даже если он оказался в беде, он не должен предаваться отчаянию, но должен оставаться бдительным и наблюдать, ибо все проходит — страдания проходят точно так же, как проходят наслаждения.

Молиться — это трусость. Молитва о помощи означает, что вы становитесь зависимым, вы готовы отказаться от своего достоинства, от своей гордости, от своей человечности. "Молиться — это позор", — говорит Заратустра. Двадцать пять веков назад Заратустра рычал, как лев. Даже сегодня люди побоятся сказать, что молиться позорно — но истина есть истина.

В молитве нет изящества.

Что действительно красиво — это трансформация самого себя.

Что действительно красиво — это не просить о помощи какого-то вымышленного Бога или притворщика, который называет себя спасителем.

Он говорит: это позор...не для всех, но для меня, для тебя и для всякого, в ком есть совесть.Для вас позорно молиться, но не для всех.

Почти весь мир молится в различных местах — в синагогах, церквях, гурудварах, храмах, мечетях. Неважно, где вы молитесь, неважно, какому Богу вы молитесь, сущность одна и та же: вы бесчестны с самим собой, вы не отстаиваете свою индивидуальность и уникальность.

Вы не говорите: "Я вынесу... если моя жизнь будет страданием, я принимаю ее. Если моя участь — смерть, я встречу ее с радостью, но я не буду просить вмешаться какого-то спасителя. Я останусь самим собой". Молиться — значит предавать самое свое существо.

Ты хорошо знаешь это: твой трусливый демон в тебе, что так любит молитвенно складывать руки или празднично держать их на коленях, и вообще обожает покой, — этот трусливый демон говорит тебе: "Существует Бог!"

Весьма странные слова, но в то же время очень правдивые. Именно трусливый дьявол у вас внутри убедил вас: Бог есть.

Все религии говорили, что Дьявол против Бога. Заратустра говорит: "Дьявол — изобретатель Бога, и этот дьявол — просто символ вашей трусости. Именно ваша трусость изобрела Бога — чтобы Он поддерживал вас, защищал вас, был вашим отцом. Вы не взрослеете, вот почему вам нужен отец".

Заратустре хотелось бы, чтобы вы повзрослели настолько, что перестали бы нуждаться в отце, чтобы вы отбросили свои страхи. А вместе с вашей трусостью исчезнет, как темная тень, и ваш Бог.

Но тогда принадлежишь и ты к числу боящихся света, к тем, кому никогда не дает он покоя: с каждым днем придется тебе все глубже прятать голову свою в темноту и угар!

Ваша трусость заставила вас бояться жизни, заставила бояться истины, заставила вас бояться всего, что мешает вашей удобной вере.

Мне вспомнился один человек из нашей деревни... У индийцев два могущественных бога — я сказал "два могущественных бога", потому что у них тридцать три миллиона богов. В то время, когда они изобрели тридцать три миллиона богов, население Индии составляло тридцать три миллиона человек, и это кажется вполне правильно и математично: у каждого должен быть свой бог. Почему бы нет? Зачем скупиться, к чему монополии? Зачем создавать одного бога? Сама идея единого Бога — фашистская, это нацизм.

Индийская идея очень правильна: тридцати трем миллионам человек — тридцать три миллиона богов; каждый может иметь собственного бога. Это выглядит более красиво и демократично. Вы можете делать со своим богом все, что хотите, это ваше личное дело.

Но два бога стали очень влиятельны: Кришна и Рама. Оба они — индийские воплощения Бога. Но таков уж человеческий ум — он везде создает конфликт. Поклонники Рамы ни за что не пойдут в храмы Кришны, и поклонники Кришны ни за что не пойдут в храмы Рамы. И это не только обычные люди, но и великий поэт, Тулсидас. Как поэт он, безусловно, велик, но как религиозный человек он — такой же ребенок, как любой неразвитый человек.

Его биограф, Навадас, описывает один случай. Он привел Тулсидаса во Вриндаван, место, посвященное Кришне, где находится одна из самых прекрасных статуй Кришны. Навадас сказал:

— Мне будет очень жаль, если вы не зайдете в храм Кришны. На эту статую стоит посмотреть, просто как на произведение искусства. Не думайте о том, что это Бог..." - поскольку он не мог считать его Богом, он был поклонником Рамы.

Но Тулсидас отказался. Он сказал:

— Я могу войти только в храм, посвященный Раме. Если Кришна хочет, чтобы Тулсидас вошел в его храм, он должен изменить облик и стоять с луком в руках, как Рама. — Это символ Рамы, лук и стрелы; так же, как символ Кришны - флейта. — Я не войду, если Кришна не захочет.

Видите ли вы эго верующего, тщеславное эго верующего, глупость верующего: если Кришна хочет, чтобы Тулсидас вошел в его храм... почему Кришна должен этого хотеть? Но Тулсидас — великий поэт. Если он хочет, чтобы Тулсидас вошел в его храм, он должен принять облик Рамы. Только тогда он войдет, никак не иначе.

У нас в деревне был небольшой храм и маленький ашрам Кришны. И старый священник не мог слышать даже имени Рамы. Он обычно ходил по улице, заткнув пальцами уши, потому что мальчишки окружали его и кричали: "Рама!" — а он не выносил этого ужасного имени.

Когда он умирал, я был у него в храме. Как только я услышал, что он очень болен и умирает... я был одним из его мучителей. Я сказал:

— Только проститься, — по старой дружбе. Я преследовал его повсюду, потому что порой ему приходилось вынимать палец из уха — когда он хотел купить овощи, он должен был показать пальцем — и как раз тогда-то я мог крикнуть: "Рама!"

Он немедленно возвращал палец на место и говорил:

— Ты самый негодный мальчишка в этом городе! Ты преследуешь меня, но никогда не кричишь, если мои уши закрыты. Ты ждешь подходящего момента. А я иногда должен, конечно...

Он мог купаться в реке — время от времени ему приходилось это делать — и я тут же появлялся из воды и кричал: "Рама!" Он немедленно затыкал уши и очень злился.

Когда он умирал, я сказал: "Было бы нехорошо не пойти к нему". Его ученики пытались помешать мне войти. Я сказал:

— Не мешайте мне сказать последнее "прости": мы знали друг друга так долго.

Итак, я вошел, а поскольку он умирал, он забыл заткнуть уши. Я подошел поближе — в его комнате было темно и мрачно — и шепнул ему на ухо: "Рама".

Он сказал:

— Это ты. Но я так слаб, что не могу даже поднять рук.

— Тогда я еще раз произнесу это имя: Рама. В последний раз, перед тем, как вы покинете тело. Он сказал:

— Не делай этого, ведь я предан Кришне и в последний миг должен помнить о Кришне; а если ты будешь рядом со мной, я буду помнить о Раме, а не о Кришне. Ты слишком связан с ним. Ты так долго кричал... дай мне хотя бы умереть спокойно!

Таковы верующие — так они боятся. Даже слово... они не хотят читать священные писания других религий просто из страха, что у них могут возникнуть какие-то сомнения. Но если ваша вера так легковесна, так боязлива и труслива, она не спасет вас. Она утопит вас в темноте и низком состоянии сознания.

Настал час всех боящихся света — вечер, час праздности, когда всякий "праздник" угас.

Он говорит: наступает вечер; пришел час всех тех, кто боится света, потому что свет

может выдать их. Вечер, час праздности... Для них это должно быть желанное время, теперь не будет никакого света — все покрыто тьмой. Они могут жить со своей верой, без всяких разоблачений.

Но для них не существует покоя, потому что верующий не может расслабиться. В тот момент, когда он расслабляется, возникают сомнения. Он должен оставаться в напряжении, он должен быть все время на страже, чтобы ни одно сомнение не могло родиться. У него внутри всевозможные сомнения, подавленные; стоит ему на мгновение расслабиться, и все эти сомнения выйдут на поверхность.

А иные из них сделались ночными сторожами; они научились трубить в рожок, делать обход по ночам и будить давно уже почившее прошлое.

Пять речений из старой были слышал я вчера ночью у садовой стены: от старых, удрученных, высохших ночных сторожей исходили они:

— "Для отца Он недостаточно заботится о своих детях: у людей отцы куда лучше!"

Даже если вы станете ночным сторожем... Люди, живущие верой, боятся даже спать, потому что им могут присниться сны; и эти сны будут снами о подавленных сомнениях.

Зигмунд Фрейд столкнулся с людьми, которым снился подавленный секс, но это только половина истории. Зигмунд Фрейд не догадывался, что есть другие виды подавления.

Есть люди, подавляющие сомнения, и во сне их сомнения начинают заполнять сознание.

Все святые боятся спать. Они сокращают сон насколько возможно — ведь когда они бодрствуют, они могут хранить свою веру и подавлять сомнения, но когда они засыпают, сомнения выходят из-под их контроля, и подавленное выходит на поверхность. Даже если они становятся ночными сторожами, чтобы не спать, сомнения все равно возникают.

Заратустра говорит: я слышал от одного ночного сторожа несколько слов о Боге:

— "Для отца, Он недостаточно заботится о своих детях: у людей отцы куда лучше!" Это сомнение.

— "Он слишком стар! И совсем уже не заботится о детях своих", — отвечал другой ночной сторож.

— "Разве у Него есть дети? Никто не сможет это доказать, если уж Он и сам этого не доказывает! Хотелось бы мне, чтобы Он хоть раз привел убедительное доказательство".

— "Доказательство? Да когда это было! Плоховато у Него с доказательствами — Ему гораздо важнее, чтобы Ему верили!"

— "Да, да! Вера делает Его счастливым — вера в Него. Так заведено было у отцов наших!"

...Разве не прошло давным-давно время для подобных сомнений?

Они обеспокоены: эти сомнения... мы думали, что время сомнений давным-давно прошло — но эти сомнения все еще здесь. Сомнения не уходят, пока вы не знаете.

Только ваше собственное знание уничтожает сомнения.

Вера никогда не сделает это; на самом деле, она сохраняет сомнениям жизнь и питает их.

Давно уже покончено со старыми богами: и поистине, - хороший, веселый конец выпал на долю их!

Не "сумерками" своими довели они себя до смерти — это ложь! Напротив: они так смеялись однажды, что умерли от смеха!

Это произошло, когда самое безбожное слово было произнесено неким богом: "Один Господь! Да не будет у тебя иных богов кроме меня!"

Так говорится в Ветхом Завете, в это верят христиане, в это верят мусульмане: един Господь, и нет иного Бога кроме того, в которого они верят.

Но Заратустра говорит: "Это самое безбожное слово". Почему оно безбожно? Потому что сама идея единого Бога противоречит природе существования.

Каждая душа имеет право достичь вершины и стать богом. Именно в это верил Гаутама Будда, именно этому учил Махавира, и именно это говорит Заратустра. В буддизме нет единого Бога, в индуизме нет единого Бога — идея одного - монополистична; это нечто вроде моногамии, это уродливо. Почему в такой огромной Вселенной должен быть только один Бог? Зачем так обеднять Вселенную? Всего один Бог!

Пусть будет множество богов, как существует множество цветов. Пусть будет разнообразие цветущих сознаний — разных, уникальных, своеобразных — и существование станет богаче. Вот почему Заратустра говорит, что это безбожные слова. А поскольку один бог сказал это, все остальные боги смеялись до смерти. Они так развеселились: "Этот старый идиот, наверное, сошел с ума. Что он говорит? Он лишает достоинства все существование и претендует на то, что он - единственный Бог".

Старый, ревнивый, злобный бородач до такой степени забылся, что все боги рассмеялись и, раскачиваясь на своих тронах, восклицали: "Не в том ли и божественность, что существуют боги, но нет никакого Бога?" Имеющий уши да слышит!

Что хочет донести до ваших ушей Заратустра? "Не в том ли и божественность, что существуют боги, но нет никакого Бога?" Это именно то, что я говорю вам вновь и вновь: все существование божественно.

Повсюду божественное, но нет единственного Бога как личности. В день, когда мы отбросим идею единственного Бога как личности, все наши религии и их ограничения исчезнут. Останется лишь божественность — без формы, просто качество, просто аромат. Вы можете пережить это, но не можете этому молиться; вы можете им наслаждаться, но не сможете выстроить вокруг храм; с ним можно танцевать, с ним можно петь, но его нельзя восхвалять.

Вы не найдете слов, чтобы восхвалять его, но вы можете петь песню радости. Вы можете танцевать так тотально, что танцор исчезнет и останется лишь танец — это истинная религиозность и истинная благодарность.

...Так говорил Заратустра.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

14 апреля 1987 года.

Возлюбленный Ошо,

ВОЗВРАЩЕНИЕ

О уединение! Ты, уединение — отчизна моя! Слишком долго жил заброшенным я на чужбине, чтобы со слезами не возвратиться к тебе!..

Мы не спрашиваем друг друга, мы не жалуемся друг другу: мы проходим вместе в открытые двери...

Здесь... раскрываются передо мной слова обо всем сущем: все сущее хочет стать словом, всякое становление хочет научиться у меня говорить.

Но там, внизу, всякая речь напрасна! Там "забыть и пройти мимо" — лучшая мудрость: этому научился я теперь!..

Все говорит у них, пониманию же все разучились...

Все говорит у них, все разглашается. То, что некогда было сокровенным и тайной глубоких душ, сегодня принадлежит уличным трубачам и всяким легкокрылым насекомым...

Пощада и сострадание всегда были величайшей опасностью моей, но всякое человеческое существо жаждет пощады и сострадания.

С невысказанными истинами... — так жил я всегда среди людей...

Кто живет среди добрых, того сострадание учит лгать. Сострадание делает воздух затхлым для свободных душ. Глупость добрых — бездонна.

Скрывать себя самого и богатство свое — этому научился я там, внизу: ибо обнаружил я, что каждый из них — нищ духом.

О каждом я знал и видел, ...что не только достаточно, но даже слишком много духа досталось ему...

Блаженной грудью вдыхаю я снова свободу гор! Наконец-то избавлен нос мой от запаха человеческого существования!..

...Так говорил Заратустра.

Каждый человек ищет дом, потому что в своем обычном состоянии он — эмигрант: у него нет согласия с самим собой или с окружающим миром, он не расслаблен — так, как можно расслабиться у себя дома. Религию можно определить как поиск дома.

У психологов есть некоторые догадки об этом явлении. В тот миг, когда ребенок рождается... Девять месяцев он жил в абсолютном комфорте, в абсолютной безопасности, защищенный и полностью расслабленный. Материнская утроба была его первым жизненным опытом — никакой ответственности, никаких волнений, ни борьбы, ни страданий. Он был в своей стихии — абсолютно довольный, спокойный. Но когда он рождается, эта удовлетворенность, покой, дом потеряны.

Внезапно он оказывается в чужом мире, с незнакомыми людьми, среди абсолютно новых предметов. Он должен учиться жизни с азов, начинать с пустого места. Он больше не защищен, он больше не в безопасности. Психологи говорят, что для каждого человека опыт девяти месяцев в материнской утробе — основная причина непреодолимого стремления снова обрести этот дом — снова вернуть прежние дни покоя и тишины, когда не было ни волнений, ни борьбы, ни "другого", когда вы были одни и самодостаточны. По-видимому, в этом есть некая истина.

Заратустра говорит: О уединение! Ты, уединение — отчизна моя! Слишком долго жил я заброшенным на чужбине, чтобы со слезами не возвратиться к тебе!

Тот, кто снова пришел к такому же состоянию тишины, покоя и безмятежности, как у ребенка в утробе матери — другими словами, люди, для которых все существование стало утробой, матерью — все эти люди обнаруживают, что это все равно что вернуться домой: это безграничный дом, где больше свободы, где пространство бесконечно, где живет великая красота и невероятный экстаз.

Прежний дом был всего лишь отдаленным эхо настоящего дома. Найти собственное уединение, найти собственное одиночество, найти себя — вот что такое настоящий дом. Мы всегда скитаемся снаружи, идем куда-то. Любое путешествие — это путешествие от себя. Может быть, мы уходим в поисках дома, но на самом деле мы уходим от дома: ваш дом — внутри вас. И этот дом можно найти только когда прекращаете поиски, когда вы перестаете скитаться, когда вас больше не интересует далекое, когда вы полностью расслабляетесь в сокровенном источнике своего бытия.

Дом нужно искать у себя внутри. И уединение — существенная, основная необходимость. Быть с самим собой — вот в чем смысл уединения. Мы умеем быть с другими; мы умеем быть в толпе, но мы забыли язык бытия с самими собой.

Это не одиночество, потому что одиночество всегда требует другого. Одиночество болезненна. Одиночество — не отдых, а беспокойство. Одиночество — не дом; дом — это одиночество. Вам не нужен другой, ибо вы впервые обнаруживаете, что в других нет никакой необходимости. Достаточно вас одного — более чем достаточно.

Уединение — это цветение медитации, цветение безмолвия, цветение ваших сокровенных возможностей.

О уединение! Ты, уединение — отчизна моя! Слишком долго жил заброшенным я на чужбине, чтобы со слезами не возвратиться к тебе! Я иду домой, к тебе, без всякой боли мира, без всяких тревог мира, без всякой ответственности мира, без слез; подобно маленькому ребенку, который радостно, счастливо бежит к матери.

Мы не спрашиваем друг друга, мы не жалуемся друг другу: мы проходим вместе в открытые двери.

Уединение — не нечто чуждое. Очень странно, что все люди во внешнем мире чужие — что бы вы ни делали, невозможно разрушить чужеродность другого. Вы не можете войти в его внутреннее пространство; он не может войти в ваше внутреннее пространство. В толпе вы остаетесь собой.

Даже любящие только близки; но эта близость — тоже расстояние. И для любящих даже маленькое расстояние очень болезненно, из-за желания уничтожить всякую дистанцию, узнать другого во всей его полноте, абсолютно и безусловно открыться самому. Но это просто невозможно. Наше внутреннее пространство, наши тайные сокровеннейшие центры недостижимы. Даже любовь не может возвести такого моста. Постоянная борьба между любящими происходит не из-за вражды, постоянная борьба между ними идет потому, что они чувствуют глубочайшее стремление к единству. Да, на мгновения, как во сне, они подходят друг к другу очень близко. Но как бы близки они ни были, другой остается чужим, и как бы долго вместе они ни были, это чувство чуждости другого остается.

Лишь с самим собой вы не чужой. Лишь в уединении не нужны вопросы, не нужно знакомиться — как будто вы познали это уединение уже давным-давно, просто забыли к нему путь. Вы ушли прочь в поисках тысячи и одной вещи, потерялись в джунглях мира и забыли путь домой.

В этом возвращении домой нет никаких вопросов, никаких жалоб, никакого конфликта. Мы проходим вместе в открытые двери.

Вы и ваше уединение — не две разные вещи; вы и есть ваше уединение. Вы и ваше одиночество — не две разные вещи; вы и есть ваше одиночество, в его кристально ясной прозрачности. Поэтому не возникает никаких вопросов, никаких сомнений.

Вы просто расслабляетесь. Вы обрели себя.

В толпе, в дикости, с чужими людьми, вы разучились расслабляться. Расслабленность — это мост. Расслабленность — единственная настоящая молитва, потому что только в расслабленном состоянии вы в согласии с собой и с существованием. Всякий страх исчезает. Вы отбрасываете всякую защиту, потому что кроме вас никого нет. Существование приобретает совершенно новое качество; ваше одиночество, ваша уединенность делает все существование не отделенным от вас.

Все небо становится вашим, со всеми его звездами.

Деревья становятся вами, со всеми цветами и листвой.

Горы находятся внутри вас.

Вы впервые чувствуете, что ваш пульс — не только ваш; это пульс всей вселенной. Поистине, это можно назвать "возвращением домой".

Здесь... раскрываются передо мной слова обо всем сущем: все сущее хочет стать словом, всякое становление хочет научиться у меня говорить.

В глубине вашего уединения все сущее хочет выразить себя через вас, хочет стать словами, песнями, стихами, танцем и творчеством. Когда вы нашли себя, вы становитесь сосудом для всего сущего.

Здесь... раскрываются передо мной слова обо всем сущем: все сущее хочет стать словом. Ваше уединение тоже хочет получить выражение. Ему хочется петь и танцевать, ему хочется поделиться своими сокровищами.

...всякое становление хочет научиться у меня говорить. Это предельная тишина — но с глубоким стремлением достичь других. Вы нашли свой дом; они тоже могут найти свой дом. И это не где-то далеко, все дело в том, чтобы повернуться на сто восемьдесят градусов. Иначе можно все время искать — от одной планеты к другой, от одной звезды к другой, и вы будете все дальше и дальше уходить от себя.

Человек, который нашел свой дом, чувствует огромную, непреодолимую потребность сказать всем тем, кто все еще блуждает, кто все еще занят поисками далеких земель, в необжитых местах и с чужими людьми: "Закройте глаза и пойдите внутрь".

В этом все мистики мира полностью согласны: вы — то, что вы ищете. Ищущий есть искомое; стрела есть цель; наблюдатель есть наблюдаемое.

Дуальность между наблюдателем и наблюдаемым исчезает. Вы становитесь одним — видящий и видимое. Это единство — величайший экстаз, подвластный человеческому сознанию.

Это высочайшая вершина и глубочайшая глубина. В этом вся религия. Все прочее, что существует под именем религии, фальшиво — не просто фальшиво, но положительно вредно, поскольку уводит вас в сторону. Они учат вас поклоняться Богу в небесах — а ваш Бог внутри вас; поклоняемое находится в поклоняющемся. Они уводят вас в храмы и церкви — тогда как вы есть храм, вы есть церковь и вы есть синагога.

Не нужно никуда ходить.

Вы должны просто устроиться в глубокой тишине, безмятежности и покое, и вы найдете то, что нельзя найти даже пройдя тысячи миль, изучив сотни писаний, практикуя множество обрядов.

Для этого не нужны обряды, для этого не нужны писания. Для этого не нужны никакие церкви, никакие храмы; это просто есть. Это не должно случиться; это ваша сущностная реальность, это ваше существование. Ее нужно только открыть — или, может быть, вновь обрести. Возможно, вы знали ее в материнской утробе. Эти девять месяцев глубокой тишины... разве можно не знать этого?

Но когда вы попадаете в мир, этот мир так наполнен приманками, притягательными вещами, что вы начинаете догонять то и это. И постепенно... некие смутные воспоминания остаются где-то внутри вас, но вы не можете понять, где вы пережили это. Но одно ясно: вы не можете искать то, чего вы не знаете. Без некоего знания идея поиска не возникает. Вы попробовали это, и оно все еще остается в глубинах вашего бессознательного.

Это единственная надежда: однажды вы услышите мягкий тихий голос внутри. Когда вы устали от всех скитаний и исследований, есть лишь одна надежда: вы посидите тихо. Вы сделали все возможное; вы сядете, ничего не делая. Вы устали, крайне устали. Вы расслабитесь. И в этой расслабленности происходит величайшее чудо жизни — вы находите то, за чем вы бегали все это время.

Но там, внизу, всякая речь напрасна!

В глубочайшем внутреннем центре вашего существа... всякая речь напрасна.

Очевидно, что речь изобретена для того, чтобы сообщить нечто кому-то другому. Когда вы абсолютно одни, функция речи исчезает; человек становится безмолвным.

Так бывало иногда... например, Махавира двадцать лет жил в молчании. Естественно, прожив двадцать лет в полном безмолвии, он разучился говорить. Вернувшись с гор, он чувствовал себя как новорожденный ребенок, не знающий языка. О нем существует прекрасная

притча: что с этого времени за всю свою жизнь он ни разу не говорил. Чтобы передать эту простую идею — то, что вы ищете, не снаружи; это внутри вас — ему пришлось изобрести совершенно новый метод.

Средство, которое он придумал... ведь он разучился говорить — он забыл те слова, те языки, которые знал когда-то. Двадцатилетнее безмолвие было так глубоко, что в нем стерлось все остальное — средством, которое он нашел, была телепатия. Его ближайшие ученики просто тихо сидели рядом с ним, и они говорили с людьми. Быть может, между ним и его ближайшими учениками проступало нечто невидимое; они не обменивались ни одним словом.

И чудо заключалось в том, что его ближайшие ученики могли слышать то, что не было сказано. Как решить, правильно ли они услышали? Это больше похоже на вибрации... от него исходил необычайный экстаз, тишина и мир. Они стали достаточно чувствительны, чтобы принимать эти вибрации и переводить их на язык слов. Единственным критерием правильности их понимания было то, что все они говорили людям одно и то же. Не было никаких споров, ссор, выяснений: "Ты услышал не то". Они просто повторяли то, что не мог сказать Махавира. Он пользовался их языком, их словами, чтобы передать свою тишину, чтобы сообщить свое одиночество.

В этом столетии одним из самых замечательных людей был Мехер Баба. Он молчал всю жизнь. Хотя он неоднократно объявлял, что заговорит в определенный день, когда этот день наступал, он откладывал.

Его ближайший ученик, Ади Иррани, часто навещал меня. Все книги Мехер Бабы написаны Ади Иррани. Его имени нет на этих книгах; их автор — Мехер Баба.

Я спросил его:

— Почему вы вновь и вновь заявляете, что в этом году Мехер Баба заговорит? Это продолжается вот уже тридцать лет: люди собираются к определенной дате, а он не говорит.

Он сказал:

— Я не могу этого объяснить. Я сказал:

— Мой опыт говорит мне, что он разучился говорить.

Ади Иррани не знал о Махавире и о том, что с ним случилось после двадцати лет безмолвия. Может быть, он пытался заговорить, но у него ничего не получалось. Безмолвие так велико, а слова так ничтожно малы, что не могут вместить его. Истина так громадна, а язык так тривиален.

Я говорил Ади Иррани:

— Оставьте надежду, что он когда-нибудь заговорит. И он так и не заговорил; он умер в безмолвии. Но с Ади Иррани у него был телепатическое, бессловесное общение. Я спросил Ади Иррани:

— У вас никогда не бывает подозрения, что то, что вы говорите — не в точности то, что он имеет в виду?

— Ни на один миг, — ответил он. — Это приходит с такой силой; это приходит с такой внутренней определенностью, что даже если бы он сказал: "Это неправильно", я бы не послушал. Я не знаю, как это происходит, но когда я просто сижу рядом с ним, что-то становится настолько явным, так абсолютно конкретным, что в этом нет ни малейшего сомнения. Я знаю, что это исходит не от меня, потому что я совершенно не представляю, что я скажу. Если бы меня оставили одного, я не мог бы это сказать.

Несомненно, это исходит от него; и это приходит не в форме языка. Я не слышу слов, но чувствую, как меня окружает определенная энергия, присутствие, которое становится словами во мне. Эти слова мои, но они вызваны его присутствием. Весь смысл в нем, я —

просто полая бамбуковая флейта. Он поет свои песни; единственная моя функция — не создавать препятствий. Просто позволить ему петь свою песню. Я для него абсолютно открытый сосуд.

Но там, внизу, всякая речь напрасна! Между прочим, мне хотелось бы напомнить вам, что Мехер Баба — наследник той же традиции, что и Заратустра.

Это судьба всех мистиков — непонимание среди собственного народа. Заратустра не был понят собственным народом, и Мехер Баба не был понят собственным народом. Наверное, это некий закон природы: вы не можете смириться с мыслью, что кто-то из вас пришел домой, а вы все еще скитаетесь. Это задевает эго.

Там "забыть и пройти мимо" — лучшая мудрость: этому научился я теперь! Он пытался убедить людей, а они посмеялись над ним. Он разными способами пытался спорить с людьми, а они сочли его ненормальным. Самое большее, они радовались ему как развлечению.

Теперь он говорит: Там "забыть и пройти мимо" — лучшая мудрость: этому научился я теперь!

Все говорит у них, пониманию же все разучились.

Что касается людей, все они говорят, но ...пониманию все разучились.

Наш мир — как древняя история о Вавилонской башне. Люди прослышали, что Бог живет высоко в небе, и решили: нужно построить башню, такую высокую, чтобы с этой башни они могли достичь Бога. Это прекрасная притча. Они уже почти достигли цели. Они построили башню, и Бог, должно быть, испугался: теперь они сделали лестницу, и каждый сможет прийти к Нему со своими жалобами, проблемами — так называемыми молитвами.

Он спросил своих советников:

— Что делать? Башня с каждым днем все ближе. Советники сказали:

— Сделай вот что, пока они спят, измени их ум так, чтобы никто не понимал друг друга.

Бог воскликнул:

— Ну и совет! Разве это поможет? Советники сказали:

— А ты попробуй.

Так и сделали, и это подействовало. Все люди говорили, но никто не мог понять других.

Работа встала — иначе не могло быть. Во всех было столько непонимания, столько подозрений и сомнений; никто никому не верил, потому что никто не мог никого понять. Башня осталась незавершенной по той простой причине, что все умели говорить, но никто не умел понимать.

Это просто притча, но в ней содержится важная истина. Мы до сих пор делаем то же самое. Люди говорят тысячи лет; все умеют говорить, но очень редко найдешь человека, который еще и понимает. Непонимание — это правило; понимание — исключение.

И чем важнее нечто, тем меньше вероятность, что это поймут; иначе в мире не было бы трехсот религий. У вас нет трехсот химий, у вас нет трехсот физик, у вас нет трехсот биологий. Одной достаточно, потому что истина одна.

Если для внешнего мира достаточно одной науки, то весьма нелепо, что для внутреннего мира нужно триста религий. Это Вавилонская башня. Ни одна религия не понимает другую. Фактически, даже люди, исповедующие одну религию, по-разному интерпретируют одну и ту же священную книгу. Опыт Индии дольше, чем опыт любой другой страны. Вы удивитесь, если узнаете, например... один великий философ, Бадарайяна, написал один из самых важных трактатов, Брахмасутры — афоризмы о высшем. На него существуют сотни комментариев, и ни один комментарий не соглашается с другим.

Но дело на этом не кончается: существуют еще комментарии на комментарии. Но и это еще не конец: есть еще комментарии на комментарии к комментариям! Тысячи школ... и

создается впечатление, что Бадарайяна совершенно забыт и потерян; важны стали эти комментарии. Но и по поводу этих комментариев люди не соглашаются — и тогда они пишут дальнейшие комментарии на комментарии.

И вот, почти две тысячи лет, никто не пишет комментарии на Бадарайяну — потому что сначала вы должны написать комментарии на комментарии к комментариям... и так без конца. Если бы вы смогли прочесть все комментарии на Бадарайяну, вы бы сошли с ума! И может быть, тогда вы поняли бы, что имеет в виду Бадарайяна.

Все говорит у них, пониманию же все разучились.

Все говорит у них, все разглашается.

Люди всегда предавали всех великих Мастеров, всех великих мистиков. Если бы предательство было единичным случаем, его можно было бы считать простой случайностью. Но всякого великого Мастера обязательно предают. Чем более велик Мастер, тем больше предателей. Сосчитайте предателей, и вы узнаете, насколько был велик Мастер. Иисус был не так уж велик — всего один предатель, Иуда. Совсем небольшое движение.

Предатели — верный критерий для определения величия Мастера — по той простой причине, что чем крупнее Мастер, тем больше будет вокруг него непонимания, и тем больше людей попытаются стать его преемниками. А поскольку они не могут быть его преемниками, у них остается только одна возможность — предать его.

Вы прекрасно знаете, в каждом доме... вы легко можете понять это. Муж говорит одно — простые слова, не какую-то великую философию, метафизику, а обычные, повседневные слова — но жена не понимает. Она делает такой вывод, которого муж никак не мог предположить, представить себе — что его слова можно так понять. И это касается не только жены. Когда жена что-то говорит, муж настаивает: "Я не имел этого в виду", но то, что он понимает из слов жены — из того же разряда, того же рода. Жена тоже говорит: "Я имела в виду не это".

Я слышал историю о семье одного сардарджи. Все их соседи недоумевали, поскольку все вокруг ругались, кроме этой семьи. Это было исключение из всех. Из дома этого сардарджи люди всегда слышали смех. А в других домах кидали вещи, били тарелки, кричали, вопили, всячески бранились... мужья били жен, а более передовые жены били мужей. И все они недоумевали: "Как этот сардар умудряется сделать так, что мы никогда не слышим никакой ругани, никаких ссор? Единственное, что слышно из его дома — это смех".

В конце концов, они не могли больше удержаться, и когда сардар возвращался с работы, они все собрались вокруг него на лужайке и спросили:

— Ты должен открыть нам секрет. Только из твоего дома всегда слышен смех. В чем секрет? Как ты ухитрился устроиться так, что твоя жена не вопит, и ты не колотишь ее?

Сардар ответил:

— Лучше бы вы не спрашивали. Но раз вы так любопытны, придется сказать вам правду. Правда очень печальна! Они сказали:

— Печальна? А мы всегда слышим смех!

— Это так, — ответил он. — После медового месяца мы решили: ей разрешается швырять в меня разные вещи; если она промахивается, я смеюсь; если она попадает, смеется она. Вот почему вы слышите только смех. Но ситуация такая же. Разницы нет, это просто соглашение. Мы почти сравнялись. Она становится специалистом по попаданию в меня; я все лучше и лучше уворачиваюсь. Это тоже хорошее упражнение. Нет никаких проблем. По крайней мере, все соседи нас чрезвычайно уважают — как правильно устроенную семью.

Но я слышал, что через двадцать лет этот сардар оказался в суде, требуя развода. Судья сказал:

— Я слышал о вас, вы — знаменитость вашего района, все знают о вашем смехе и вашем договоре. Что случилось? И сколько лет вы женаты?

Он ответил:

— Мы прожили, должно быть, сорок лет, но сейчас это уже слишком.

— Что случилось с вашим соглашением? — спросил судья.

— Все именно из-за этого проклятого соглашения. Она так наловчилась, что в ста процентах она смеется. Так что это слишком — когда была ничья, все было в порядке. Я больше не могу жить с этой женщиной. И я не могу ничего сделать, потому что она всегда напоминает: "А соглашение?"

Посмотрите на свои семьи, посмотрите на своих родственников, понаблюдайте, как вы разговариваете со своими друзьями — создается впечатление, что все говорят, но никто не слышит. А если вы не слышите, как вы поймете?

Все говорит у них, все разглашается. То, что некогда было сокровенным и тайной глубоких душ, сегодня принадлежит уличным трубачам и всяким легкокрылым насекомым.

Пощада и сострадание всегда были величайшей опасностью моей.

Это крайности: люди либо индугируют, либо подавляют и страдают. И то и другое противно природе. Природа очень гармонична и уравновешена — во всех своих проявлениях. Человека влечет к крайностям — он будет либо абсолютно против, либо полностью за. Он не может понять, что жизнь — не крайность, а золотая середина. Не нужно чрезмерно потакать себе; иначе ваша снисходительность разрушит вас. И не нужно слишком подавлять; иначе подавление разрушит вас. Вы должны сохранять равновесие во всем. И сбалансированная жизнь — это здоровая жизнь, благотворная.

...И все человечество хочет индугировать и страдать. Кажется, человек настолько обусловлен, что будет либо страдать, чтобы стать святым, либо пойдет на другую крайность: будет потакать себе и станет грешником. И грешников, и святых нужно выбросить из мира; они не нужны. Они полярно противоположны, но очень глубоко связаны друг с другом.

Человек должен находиться точно посередине. Святой грешник — это кажется правильным состоянием, гармоничным, уравновешенным.

Но никто не проповедует, что вам следует быть святым грешником; люди не могут даже представить себе, как совместить эти две вещи. Вам не нужно приводить их в гармонию — когда следуешь природе, гармония возникает сама по себе.

В жизни есть то, что религии называют грехом, и в жизни есть также то, что они называют святостью, но они должны быть уравновешены. Заратустра вновь и вновь повторяет: "Жизнь похожа на хождение по канату" — вы должны постоянно, каждый миг поддерживать равновесие. Если вы наклоняетесь вправо, немедленно отклонитесь влево, чтобы сохранить равновесие. Если вы слишком наклонились влево, отклонитесь вправо, чтобы сохранить равновесие. Главное не в том, наклонитесь ли вы вправо или влево, главное в том, что вы остаетесь на канате, что вы остаетесь в равновесии.

С невысказанными истинами... — так жил я всегда среди людей. Заратустра говорит: "Когда я жил среди людей, мне приходилось прятать многие истины, ибо они не понимали. Они поняли бы их превратно; не было никакого смысла говорить им".

Нельзя быть искренним и правдивым в этом неискреннем и неправдивом обществе. Но в уединении, когда он достиг дома своего одиночества, он может быть правдивым до самого конца, до самых глубин.

Ничего не нужно скрывать. Ничего не нужно прятать за спиной, вы можете быть абсолютно невинным, чистым и прозрачным.

Кто живет среди добрых, того сострадание учит лгать. Сострадание делает воздух затхлым для всех свободных душ. Глупость добрых — бездонна.

Он говорит: "Приходится много лгать просто из сострадания".

Это случилось в автобусе. Там ехала женщина с ребенком, и какой-то пьяница посмотрел на них и сказал:

— Мадам, я должен сказать вам правду. Я никогда в жизни не видел такого уroda.

Он был пьян — вот почему он говорил то, что думал; ведь в остальных случаях даже о самых некрасивых детях их матерям говорят: "Какой у вас чудесный ребенок!"

Женщина начала плакать и подняла такой шум, что водителю пришлось остановить автобус. Он вышел и поинтересовался:

— В чем дело? Пассажиры ответили:

— Да ни в чем. Этот человек абсолютно пьян, поэтому он говорит правду. Он что-то сказал этой женщине, а она не может держать себя в руках; она все плачет и плачет.

— Я что-нибудь придумаю, — сказал шофер.

Он вышел, принес женщине чашку чаю и сказал:

— Не обращайтесь на него внимания, он пьян. Будьте к нему снисходительны. Выпейте чаю... и я еще принес банан для вашей милой обезьянки.

Что делать? Ведь пьяница был прав. Даже шофер не смог сказать: "Какой красивый ребенок". Он нашел способ: лучше сказать, что это милая обезьянка — и тогда нет проблем.

В жизни вы вынуждены лгать каждую секунду — из жалости, из сострадания; а истину приходится прятать.

Кто живет среди добрых, того сострадание учит лгать. Сострадание делает воздух затхлым для всех свободных душ... потому что общество сокрушит любого, кто захочет быть правдивым, честным и искренним — ведь он будет говорить все как есть.

В одном доме ждали к обеду премьер-министра. У него был очень длинный нос, делавший его лицо таким уродливым, что нельзя было сказать: "На его лице есть нос", — наоборот, у его носа было лицо. Все оно состояло исключительно из носа, все остальное было очень маленьким. Семейство очень беспокоилось за своего маленького сынишку, и все утро они внушали ему:

— Ты должен запомнить одну вещь: не говори о носе. Мальчик отвечал:

— Это странно. Почему?

— Это неважно. Ты должен запомнить: он премьер-министр, и он не любит, когда обсуждают носы. Поэтому запомни: молчи! Можешь говорить о чем угодно, кроме носа.

Мальчик сказал:

— Какой странный гость. Он что, сумасшедший? Почему? Да я никогда в жизни не говорил о носах.

Но они не рассказали ему о настоящей причине, они просто запретили ему упоминать о носе. Пришел премьер-министр, мальчик посмотрел на него и сказал:

— Божже мой, какой у вас огромный нос! Мои родители с самого утра говорили мне: "Не говори о носе!" Смотря на вас, невозможно не обсуждать нос. Я просто влюбился в него. У вас такой карикатурный вид!

Детям трудно лгать, ведь они еще недостаточно цивилизованны. Они еще примитивны — простые души. Они еще свободны, чтобы говорить правду. Но что до всех остальных:

Сострадание делает воздух затхлым для всех свободных душ.

И... Глупость добрых — бездонна. Обычно вы совсем не задумываетесь о том, что люди, которые считаются добрыми, добры только потому, что их глупость принималась обществом достаточно долго, чтобы люди забыли о ней.

Однажды я путешествовал с индуистским монахом. Это был во всех отношениях добрый,

хороший человек — ненасильственный, очень тихий — и ни один индуист не замечал его глупости. Когда к станции подъехал встречавший нас лимузин, он не захотел в него садиться. Я спросил:

— В чем дело? Шофер объяснил:

— Сначала нужно положить на сиденье его бамбуковый коврик. Он будет сидеть на бамбуковом коврике, потому что он аскет. Он не может сидеть в таком роскошном автомобиле, на таком роскошном сиденье.

Тут же принесли его бамбуковый коврик, положили туда, и он уселся. Я наблюдал все это шоу. Теперь он думал, что сидит на своей бамбуковой подстилке и нисколько не тревожился о роскоши автомобиля. Под его бамбуковым ковриком было прекрасное кожаное сиденье — и это его не заботило; он создал барьер. Я сказал:

— Это просто глупость. Вы такой хороший, добрый человек, но разве нельзя быть еще и разумным?

А потом начались проблемы. Он пил только молоко; ничего другого он не ел. Индуисты считают молоко самой чистой пищей. В действительности все совершенно по-другому - если вы действительно вегетарианец, абсолютный вегетарианец, вы не можете пить молоко. Молоко вырабатывается организмом животных. На самом деле, это часть крови; животное-мать превращает кровь в молоко. Это чистая кровь - и больше ничего. Это невегетарианская пища.

Ее нельзя назвать даже вегетарианской — что же говорить о том, что она самая чистая? И это еще и опасно, потому что только маленькие дети и зверята пьют молоко, и они быстро переходят на твердую пищу. Только человек продолжает пить молоко до последнего вздоха.

Молоко нужно маленьким детям, которые не могут переваривать другую пищу, оно не для взрослых. И естественно, это приводит к определенным последствиям. Человек, живущий на одном молоке, остается умственно отсталым. Он останется ребенком — немного глуповатым. Когда я узнал все, это стало просто смешно. Он мог пить только коровье молоко. Индуисты — великие поклонники коров. Они так почитают коров, что даже навоз становится "священным навозом". Они едят его. Они пьют коровью мочу — она священна.

Я спрашивал многих индуистских ученых: "Что же вы не пьете мочу своей матери? Это было бы еще благочестивее".

А у этого человека были еще и другие условия. Корова должна быть совершенно белой, потому что черное — знак дьявола, смерти, тьмы и всяческого зла. Так что для него нужно было искать белую корову. Она должна быть абсолютно белой — ни малейшего пятнышка.

Я сказал ему:

— Неужели вы не понимаете простой вещи: что даже черная корова дает белое молоко? Вы должны думать о молоке; молоко не становится черным.

Он ответил:

— Не вмешивайтесь в мою религиозную жизнь.

Он почитал весь этот идиотизм. Каждое утро... то, что индуисты называют панчамрита, пять нектаров — это пять элементов, выходящих из тела коровы: навоз, моча, молоко, творог и масло — эти пять элементов нужно смешать, и это превращается в "пять нектаров". И именно так завтракают настоящие индуистские святые.

Взгляните на добрых людей, и вы очень редко найдете их разумными. Их глупость безгранична. Насмотревшись на добрых людей досыта, я пришел к выводу, что пока мы не избавимся от добрых, мы не сможем избавиться от глупости, мы не сможем избавиться от всевозможных идиотских представлений.

Нам нужны разумные люди, а не добрые.

И если вас ведет разум, тогда жизнь будет доброй. Но добрая жизнь не должна быть целью, целью должен быть острый, пронизательный разум.

Скрывать себя самого и богатство свое — этому научился я там, внизу: ибо обнаружил я, что каждый из них — нищ духом. Заратустра говорит: "Там, внизу, среди людей, я научился скрывать свое богатство, чтобы они не завидовали — ибо все они так нищи духом, что если вы сильны разумом, лучше спрячьте его; иначе они убьют вас".

Этим маленьким людям и их толпам не по нраву никакие гиганты; они задевают их эго. Самое их присутствие заставляет их почувствовать собственное ничтожество. Единственный способ восстановить свою гордость — уничтожить этих людей, которые действительно внутренне богаты.

Я знал, видел и даже носом чуял, что не только достаточно, но даже слишком много духа досталось ему!

Блаженной грудью вдыхаю я снова свободу гор! Наконец то избавлен нос мой от запаха человеческого существования!

Заратустра любит человека, и Заратустра ненавидит человека. Заратустра любит человека, ибо в человеке заложена возможность выйти за свои пределы. Заратустра ненавидит человека, потому что человек совершенно не использует свой потенциал; он застрекает как зерно и никогда не становится цветком.

Это одна из причин, почему за Заратустрой не последовали большие толпы людей — потому что он ненавидит вас такими, какие вы есть. Но он ненавидит вас лишь потому, что вы владеете несметными сокровищами и не исследуете их. Он ненавидит вас потому, что любит вас. В этом нет противоречия.

Он хочет, чтобы из вас родился сверхчеловек. Он любит сверхчеловека, а пока маленький человек не готов умереть и исчезнуть, сверхчеловек не может появиться.

Семя должно умереть в почве. Лишь тогда начнет расти прекрасный зеленый побег. Но зерно должно умереть.

Человек должен умереть, чтобы дать место сверхчеловеку.

Так что, с одной стороны, он любит человека, ибо человек — это зерно... но он ненавидит человека, потому что это зерно не дает расти сверхчеловеку. Зерно превратилось в тюрьму.

Семя должно быть только защищено, и как только найдется подходящая почва, семя должно быть готово немедленно умереть. Но семя становится слишком защищенным - тогда оно превращается в тюрьму. Тогда зерно избегает почвы, поскольку там ему придется умереть. Тогда семя начинает любить самое себя и полностью забывает о великой возможности, которую носит в себе.

Заратустра любит сверхчеловека, и как следствие, ему приходится разбивать и разрушать семя — человечество. Человечество должно исчезнуть с земли, чтобы сверхчеловек мог сделать эту землю раем.

...Так говорил Заратустра.

О ТРОЯКОМ ЗЛЕ

14 апреля 1987 года,

Возлюбленный Ошо,

О ТРОЯКОМ ЗЛЕ

Теперь хочу я возложить на весы из всех зол три самых худших, и по-человечески верно взвесить их...

Сладострастие, властолюбие, себялюбие — это тройное зло до сих пор проклинали усерднее всего, и более всего на него клеветали; и вот хочу я сегодня по-человечески тщательно взвесить...

Сладострастие: это сладкий яд лишь для увядших, для тех же, у кого воля льва, это великое сердечное подкрепление, вино из всех вин, благоговейно сбереженное.

Сладострастие: это величайшее блаженство, символ высшего счастья и высшей надежды...
...многому, что еще более чуждо друг другу, чем мужчина женщине: а кто постиг до конца, насколько чужды друг другу мужчина и женщина?..

Властолюбие: огненный бич для самых суровых из всех жестокосердных; ужасная пытка, уготованная самому жестокому, мрачное пламя костров, на которых сжигают живьем...

Властолюбие: перед взором его человек пресмыкается и ползает, раболепствует и становится ниже змеи и свиньи, пока, наконец, не вырвется у него крик великого презрения...

Властолюбие: оно поднимается к чистым и одиноким, чтобы привлечь их, поднимается вверх к самодовлеющим вершинам, пылая, как любовь, заманчиво рисуя в небесах пурпурные блики блаженств.

Властолюбие: но кто сказал, что нездорова такая страсть, когда высокое стремится к власти над низшим! Поистине, нет ничего болезненного в таком желании, в таком снисхождении!

Чтобы одинокая вершина не оставалась вечно одна и довлела себе; чтобы гора снизошла к долине, а ветры вершин — к низинам.

О, кто найдет истинное имя, чтобы назвать и возвести в добродетель это стремление! "Дарящая добродетель" — так назвал некогда Заратустра то безымянное.

И тогда, случилось, — и поистине случилось впервые, — что слово его возвеличило себялюбие — бодрое, здоровое себялюбие, бьющее ключом из сильной души;

— из сильной души, соединенной с возвышенным телом, прекрасным, победоносным и крепким, рядом с которым каждая вещь становится зеркалом...

Прочь от себя гонит она все малодушное; она говорит: "Дурное — это трусливое!"...

Достойным презрения кажется ей всякий, кто постоянно заботится, вздыхает, жалуется и извлекает из всего малейшую выгоду...

Ненавистен и противен ей тот, кто никогда не защищается, кто проглатывает ядовитые плевки и злобные взгляды, кто слишком терпелив, кто все выносит и всем доволен: ибо это — характер раба.

Раболепствие ли это перед богами и следами от ног их или перед людьми с их глупыми мнениями, — на все рабское плюет оно, это великое себялюбие!..

Ведь именно эта лжемудрость почиталась за добродетель и называлась именем ее... "Отказаться от себя" — вот чего с полным основанием хотели все уставшие от жизни трусы!..

Ныне же приближается к ним день, когда все изменится: меч судьбы, Великий Полдень; и многое станет тогда явным!

И кто славит "Я" и освящает себялюбие, поистине, тот говорит вдохновенно, словно пророк: "Вот наступает он, Великий Полдень, вот он уже близок!"

...Так говорил Заратустра.

Все учителя до Заратустры и даже после него смотрели на вещи очень предубежденно. Они не допускали многомерности. Они навязывали определенное измерение и условность человеческого ума, чтобы смотреть на все лишь определенным образом. Огромный вклад Заратустры - в том, что он помогает человеку рассматривать вещи новыми способами — абсолютно по-новому, свежо и необычайно просветленно. Порой вы можете быть шокированы, поскольку он будет говорить против ваших предрассудков. Вы должны быть

достаточно мужественны, чтобы отложить все свои предубеждения.

Чтобы понять этого человека, с его великими озарениями, который смотрит на вещи вне соответствия с какой-либо предвзятой идеологией, но видит их такими, какие они есть, сами по себе... Он не навязывает им никакого значения; наоборот, он пытается выяснить: есть ли какой-либо смысл в них самих? Он очень объективен, очень реалистичен и абсолютно нормален. Он не одержим никакой идеей, и не хочет выдвигать никакой определенной философии или религии.

Его методы так различны. Он учит вас ясности видения. Он не учит вас, на что смотреть, он просто учит вас видеть ясно.

Ясность видения принесет вам истину. Он не собирается преподнести вам истину, как нечто готовое. Он не хочет, чтобы истина была так дешева. Дешевое не может быть настоящим. Истина требует, чтобы вы стали азартным игроком, чтобы вы могли рискнуть всем ради выигрыша. Истина не может быть вашей собственностью. Наоборот, вы только тогда можете иметь истину, когда готовы к тому, чтобы она владела вами.

То, что он собирается сказать в этот вечер, настолько противоречит всем религиям, всем, так называемым моральным правилам, что пока вы не уберете с дороги свой ум, вы не сможете услышать и понять его. Он рассыпает алмазы у вас на пути. Но вы можете оставаться слепыми; вы можете закрыть глаза, чтобы не тревожить свои предвзятые верования.

Он стремится растормошить вас — ведь пока вы не потревожены, вы не можете двигаться, не можете развиваться; в вас не может возникнуть нетерпение достичь далеких звезд; вас не будет сжигать страсть, стать сверхчеловеком. Вас нужно встряхнуть — и встряхнуть безжалостно. Только потом вы поймете: это было сострадание — истинное сострадание.

Поддерживать вас в вашей удобной лжи не есть любовь. Это дает вам хорошее самочувствие, но это очень деструктивно — это зло. Это уничтожает возможность вашего роста. А у Заратустры только одно-единственное учение: человек должен превзойти самого себя. Но зачем ему трансцендировать, если ему очень удобно? Этот комфорт нужно разрушить; нужно отнять у него удобства; нужно разбить его предрассудки; нужно сжечь все его религии, богов, философии; его нужно оставить абсолютно нагим, как новорожденного младенца.

Лишь отсюда, из этой невинности, из этой новизны, может родиться сверхчеловек — единственная надежда человечества, — родиться и заменить этот гнилой, отвратительный род человеческий. Поскольку мы живем здесь, мы привыкли к его гниению. Мы привыкли к его отвратительному запаху.

У Халиля Джебрана есть небольшая история. Одна женщина из деревни приехала в город продать рыбу. Она была женой рыбака. Продав рыбу, она встретила старую подругу. Они вместе учились в школе, но та была очень богата, и они не виделись много лет. Богатая женщина пригласила ее погостить хотя бы одну ночь. У нее был прекрасный дворец, красивый сад, и она была уверена, что подруге будет очень приятно.

Перед сном она принесла множество роз и положила их возле кровати своей гостьи. Но время шло, а бедная женщина никак не могла уснуть. Она все ворочалась с боку на бок, и от этого хозяйка тоже не спала. В конце концов, она спросила:

— В чем дело?

— Прости меня, — сказала ее подруга. — Пожалуйста, принеси мне одежду, в которой я привезла рыбу. Убери розы, чуть-чуть намочи мое платье и принеси его сюда. Если я буду чувствовать запах рыбы, я тут же засну. Эти розы не дают мне спать.

Розы унесли, а грязную, вонючую одежду сбрызнули водой; вся комната запахла рыбой. Женщина чрезвычайно обрадовалась и сказала:

— Теперь я буду спать прекрасно. Я привыкла к этому запаху. Розы мне не подходят.

Мы привыкли к этому человечеству — вот почему мы не видим, как оно отвратительно. Мы не видим его уродства; мы не видим, как оно завистливо; мы не видим, насколько оно лишено любви; мы не видим неразумия, глупости, посредственности. Слушая Заратустру, вы можете совершенно по-новому посмотреть на человечество.

Заратустра говорит: Хочу я возложить на весы из всех зол три самых худших и по-человечески верно взвесить их. Я хотел бы, чтобы вы запомнили это слово: по-человечески, ибо все, так называемые религиозные и духовные философии, оценивали вещи очень бесчеловечно. Поэтому я хочу, чтобы вы запомнили слово *человечно*.

Заратустра чрезвычайно любит человека. Он не враг; он друг. Он ненавидит существующее положение, ибо знает, что вы можете далеко пойти, вы можете достичь высоких пиков. Это не ваше назначение. Его ненависть к настоящему человечеству, вызвана глубокой любовью к вашему будущему, к далекой цели — сверхчеловеку. Он полностью против нечеловеческих ценностей. Все религии ждут от вас стремления к нечеловеческим ценностям.

Если вы посмотрите в писания всех религий, вы удивитесь: то, что они требуют от вас, настолько неестественное, что вы не можете выполнить это. Определенно, вы не понимаете цель того, что они требуют. Они также знают, что вы не можете выполнить условия, которые они вам предъявляют. Но тогда зачем ставить такие условия? Их скрытая цель — заставить вас чувствовать себя виноватыми. А единственный способ заставить вас чувствовать вину — это потребовать нечто неестественное, что вы не можете сделать, как бы ни старались. У вас ничего не получится.

Я слышал: Один человек покупал игрушки для своих детей. Продавец принес что-то и сказал:

— Вот последняя новинка. Это головоломка.

Покупатель был профессором математики, поэтому он очень заинтересовался. Он пытался собрать ее так и этак, он всячески старался, но ему никак это не удавалось. В конце концов, он сказал продавцу:

— Я профессор математики, и я не могу ее разгадать. Неужели можно ожидать от маленьких детей, что им это удастся?

Продавец засмеялся. Он сказал:

— Она сделана не для того, чтобы ее разгадали. Она представляет нынешнее положение человека. Что бы вы ни делали, совершенно неважно что — загадку нельзя разгадать. Это самое современное понимание человечества.

Религии всегда задавали вам головоломки, которые в основе своей, изначально, неразрешимы. Вся их цель — заставить вас почувствовать свою вину, неудачу, разочарование, несчастье, безуспешность, недостойнство. Они хотят уничтожить вашу гордость, достоинство, потому что чем сильнее разрушены ваши гордость и достоинство, тем больше вы будете похожи на верблюда — он опускается на колени и готов подставить спину. Вы поймете, что такова ваша судьба — быть верблюдом; вы не лев, и нет смысла притворяться львом.

Вы родились рабом — в этом стратегия всех религий, всех политических идеологий. Их единственное намерение — заставить каждого человека почувствовать, что он родился, чтобы быть рабом, поклоняться вымышленному Богу, стоять на коленях и молиться.

В тот момент, когда вы признаете себя виноватым, недостойным, вы теряете самоуважение; вы теряете любовь к себе. А если вы не можете любить себя, разве вы можете

ожидать, что кто-нибудь другой будет вас любить? Когда кто-то говорит вам: "Я люблю тебя", это почти всегда удар. Вы не можете в это поверить. Никто в это не верит по одной простой причине: "Я не могу любить себя, а этот несчастный говорит, что любит меня. Это означает только одно: он меня не знает! Как только он узнает меня, вся любовь исчезнет".

Любящие становятся великими, если они не могут соединиться при жизни, если общество, родители, религия или что-нибудь еще становится у них на пути и не позволяет им соединиться. Все великие любовные истории посвящены любящим, которые не могли соединиться. Меня всегда удивляло... странно: нет ни одной великой истории о любви людей, которые поженились. Все старые романы заканчиваются на том, что любящие женятся. В них говорится: "И они жили долго и счастливо". Но никаких подробностей не дается. Романы на этом кончаются.

Я совершенно уверен: если бы Лейла и Меджнун, Ширин и Фархад или Сони и Махивал — эти три пары великих любовников Востока — каким-нибудь чудом поженились, они бы наверняка, в конце концов, развелись. О них не сложили бы никаких великих историй.

Вся эта многовековая работа сводилась лишь к одному: заставить вас ненавидеть самого себя; не позволить вам принять себя. Конечно, они не говорят этого ясно. Они ходят извилистыми путями, но Заратустре совершенно ясно, каковы их пути и как они разрушают людей и уничтожают возможность превратить эту прекрасную планету в живой рай... не вымышленный, а реальный.

Чувственные удовольствия, жажда власти, эгоизм: это троякое зло до сих пор проклинали усерднее всего и более всего на него клеветали; и вот это зло хочу я сегодня по-человечески тщательно взвесить.

Он никогда не забывает: не старайтесь соответствовать нечеловеческим стандартам, которые могут лишь искалечить вас, которые подрежут вам крылья, которые лишь ввергнут вас в такое глубокое психологическое рабство, что будет очень трудно из него выбраться — ведь к нему привязываются; оно кажется безопаснее; оно кажется более удобным; оно кажется более приемлемым для общества.

Чем больше человек пытается упражняться в нечеловеческих ценностях, тем скорее, естественно, он станет просто лицемером. Но общество будет почитать его как святого — по той простой причине, что они так не могут. Они пытались, но это, должно быть, великий человек: он делает это. Скорее всего, его личность раздвоена. У него два лица: одно — чтобы показывать миру, другое — для себя, с которым он живет тайно. Жизнь уходит в подполье. На поверхности он притворяется, что выполняет все эти условия, которые по-человечески невозможны.

Первое — это чувственные удовольствия, безусловно, осуждаемые всеми религиями. Но если вы по-человечески посмотрите на чувственные удовольствия... Запомните несколько вещей. Первое: если вы отрекаетесь от чувственных удовольствий, как требуют от вас все ваши так называемые святые и священники, вы будете становиться все более и более бесчувственными. Именно чувственные удовольствия сохраняют ваши чувства живыми, трепетными, танцующими. Именно чувственные удовольствия держат вашу чувствительность на максимальном уровне. Если вы отрекаетесь от чувственных удовольствий, вы отрекаетесь от способности чувствовать. Вы увидите розу, но не увидите ее красоты. Вы увидите полную луну в ночном небе, но не почувствуете ее красоты — ибо для того, чтобы видеть красоту, нужно уметь чувствовать.

Если вы не можете увидеть красоту женщины, как сможете вы увидеть красоту звездной ночи? Как вы сможете увидеть красоту в цветах? Если вы бесчувственны, вы не сможете испытать радость музыки, экстатическое удовольствие от живописи, скульптуры,

поэзии.

Вы станете абсолютно глухи и слепы ко всему великому, ко всему гениальному. Ваша чувствительность постепенно умирает, А если все ваши чувства умерли, тогда вы — просто труп. В чем разница между трупом и живым человеком?

Живой человек чувствует. Все его чувства работают в полную силу. Он может слышать тончайшие музыкальные звуки и видит глубочайшую красоту искусства; он способен почувствовать радость великой поэзии. Но это возможно лишь в том случае, если он позволяет себе чувственные удовольствия — без всякого сдерживания, без всяких предрассудков.

Заратустра говорит: первое — сладострастие: это сладкий яд лишь для увядших, для тех же, у кого воля льва, это великое сердечное подкрепление, вино из всех вин, благоговейно сбереженное.

Определенно, Заратустра совершенно ни с кем несравним. Когда дело доходит до истины, он просто высказывает ее, нисколько не беспокоясь о том, будет его кто-нибудь слушать или нет. Это может противоречить всему миру, но он будет стоять на своем, он останется, верен истине.

Он говорит: чувственные удовольствия — это ...сладкий яд лишь для увядших... только для слабых. Но слабые всегда указывали сильным. Слабоумные определяют образ жизни для умных. Толпа создает религии, согласно которым положено жить, заповеди, которым нужно следовать. Все эти морали, этические нормы создаются увядшими и слабыми, недоразвитыми и глупыми людьми.

Они прекрасно подходят этим людям, но они совершенно забыли о том, что не все люди — овцы, что есть еще и львы. А льва нельзя заставить быть овцой. Можно посадить льва в клетку, можно лишить его свободы. Именно это и чувствуют все люди сильной воли в мире: они в тюрьме — в неволе у маленьких, в неволе у слабых, в неволе у толпы. Конечно, овец большинство.

И только благодаря своей многочисленности они всегда определяли образ жизни, который, быть может, и подходил для них, но был только тюрьмой и смертью для достаточно сильных. Нужно четко различать: нечто может быть для одного ядом, а для другого — лекарством. Все зависит от того, кому его дали.

...Сладкий яд лишь для увядших, для тех же, у кого воля льва, это великое сердечное подкрепление, вино из всех вин, благоговейно сбереженное. Заратустра говорит нечто необычайно важное и значительное: благоговейно сбереженное. Он превращает чувственные удовольствия в нечто священное. Если это разрушает вас, то дело не в чувственных удовольствиях, а в вашей слабости. Будьте сильны! Но ваши так называемые религиозные лидеры всегда твердили вам прямо противоположное: отрекитесь от чувственных удовольствий и оставайтесь слабыми. И чем больше вы от них отрекаетесь, тем слабее вы станете, потому что вы потеряете всякую возможность восстанавливаться, всякую возможность омолодиться. Вы утратите связь с существованием — поскольку вы связаны с существованием именно через чувства. Если вы перекроете свои чувства, вы уже вырыли себе могилу.

Заратустра скажет как раз наоборот. Если чувственные удовольствия разрушают вас, это значит, что вам нужно стать сильнее. Необходимо дать вам практику, чтобы вы могли стать сильнее. Не нужно отказываться от чувственных удовольствий; нужно отречься от слабости. И каждого человека нужно сделать настолько сильным, чтобы он мог наслаждаться "вином из всех вин", не разрушаясь, но, наоборот, становясь сильнее, моложе, свежее.

Чувственность так решительно осуждалась, что это сделало всех людей в мире крайне слабыми, бесчувственными, оторванными от жизни. Большинство ваших корней обрезали; вам оставили только несколько корешков, чтобы вы могли как-то просуществовать под названием жизни.

Сладострастие: это величайшее блаженство, символ высшего счастья и высшей надежды. Чувственные удовольствия нужно понимать как знак того, что возможно еще более великое счастье. Все зависит от вашего искусства. Все зависит от того, как вы используете свою жизненную энергию. Все зависит от того, остановитесь ли вы на чувственных удовольствиях. Чувственное удовольствие — всего лишь стрела, указующая, что существуют более высокие наслаждения, высшее счастье, величайшая наполненность.

Но если вы отрекаетесь от чувственных удовольствий... Это как если бы вы увидели на придорожном столбе стрелку, указывающую, что здесь нет остановки — проезжайте дальше! Отвергающие говорят: "Сотрите эту стрелку. Отрекитесь от этого столба". Но тогда кто укажет вам, что у вас впереди еще долгий путь?

Пока вы не достигнете величайшей радости жизни... Чувственные удовольствия — только начало, не конец. Но если вы отвергнете начало, вы отвергли конец. Это простая логика, но порой самое очевидное забывается легче всего. Все религии учили вас: "Только если вы откажетесь от чувственных удовольствий, вы сможете обрести духовное блаженство". Это абсурдно и нелогично.

Чувственное удовольствие будет путеводной нитью на пути к духовному блаженству. Вы уничтожаете саму эту нить. Вы никогда не достигнете высшего состояния — вы убрали лестницу. Эта лестница — нечто, что нужно трансцендировать, но не отвергать! Помните о разнице между трансценденцией и отречением.

Заратустра скажет: "Трансцендируйте, но никогда не отвергайте, ибо если вы отрекаетесь, то нечего трансцендировать". Наслаждайтесь чувственными удовольствиями во всем их разнообразии и как можно интенсивнее. Исчерпайте их до дна, чтобы неожиданно осознать: "С миром чувственных удовольствий покончено, и я должен идти дальше, за его пределы". Но чувственные удовольствия показали вам путь. Вы должны быть им благодарны; вы не должны быть против них. Они ничего не отняли у вас; они только давали вам.

Сладострастие: это величайшее блаженство, символ высшего счастья и высшей надежды. Многому, что еще более чуждо друг другу, чем мужчина женщине...

Чувственное удовольствие — мост между мужчиной и женщиной. А они, несомненно, чужды друг другу.

В этом нет никакой беды. Чем больше расстояние между мужчиной и женщиной, тем сильнее притяжение. Чем они различнее, тем больше их тянет друг к другу. Чем более они чужды друг другу, тем глубже стремление понять друг друга.

Если я выступал против всякого рода сексуальных извращений, в частности, если я был против гомосексуализма, то основная причина была духовного свойства — потому что, когда мужчина любит другого мужчину или женщина любит другую женщину, между ними нет никакого магнетического притяжения; в них нет никакого напряжения.

Они так похожи, почти одинаковы. Не будет никакого интереса; не будет никакого исследования. Они не поймут больше, чем уже знают, потому что они знают себя — что еще может быть в другом человеке?

Гомосексуализм абсолютно недуховен, ибо он не может обострить вашу чувственность. И он не может сделать ваши чувственные удовольствия индикатором высшего счастья. Гомосексуализм — ловушка. Это не путешествие. Вы никуда не движетесь.

Встреча мужчины и женщины — это путешествие; это исследование. Это попытка

понять полярно противоположное. Это постижение диалектики жизни. Это великий урок. И без этого урока вы не сможете подняться выше ни в осознании, ни в счастье, ни в духовности.

Но человек пал так низко. Заратустра был пророком - приближаются дни, когда человек станет так ничтожен, что будет недостоин даже называться человеком. Кажется, эти дни пришли.

Одной из причин, по которой парламент Голландии решил запретить мне въезд в эту страну, было то, что я выступал против гомосексуализма. Даже я не мог в это поверить: неужели религия Голландии — гомосексуализм? Однако определенно создается впечатление, что все члены голландского парламента, весь кабинет министров и сам премьер-министр — гомосексуальны, ведь ни один человек не встал, чтобы сказать: "Это унижение для всей нации. Что вы имеете в виду - что если человек выступает против гомосексуализма, то это преступление? Разве вы — нация гомосексуалистов? Разве он против вашей нации?"

Услышав это, я немедленно сообщил своим людям: "Скажите парламенту, что Голландию надо переименовать: она должна называться Гомосексландией — это более подходящее название". Но человек пал очень низко. И причина этого — ваши святые, поскольку они учили вас сохранять целибат, который противен природе. Именно целибат — причина гомосексуализма.

А теперь один американский епископ выступил с открытым заявлением — и ни Папа, ни какая-нибудь другая христианская ассоциация или христианская церковь не опровергли его — он открыто сказал, что целибат не распространяется на гомосексуалистов. Вы можете быть целибатом и гомосексуалистом. Целибат просто означает, что вы не можете быть гетеросексуальны. Это только запрет мужчинам встречаться с женщинами; он не запрещается мужчине заниматься любовью с другим мужчиной или женщине — с другой женщиной. Он не против лесбиянства или гомосексуализма.

И Папа молчит! И его молчание о многом говорит: ведь ему прекрасно известно, что больше пятидесяти процентов его епископов, архиепископов, кардиналов, священников - гомосексуалисты.

Гомосексуализм родился в монастырях — христианских, буддийских, джайнских. Там, где так много монахов-целибатов вынуждены жить вместе, единственный секс... Природа отыскивает какой-нибудь путь, каким бы извращенным он ни оказался. Эти люди, которые боролись против чувственных удовольствий, самыми тонкими способами разрушили человека и создали извращенное человечество. И до сих пор они — наши лидеры. До сих пор они — наши проводники к духовности.

А кто постиг до конца, насколько чужды друг другу мужчина и женщина?

Только человек с глубоким сексуальным опытом может понять огромную разницу и уникальность мужчины и женщины. Дело не в равенстве или неравенстве; это просто уникальные сущности. И между ними возможна лишь дружба.

Вся эта бессмыслица брака придает мужчине важность. Женщина становится просто тенью. Почему после свадьбы женщина должна принимать фамилию мужа? Таковы тонкие способы заставить ее уяснить, что теперь она на втором месте. У нее больше нет своего "я"; теперь муж — ее "я". Естественно, никакой брак не может быть мирным. Там, где есть попытка господства, будут конфликт и борьба. Все браки создают только ад.

Властолюбие - огненный бич для самых суровых из всех жестокосердных, ужасная пытка, уготованная самому жестокому, мрачное пламя костров, на которых сжигают живьем.

Властолюбие - перед взором его человек пресмыкается и ползает, раболепствует и становится ниже змеи и свиньи, пока, наконец, не вырвется у него крик великого презрения.

Властолюбие - оно поднимается к чистым и одиноким, чтобы привлечь их, поднимается

вверх к самодовлеющим вершинам, пылая, как любовь, заманчиво рисуя в небесах пурпурные блики блаженств.

Властолюбие: но кто сказал, что нездорова такая страсть, когда высокое стремится к власти над низшим! Поистине, нет ничего болезненного в таком желании, в таком снисхождении!

Нужно смотреть на явление в целом. Жажда власти создала рабство, разными путями разрушая человечество. Жажда власти горит в каждом сердце. Заратустра не за этот вид властолюбия — оно разрушительно и безобразно.

Но возможен также творческий путь, и этот творческий подход он называет волей к власти, а не жаждой власти. Воля к власти — совершенно другое явление, но религии не делают никакого различия. Для них все исчерпывается жаждой власти — в ней нет ничего ценного. Но Заратустра чувствует: во властолюбии скрыт такой потенциал, что, оно может стать величайшей творческой силой в мире. Но оно не должно быть жаждой. И его даже нельзя назвать жаждой.

Властолюбие, но кто сказал, что нездорова такая страсть, когда высокое стремится к власти над низшим! Поистине, нет ничего болезненного в таком желании, в таком снисхождении! *Воля к власти совершает великую перемену. Воля к власти не означает власть над другими. Жажда власти означает власть над другими. Воля к власти означает все лучше и лучше властвовать собой, становиться все больше и больше сияющим, сильным, собранным, все больше становиться львом, индивидуальностью.*

Воля к власти не имеет никакого отношения к другим. Это ваша личная тренировка восхождения к вершинам. Это ваше личное упражнение, чтобы достичь высочайшего пика собственного существования. Это никого не разрушает; наоборот, это может вдохновить других. Это должно вдохновлять других. Это может быть великим вызовом: если один человек, когда-то живший среди вас, теперь находится на высочайшем пике сознательности, это может создать стремление, страстное желание, побуждение — которое спит в вас, которое бездействует внутри вас: вы тоже можете быть высоким пиком, это под силу также и вам.

Воля к власти — это просто желание быть самим собой: это воля к свободе, воля к творчеству, желание обрести бессмертие, желание прокричать на весь мир: "Я был всегда, я буду всегда!" Это воля к вечности.

Но религии взяли только негативную сторону, они никогда не говорят о позитивной. И вместе с негативной стороной они предали осуждению также и позитивную. Они обманывали человечество; они никогда не различали, что во всем есть свое положительное и отрицательное. Они осуждали отрицательное, и это было правильно, но они никогда не одобряли положительного, и в этом их хитрость.

Чтобы одинокая вершина не оставалась вечно одна и довлела себе; чтобы гора снизошла к долине, а ветры вершин — к низинам.

О, кто найдет истинное имя, чтобы назвать и возвести в добродетель это стремление! "Дарящая добродетель" — так назвал некогда Заратустра то безымянное.

И тогда случилось, — и поистине случилось впервые, — что слово его возвеличило себялюбие — бодрое, здоровое себялюбие, бьющее ключом из сильной души;

— из сильной души, соединенной с возвышенным телом, прекрасным, победоносным и крепким, рядом с которым каждая вещь становится зеркалом.

Прочь от себя гонит она все малодушное; она говорит: "Дурное — это трусливое!"

Согласно Заратустре, единственное зло — это трусость, и единственное добро — это смелость. Из смелости рождаются все добродетели, а из трусости рождаются все грехи, все преступления.

Достоинством презрения кажется ей всякий, кто постоянно заботится, вздыхает, жалуется и

извлекает из всего малейшую выгоду.

Ненавистен и противен ей тот, кто никогда не защищается, кто проглатывает ядовитые плевки и злобные взгляды, кто слишком терпелив, кто все выносит и всем доволен: ибо это - характер раба.

Раболепствие ли это перед богами и следами от ног их, или перед людьми с их глупыми мнениями, — на все рабское плюет оно, это великое себялюбие!

Ведь именно эта лжемудрость почиталась за добродетель и называлась именем ее. "Отказаться от себя" — вот чего с полным основанием хотели все уставшие от жизни трусы!

Заратустра говорит, что эгоизм — это просто природа вещей. Но трусы хотят сделать из неэгоистичности, бескорыстия добродетель, поскольку в бескорыстии трусливые будут победителями.

В Индии вы повсюду найдете нищих. И каждый нищий говорит: "Дай мне что-нибудь. Подавать нищим — добродетель, и ты получишь за это великую награду". Но ведь само существование нищих должно доказывать, что общество больно, что общество ненормально; что оно постоянно плодит детей, которых не может прокормить; что абсолютно нелогично, когда одна часть общества забирает все деньги страны, а миллионам людей остается голодать.

Вы удивитесь, если узнаете, что половина всего национального достояния Индии находится в Бомбее — одном городе. А страна в девятьсот миллионов человек живет в крайней нищете, недоедая; если удастся поесть хотя бы один раз в день, это большое счастье. Миллионы людей питаются одними корнями деревьев. Они живут на одних корешках; плоды они не могут купить. К концу века около полумиллиарда человек умрет от истощения только в этой стране. Я не говорю обо всем мире — потому что это может произойти почти повсеместно.

Добродетель должна быть разумной, добродетель должна быть логичной, добродетель должна иметь причину. А подаяние нищим упрочивает нищету. Эти нищие плодят новых; эти нищие пожениятся; у этих нищих рождаются дети - потому что иметь детей экономически выгодно: дети начинают попрошайничать. Чем больше у вас детей, тем лучше идет дело.

Заратустра говорит: "Эгоизм, себялюбие — единственная добродетель; бескорыстие всегда было желанием трусов" - что им должны помогать, что кто-то должен защищать их, что кто-то должен обеспечивать их пищей, что кто-то должен ухаживать за их болячками, что кто-то другой отвечает, если они больны, если они голодны, за их истощение. Никто за это не отвечает.

Нормальное общество будет защищать себя от всех людей, которые нуждаются в бескорыстной помощи.

Мы можем устроить здоровое общество; мы можем построить богатое общество, разумно богатое, разумно здоровое. Но это возможно лишь тогда, когда каждый берет ответственность на свои плечи.

Вот что он имеет в виду под эгоизмом.

И если вы имеете слишком много, если вы делитесь — это должно быть вашей радостью, а не долгом. Это должно был, для вас радостью, а не добродетелью.

Ныне же приближается к ним день, когда все изменится: меч судьбы, Великий Полдень; и многое станет тогда явным!

И кто славит "Я" и освящает себялюбие, поистине, тот говорит вдохновенно, словно пророк: "Вот наступает он, Великий Полдень, вот он уже близок!"

Заратустра называет "великим полднем" величайший момент в жизни человечества — когда эгоизм будет просто здоровым, когда все прежде осуждаемое будет отброшено и все

естественное, человеческое будет объявлено нашей религией, нашей духовностью. Сама природа — наша религия, и никакая другая религия не нужна.

"Вот наступает он, Великий Полдень, вот он уже близок!"

...Так говорил Заратустра.

О ДУХЕ ТЯЖЕСТИ часть 1

15 апреля 1987 года

Возлюбленный Ошо,

О ДУХЕ ТЯЖЕСТИ, часть 1

...Враждебен я Духу Тяжести; ...поистине, смертельна, непримирима, исконна вражда моя!..

Я могу теперь спеть об этом, и хочу петь: хотя один я в пустом доме, и придется петь песню для собственных ушей.

Есть, конечно, другие певцы, у кого в полном доме голос делается мягким, жест — выразительным, взор — красноречивым, сердце — бодрым: но я не похож на них.

Тот, кто научит людей летать, сдвинет все пограничные камни; сами эти камни заставит он воспарить, и новым именем назовет землю — именем "легкая".

Страус бежит быстрее самой резвой лошади, но в тяжелую землю еще прячет он голову свою: так и человек, который не умеет еще летать.

Тяжелыми называет он землю и жизнь; ибо так хочет Дух Тяжести! Но тот, кто жаждет стать легким, стать птицей, тот должен любить самого себя: так учу я.

Конечно, любить не любовью больных и немощных...

Так учу я: надо учиться любить себя — любовью здоровой и святой, чтобы оставаться верным себе и не терять себя.

Такая потеря назвала себя "любовью к ближнему"; с помощью этого слова до сих пор лгали и лицемерили больше всего, и особенно те, кого с трудом выносил весь мир.

И поистине, это вовсе не заповедь на сегодня и на завтра — учиться любить себя. Напротив, из всех искусств это самое тонкое, самое мудреное, самое высшее и требующее наибольшего терпения...

Едва ли не с колыбели дают нам в наследие тяжелые слова и ценности: "добро" и "зло" — так называют наследие это.

И во имя их прощают нам жизнь нашу.

И потому допускают детей до себя, чтобы вовремя не дать им полюбить самих себя: таково действие Духа Тяжести.

И мы — мы доверчиво тащим то, что взваливают на нас, тащим на огрубевших плечах по суровым горам! И когда мы обливаемся потом, нам говорят: "Да, жизнь трудно сносить!"

Но только человеку трудно нести и выносить себя! И все потому, что тащит он на плечах своих слишком много ненужного. Подобно верблюду, становится он на колени и дает, как следует навьючить себя...

...Так говорил Заратустра.

Всякий, кто хочет, чтобы человек поднялся на высоту звезд, не может не быть врагом Духа Тяжести. Тяжесть — не только физическое явление; у него есть параллель и в духовной жизни. Подобно тому, как земля притягивает вниз все предметы, и мы называем это силой тяжести, нечто в человеке также тянет его вниз, и это нечто Заратустра называет Духом Тяжести.

Почему человек остается пигмеем, в то время как потенциально он — великан? Почему

человек остается маленьким кустиком, в то время как может стать кедром ливанским, достигающим до небес, уходящим на простор и свободу? Почему человек цепляется за самое низкое вместо того, чтобы освободиться от всего, что делает его посредственным, уродливым, насильственным, завистливым? Почему он не может вырасти до высот любви, сознательности, блаженства и осыпать все вокруг цветами благословения? Должно быть, существует нечто, что тянет его вниз и не позволяет подниматься.

Заратустра называет это очень точно: Дух Тяжести. И нужно быть очень осознающим, чтобы избежать этой гравитации. Это притяжение действует на человека, только если он бессознателен; чем более он бессознателен, тем сильнее хватка тяжести. Чем он сознательнее, тем более он свободен, подняться над собой. А пока человек не поднимется над собой, дальнейшая эволюция невозможна.

Тысячи лет человек оставался бесплодным. Все другие животные другие виды, более высшие. Человек постоянно воспроизводит самого себя; от него не родилось ничего сверхчеловеческого.

Единственная, исключительная забота Заратустры - рождение сверхчеловека. Он пытается приблизиться к нему со всех направлений, устранить все препятствия, все помехи и бросить вам любой вызов, как угодно разбудить вас, чтобы вы не успокаивались самодовольно такими, какие вы есть. И чтобы в вас родилось огромное неудовлетворение и страстное желание, которое уводит вас за пределы самих себя, которое дает вам крылья и открывает вам небеса, которое позволяет вам стать гражданином бесконечности и вечности. Вот что он имеет в виду под сверхчеловеком.

Заратустра говорит: Враждебен я Духу Тяжести, поистине, смертельна, непримирима, исконно вражда моя! — все мистики таковы. Мистицизм можно определить как борьбу против Духа Тяжести.

Я могу теперь спеть об этом, и хочу петь: хотя один я в пустом доме, и придется петь песню для собственных ушей.

Есть, конечно, другие певцы, у кого только в полном доме голос делается мягким, жест — выразительным, взор — красноречивым, сердце — бодрим: но я не похож на них.

Тот, кто научит людей летать, сдвинет все пограничные камни; сами эти камни заставит он воспарить, и новым именем назовет землю — именем "легкая".

Для начала нужно составить некоторое представление о том, из чего складывается в вас Дух Тяжести.

Любая собственность делает вас тяжелым, не позволяет летать; она отнимает у вас крылья. Я не против пользования вещами. Пользуйтесь, сколько хотите, но не обладайте вещами, потому что в тот момент, когда вы начинаете владеть чем-либо, вы, не зная этого сами, становитесь собственностью этих вещей. Человек, который желает только денег, вскоре обнаруживает, что стал пленником своего собственного состояния. Он по привычке считает себя собственником, но, в конце концов, обнаруживает, что он — собственность.

Есть одна суфийская история. В маленькой хижине, совсем крохотной, жил один суфийский мистик со своей женой. Среди ночи — шел дождь, было это в темном лесу, диком и опасном — кто-то постучал в дверь. Жена была у двери, она спала. В хижине было не так уж много места, его едва хватало для двоих.

Муж сказал:

— Открой дверь. Ночь темна, в лесу полно диких зверей. Кто-то сбился с пути. Ему нужно убежище. Жена рассердилась. Она ответила:

— Но в нашей хижине нет места! Мы с тобой здесь едва помещаемся!

Мистик засмеялся и сказал:

— Это не королевский дворец, — каким бы большим он ни был, дворец всегда меньше хижины бедного мистика. Двое могут спать, а трое прекрасно усядутся. Мы будем сидеть, разговаривать, рассказывать истории и петь. Ночь так прекрасна и тиха; и даже в дожде есть своя музыка. Открой дверь!

Жена открыла. Насквозь промокший человек вошел и сказал:

— Мне неловко беспокоить вас. Я заблудился, и нигде не видно никакого света, кроме огонька в вашей хижине. Я понимаю, что она слишком мала, но у меня не было другого выхода. Снаружи очень опасно. Лес полон диких зверей.

Мистик сказал:

— Ничего страшного; здесь достаточно места. Двое могут спать, трое могут сидеть. Мы редко выходим и не слишком много знаем о мире. Мы рады вам. Вы расскажете нам то многое, что знаете о мире, а мы будем слушать. Мы умеем петь песни — мы подарим их вам, и ночь пролетит быстро; почти полночи уже прошло. Пожалуйста, закрывайте дверь и будьте как дома; не волнуйтесь о том, что причиняете нам неудобства. Вы удостоили нас большой чести; вы дали нам возможность принять гостя; вы сделали нас богаче. Мы очень бедны — гости никогда не стучат в нашу дверь. Наши сердца взволнованы.

Человек сел. Мистик запел песню; она была так прекрасна и так созвучна дождю, так гармонировала звучащей тишине леса. И тут еще кто-то постучал в дверь. Мистик сказал гостю:

— Вы сидите у двери, откройте, пожалуйста. Кому-то нужен приют; ночь опасна.

Но человек, который сам всего несколько минут назад просил убежища, рассердился. Он сказал:

— Что вы хотите сказать? Здесь нет места. Мистик ответил:

— Это не королевский дворец, в котором всегда недостает места. Это маленькая хижина бедного мистика. Мы сидим; трое могут сидеть свободно. Четверым придется сесть потеснее, поближе друг к другу. И это настоящая радость — чувствовать тепло и любовь другого человека: ведь ночь холодна. Это желанный гость. Откройте же дверь! Помните, несколько минут назад вы сами были в таком же положении.

Первый гость нехотя открыл дверь. Второй человек тоже потерял дорогу в лесу; он сказал:

— Простите меня, я ничего не мог поделать; иначе я не постучался бы к вам. Я видел, что места очень мало, и здесь уже сидят трое.

Мистик ответил:

— Ничего особенного. Мы сядем чуть поближе. Между троими оставались промежутки; между четверыми их не будет. Чувствовать любовь друг друга, чувствовать тепло друг друга, чувствовать жизнь друг друга — такая радость! Мы вам рады. Закрывайте дверь и садитесь.

Теперь хижина была полностью занята. Мистик запел другую песню, и когда он кончил, в дверь снова постучали, и этот стук был совершенно не похож на обычный. Все вздрогнули. Они знали, что мистик впустит любого, кто стучит в его дверь. Мистик сказал:

— Откройте дверь. Это один из моих друзей — осел, живущий поблизости, дикий осел.

Оба гостя и жена были в гневе; они закричали:

— Ну, это уж слишком! Это невыносимо. Здесь нет места даже для того, чтобы сидеть удобно, а ты хочешь пустить еще и осла?

Мистик сказал:

— Сколько раз я должен вам повторять, что это — хижина бедного мистика? Здесь всегда есть место, нужно только поискать. Мы сидели; теперь мы будем стоять. Да и ночь уже почти на исходе. Скоро рассвет. Откройте дверь и впустите гостя — неважно, человек

это или осел. По-моему, нужно приветствовать любого, кто нуждается в приюте. И вы прекрасно знаете: несколько минут назад вы были в таком же положении.

С большой неохотой второй гость открыл дверь. Вошел осел, с которого стекали потоки воды, и мистик сказал:

— Бедный ослик, ему нужна наша помощь. Давайте пропустим его в середину, а сами встанем вокруг. Он немного согреется. Вы, наверное, не знаете, что он любит мои песни. Я спою особую песню в его честь. Закройте дверь.

Все были в замешательстве. Он запел песню, и осел слушал очень внимательно.

А утром... они разошлись. Когда они собирались уходить и благодарили хозяина за гостеприимство, он сказал:

— Дело не в этом — вы оказали мне честь. Вы заставили меня почувствовать себя хозяином дворца. Простите же меня: я не мог предоставить вам достаточно места, ведь одновременно пришло так много гостей. Но всегда помните: пространство — вопрос вашего духа. Дело не в физическом пространстве; это вопрос духовной вместимости.

Этот мистик неподвластен закону притяжения, который тянет людей вниз. Его отношение к проблеме показывает, что у него есть крылья. Дух Тяжести не может вмешаться в его жизнь.

Всякий раз, когда вы чувствуете, что делаете нечто вредное, когда вы делаете что-то только из лицемерия, когда вы делаете что-то такое, что есть лишь игра, притворство, неподлинное, неискреннее, когда вы не правдивы, — вы падаете вниз, вы теряете высоту. Когда вы чувствуете ревность, когда вас наполняет ненависть, насильственность, гнев, ярость, вы можете даже почувствовать это — вы становитесь тяжелыми. Ревность делает вас тяжелыми, гнев делает вас тяжелыми, эгоистические претензии делают вас тяжелыми.

Это можно почувствовать и почти точно разделить — что делает вас тяжелыми и что делает вас легкими. Любовь делает вас легче, доброта делает вас легче, сострадание делает вас легче, безмолвие делает вас легче, радость делает вас легче. Все, что делает вас легкими и невесомыми, помогает вам освободиться от плена.

Но человек настолько слеп, что порой ведет себя невообразимо. Я слышал: двое мужчин ехали работать на далекую Аляску. Вот и последняя деревня; вполне возможно, что дальше им не встретится ни один человек. Они покупали все, что им может потребоваться на три-четыре месяца работы на Аляске. Это были неординарные люди: оба — ученые-исследователи, они отправлялись в научную экспедицию.

Хозяин маленькой лавки, где они покупали все необходимое, предложил им:

— Может быть, вы думаете, что не мое дело — советовать вам, но я знаю Аляску; мне известно, что вы не встретите там ни одной живой души. Это последний населенный пункт. Вы отправляетесь в глубокое безлюдье. Очень возможно, что вы начнете скучать по своим женам, но вы не сможете найти там женщин. Как раз для людей, которые отправляются на работу в безлюдные места, у меня есть резиновая женщина, надувная. Это произведение искусства. Вам нужно только надуть ее; насос прилагается. Вы будете приятно удивлены: вы никогда не видели такой красивой женщины, с таким прекрасным пропорциональным телом. Один мужчина заявил:

— Все это ерунда. Не слушай этого человека — это просто глупо.

Но второй ученый заинтересовался. Он сказал:

— Я куплю ее, — и добавил своему другу: — запомни, это моя женщина, и я не потерплю, чтобы кто-нибудь увивался вокруг моей женщины.

Первый ученый сказал:

— Никогда не думал, что ты так глуп. Это же просто резиновый мешок. Но тот

ответил:

— Хочу предупредить тебя заранее. Я не буду смотреть спокойно, если ты попытаешься завести какие-нибудь отношения с моей женщиной.

— И не подумай... — сказал его приятель.

Но это трудно себе представить: жить четыре месяца одному... Да еще когда тебе каждый день говорят об этой женщине: "Она такая миленькая, такая хорошенькая. Знаешь, я даже боюсь, что не смогу любить настоящую женщину. Ни одна настоящая женщина не может быть так красива и послушна".

Мало-помалу другой ученый тоже стал чувствовать, что ему нужна женщина. Однажды, когда друга не было дома, он решил воспользоваться случаем. Он надул резиновую женщину и воскликнул:

— Боже мой! Она гораздо красивее любой Софи Лорен!

Он не смог устоять и занялся любовью с этим резиновым мешком. И на этом дело не кончилось: играя с ее резиновой грудью, он прокусил ее, и женщина улетела в окно! Воздух вышел так неожиданно, что она вылетела в форточку. И как раз в этот момент вернулся его друг. Он сказал:

— Ну, все. Я предупредил тебя, но ты не слушал. — И он застрелил предателя.

Через четыре месяца он вернулся в деревушку, чтобы купить кое-что. Продавец спросил:

— Как вам нравится женщина? Да, я что-то не вижу вашего друга.

Ученый ответил:

— Не говорите мне о нем. Он мне не друг. Мне пришлось пристрелить его.

— Пристрелить? За что?

— Он заигрывал с моей женщиной. Я за нее заплатил. Мало того, он испортил мою женщину, и я пришел за новой.

Продавец не мог поверить, что ревность может быть так тяжела — и по такому банальному поводу.

Но ревность держит вас внизу. Гнев делает вас тяжелыми. Конкуренция, жажда собственности сделали вас пигмеями; иначе вы тоже были бы великанами, подобно Заратустре или Гаутаме Будде.

Заратустра говорит: Враждебен я Духу Тяжести. Вместо того чтобы перечислять все, что делает вас тяжелыми, он просто пользуется словами Дух Тяжести. В них содержится все, что отягощает вас.

...Поистине, смертельна, непримирима, исконно вражда моя!

Я могу теперь спеть об этом, и хочу петь: хотя один я в пустом доме, и придется петь песню для собственных ушей.

Есть, конечно, другие певцы, у кого только в полном доме голос делается мягким, жест — выразительным, взор — красноречивым, сердце — бодрым: но я не похож на них.

Эти певцы — не настоящие. Песня приходит не спонтанно. Их песня — товар. Им нужна публика — покупатели; они не могут петь в одиночестве. Они не могут быть цветами, что цветут в одиночестве глухого леса, куда никто не заходит. Но цветок цветет всеми своими красками и отдает ветрам свое благоухание — не заботясь о том, достигнет ли оно чьих-нибудь ноздрей, увидят ли чьи-нибудь глаза его прекрасные краски. Это внутренний рост. Он не будет ждать прохожих, толпы, которая станет оценивать и аплодировать.

Заратустра говорит: "Есть другие певцы, очень искусные, очень красноречивые, но они будут петь только при полном зале; я не из них. Песня — моя душа. Она не продается; это не товар. Я пою ее не для того, чтобы развлечь кого-нибудь, я пою ее из чистой радости. Для меня радость — петь. Совершенно безразлично, похвалит ее кто-нибудь или осудит".

Тот, кто научит людей летать, сдвинет все пограничные камни — моя песня абсолютно свободна, она посвящена свободному духу человека; она хочет сдвинуть все пограничные камни — сами эти камни заставит он воспарить, и новым именем назовет землю — именем "легкая".
Моя песня не принадлежит Духу Тяжести; моя песня — начало вознесенного существования.

Страус бежит быстрее самой резвой лошади, но в тяжелую землю еще прячет он голову свою: так и человек, который не умеет еще летать. Большинство людей тысячи лет ведет себя подобно страусам. Их логика одинакова: выкопайте яму в песке и суньте в нее голову. Это помогает страусу. Это называется "страусиной логикой". Это помогает ему не видеть врага; а если он не видит врага, он делает вывод, что его нет. Он может бежать быстрее любой лошади, но становится жертвой своей идиотской логики — его может убить любой.

Как только он видит приближающегося врага, он тут же закрывает глаза и засовывает голову поглубже в песок. И тогда он совершенно спокоен: он не видит врага, значит, его нет. Но на самом деле он становится более уязвимым. Если бы он не закрывал глаза, он мог бы убежать, он мог бы драться, он мог бы спастись.

Заратустра говорит: "Человек, который еще не может летать, в точности как страус. Он способен летать, но вырыл в земле глубокую нору; он привязан к земле. Он боится потерять свою собственность, он боится потерять толпу, боится потерять свою семью, боится тысячи и одной вещи. Из-за своего страха, абсолютно необоснованного — это всего лишь проекции ума — он стоит на месте; он не движется. Он не пускается в странствие по неведомым землям, он не начинает восхождение к неведомым вершинам.

Это самое главное: быть странником, как чужой в чужих землях, и быть альпинистом, восходящим к вершинам. Это первые упражнения для полетов в небо. Просто так не взлетишь.

Вам будет любопытно узнать, что почти сто лет альпинисты всего мира приезжали в Гималаи и совершали невероятные усилия, связанные с огромным риском, чтобы покорить еще незавоеванный пик, Эверест. До Эдмунда Хиллари погибли сотни альпинистов; не нашли даже их костей. Самое любопытное то, что эти альпинисты приезжали со всего света, но ни один индеец даже не пошевелился — это было слишком рискованно, слишком опасно.

Даже группа женщин-альпинисток из Японии... а после Эдмунда Хиллари это стало еще более опасно, потому что Эдмунд Хиллари выбрал наименее рискованный путь к вершине Эвереста. Группа молодых японок выбрала самый опасный путь, который никто еще не пробовал, и они достигли пика. Их победа гораздо более велика, чем успех Эдмунда Хиллари, поскольку его путь был хорошо известен, все альпинисты ходили по этому пути, самому легкому.

С другой стороны, со стороны Китая, подъем на Эверест очень крут. Хотя они были вторыми, по моему мнению, их восхождение на Эверест было гораздо более высокого качества.

Во-первых, это были женщины; во-вторых, они выбрали нехоженный путь, который был известен как очень опасный, и все же им это удалось. Но до Эдмунда или после Эдмунда - хотя Гималаи и находятся в Индии, ни один индийский альпинист даже не подумал взбираться на Эверест.

Это объясняет, почему эта страна две тысячи лет была в рабстве. Она не умеет жить опасно. Она не умеет жить, она умеет только выживать. А пока вы не живете опасно, вы не можете петь песен. У человека, который едва-едва выживает, нет энергии на песню или танец. И его можно сделать рабом без всякого труда, поскольку у него не хватает энергии оказать какое-нибудь сопротивление.

Тяжелыми называет он землю и жизнь, ибо так хочет Дух Тяжести! Но тот, кто жаждет стать легким, стать птицей, тот должен любить самого себя, - так учу я.

Первая заповедь для того, кто хочет избавиться от плена тяжести — это любить себя.

Ни одна религия этому не учит. Фактически, все религии учат как раз обратному — ненавидеть себя. Они не говорят об этом так ясно, но это следует из всего, что бы они не говорили. Вы недостойны; вы грешник; вы должны доказывать, что вы достойны — должны быть моральными, религиозными, святыми. Они дают вам идеалы, а вы должны в точности копировать эти идеалы — тогда они вас уважают. Но копия есть копия; это не ваш настоящий дух — это не вы!

Вы можете стараться стать Гаутамой Буддой. В течение двадцати пяти веков миллионы людей на Востоке пытались стать Гаутамой Буддой, но ни один не достиг этой вершины. В большинстве своем они оставались буддистами, последователями Будды, и то весьма прохладными, всячески лицемеря — ни искренности Гаутамы Будды, ни подлинного поиска Гаутамы Будды.

Я был в Бодхгайе, месте, где Гаутама Будда стал просветленным. В память о его просветлении там стоит храм. Эти камни до сих пор сохранены на том самом месте, где он ходил — поскольку у него было два вида медитации. Одна из них — сидячая медитация, випассана, которую он выполнял сидя под деревом бодхи. Но целый день сидеть невозможно, поэтому он выполнял ее двумя способами: час он медитировал сидя, час медитировал с ходьбой. Камни, по которым он ходил, лежат рядом с храмом на прежнем месте. Дерево тоже растет на прежнем месте. Это не то самое дерево, но это его далекий потомок.

Я видел буддийских монахов из Японии и Тибета, которые приезжали отдать дань уважения, потому что это их величайшая святыня, но я не видел, чтобы они ходили по этим камням, медитируя. И также я не видел, чтобы они сидели под деревом бодхи и медитировали. Я видел, как они поклонялись дереву, молились внутри храма перед статуей Будды. Будда никому не молился — он занимался поисками собственной души. Поклоняясь, вы не найдете ее; чтобы ее найти, вы должны пойти внутрь себя. И никто другой не может сделать это за вас. Вам придется в полном одиночестве пойти туда, где вы никогда не бывали.

Это одно из самых опасных переживаний — быть одному внутри самого себя, оставив ум далеко позади, оставив сердце далеко позади. Вы слегка знакомы со своим умом и немножко — со своей любовью, со своим сердцем, но вы абсолютно не осознаете своего существования, своего сокровенного центра.

Люди, которые пытаются стать Гаутамой Буддой, в лучшем случае могут стать актерами. Возможно, в спектакле они могут точно повторить то, что делал Гаутама Будда. Но в реальной жизни вы можете быть только собой, вы не можете быть никем другим.

Дух Тяжести учит вас, что жизнь тяжела, но Заратустра говорит: "Это зависит от вас. Вы выбираете, будет ли жизнь тяжелой или легкой. Если вы не цепляетесь за толпу, если вы не держитесь за собственность, жизнь может быть абсолютно легкой". Первое основание для этого — любить себя. Не нужно никого копировать, ибо именно здесь все сбиваются на ложную дорогу.

Любите себя такими, какие вы есть. Это не мешает вашему росту. На самом деле, чем больше вы любите себя, тем больше вы совершенствуете себя. Чем больше вы любите себя, тем изящнее вы становитесь. Чем больше вы любите себя, тем более самобытной и подлинной становится ваша индивидуальность. А только самобытная индивидуальность может быть легкой как птица, так что небо внутреннего сознания целиком открыто для ее полетов. Тогда ничто не помешает ей.

Конечно, любить не любовью больных и немощных. Религии всегда учили вас: "Любите больных, любите немощных. Идите в больницы, стройте больницы, служите бедным". Такое впечатление, что все религии сосредоточены на больных, немощных, бедных. Никого не интересует вы с вашим богатством, величием и славой.

Я говорю вам: пока вы не любите себя, пока вы не открыли свои собственные богатства, свои вершины, вы ни с кем не сможете поделиться своей любовью. Конечно, больным и немощным нужна забота, но им не нужна любовь. Это необходимо понять, потому что христианство сделало почти повсеместно принятой истиной, что величайшая религиозность, величайшая духовность заключается в любви к больным и немощным. Но это абсолютно противоречит психологии и природе.

Когда вы любите больного, вы не помогаете ему выздороветь, поскольку в тот момент, когда он здоров, его никто не любит. Болезнь — прекрасный предлог заставить других любить его.

Возможно, вы видели это, но не задумывались об этом. Жена работает целый день, абсолютно здоровая, но к приходу мужа, увидев его в окно, она быстренько укладывается в постель. У нее болит голова — ведь если у нее не болит голова, муж не показывает никакой любви. Но если у нее болит голова, муж поневоле садится рядом с ней, гладит по голове, демонстрирует некую фальшивую любовь, говорит сладкие и красивые слова. Несколько месяцев он не называл ее "дорогая", но если у нее головная боль, ему приходится говорить ей "дорогая". Именно это она и хочет услышать: "Я люблю тебя. Я люблю не только сегодня, я буду любить тебя вечно".

Странно, что вы показываете детям свою любовь, когда они больны. Вы не понимаете простой психологии ассоциаций — любовь становится связанной с болезнью. Когда ребенку нужна ваша любовь, он заболевает. Кто заботится о здоровом ребенке, кто заботится о здоровой жене, кто заботится о здоровом муже? Любовь кажется чем-то вроде лекарства; она нужна только больным.

Я хочу, чтобы вы уяснили: ухаживайте за больными, но никогда не показывайте им любви. Забота о больном — совершенно другое явление. Будьте безразличны, ведь головная боль не что-то сверхъестественное. Заботьтесь, но избегайте пустых нежностей; ухаживайте очень прагматично. Дайте ей таблетку от головной боли, но не показывайте любви, потому что это опасно. Когда ребенок болеет, заботьтесь о нем, но будьте абсолютно индифферентны. Дайте ребенку понять, что своей болезнью он не сможет вас шантажировать. Все человечество шантажирует друг друга. Болезнь, старость, немощь стали почти требованием: "Вы должны любить меня, потому что я болен, я стар..."

Один из крупнейших советских психологов, Павлов, открыл условный рефлекс: нужно быть очень осторожным и не связывать две вещи, если вы не хотите, чтобы они ассоциировались. Он всю жизнь работал с собаками. Он давал собаке еду и звонил в колокольчик. Так вот, колокольчик не имеет ничего общего с едой, но собака каждый день одновременно слышала колокольчик и ела. Она ела, а Павлов звонил в колокольчик. Через пятнадцать дней Павлов просто звонил в колокольчик, и собака начинала облизываться, у нее начинала течь слюна.

Нет никакой естественной связи между звоном колокольчика и слюной, звоном и высыванием языка, но они стали взаимосвязаны. Звон колокольчика немедленно вызывает готовность всего тела к приему пищи, хотя никакой пищи нет.

В процессе этих экспериментов Павлов обнаружил замечательное явление. Однажды он попробовал провести тот же опыт по-другому. Он положил перед собакой еду, но собака не стала есть. Павлов не мог в это поверить; ему пришлось звонить в колокольчик! Как только он начал звонить, собака стала есть.

Он сказал: "Боже мой, теперь мне придется тяжело".

У него было семьдесят собак, и правительство заботилось о них даже во время коммунистической революции, когда люди умирали от голода. Они жили с комфортом в дни революции, когда ни один человек не жил так комфортно, потому что Павлов был великим

ученым. Он пишет в автобиографии: "Я был поражен, когда собаки отказались есть. Они были голодны, но нужно было позвонить в колокольчик. Лишь тогда... так глубоко проник рефлекс".

Когда кто-то болен, и вы проявляете любовь... и именно так заведено у людей. Вы не показываете больному своего гнева, даже если вы сердиты. Вы показываете больному любовь, даже если не чувствуете никакой любви; если вы не можете изобразить любовь, то по крайней мере показываете сочувствие. Но это опасно и очень противоречит законам психологии.

Заратустра прав: Конечно, любить не любовью больных и немощных.

Так учу я: надо учиться любить себя — любовью здоровой и святой, чтобы оставаться верным себе и не терять себя.

Вы должны любить себя, не задумываясь, заслуживаете ли вы или нет. Вы живы — это достаточное доказательство того, что вы достойны любви, точно так же, как вы достойны дышать. Вы не думаете, заслуживаете ли вы право дышать или нет. Любовь тонким образом насыщает душу, как еда питает тело. И если вы наполнены любовью к себе, вы сможете любить других. Но — любовью здоровой, любовью сильной.

Заботьтесь о больных, заботьтесь о старых; но забота - совершенно другое дело. Разница между любовью и заботой — это разница между матерью и сиделкой. Сиделка заботится, мать любит. Когда ребенок болен, даже матери лучше стать просто сиделкой. Когда ребенок здоров, осыпайте его всей любовью, на которую способны. Пусть любовь ассоциируется со здоровьем, силой, разумностью; это поможет ребенку на его долгом жизненном пути.

Такая потеря назвала себя "любовью к ближнему". Людям говорили: "Любите ближнего", и никто не говорил вам: "Любите себя". Ваш первый ближний — вы сами! Все остальные дальше. И если вы не можете любить себя, как вы можете любить своего ближнего?

Иисус говорит: "Возлюби ближнего своего, как самого себя". Но во всем его учении нет ни единого слова о том, как любить самого себя. А если вы собираетесь любить ближнего так же, как любите себя, вы будете ненавидеть его, поскольку ненавидите себя. Никто не нравится самому себе: нос коротковат или длинноват, глаза не такие красивые, как могли бы быть, тело не так хорошо сложено, как у других. Вы непрерывно сравниваете себя, и в этом сравнении всегда получается, что кто-то лучше вас. Как вы можете любить себя?

Всякое сравнение необходимо прекратить. Вы должны принять себя такими, какие вы есть — именно такими вы нужны существованию. И именно такими вы должны любить себя — не нехотя, но с радостью. Тогда, возможно, ваша любовь начнет изливаться также и на ближних. Это определено. Когда вы так переполнены любовью, она непременно начинает литься через край; а в противном случае любовь к ближнему — самая трудная вещь на свете.

У Иисуса два высказывания. "Любите врагов ваших, как самих себя". Это легче, ведь враг далеко, он не досаждал вам постоянно. Но ближний... "Возлюби ближнего своего, как самого себя" — это самое трудное дело; он постоянно досаждал вам. Но если вы умеете любить себя, ваша любовь даст вам огромное понимание других. Если вы приняли себя, вы сможете принять людей такими, какие они есть. Это не их вина — существование дало вам определенную индивидуальность, и точно так же существование дало им определенную индивидуальность. Они за это не отвечают. И если вы можете любить себя, вы можете любить весь мир. Да, и даже ближнего.

С помощью этого слова до сих пор лгали и лицемерили больше всего, и особенно те, кого с трудом выносил весь мир.

И поистине, это вовсе не заповедь на сегодня и на завтра - учиться любить себя. Напротив, из всех искусств это самое тонкое, самое мудреное, самое высшее и требующее наибольшего терпения. Это не заповедь, это искусство, дисциплина; вы должны научиться. Возможно, любовь — величайшее искусство в жизни. Но все думают, что способность любить -

врожденная, поэтому никто не совершенствует ее. Она остается грубой и примитивной. А ее можно очистить до таких вершин, с которых вы сможете сказать: любовь — это Бог.

Едва ли не с колыбели дают нам в наследство тяжелые слова и ценности - "добро" и "зло" — так называют наследие это. И во имя их прощают нам жизнь нашу. Заратустра говорит: "С самой колыбели нас заставляют принять определенные идеи о добре и зле. Если вы их не примете, у вас не будет возможности выжить". Ребенок так беспомощен. Он не может жить самостоятельно; он зависим. Без всякого злого умысла, просто от бессознательности, родители все время пользуются положением, в котором находится ребенок, и навязывают ему идеи добра и зла. Если вы принимаете их — а обычно всем детям приходится согласиться с ними. И во имя их прощают нам жизнь нашу — тогда вам прощают то, что вы живы; иначе ваша жизнь становится грехом, которому нет прощения.

Но истина в том, что все наши представления о добре и зле так прогнили и устарели, так отстали от жизни, что нуждаются в постоянном изменении. Но они остановились. Жизнь продолжает меняться, но наши представления о добре и зле не меняются. И из-за этих представлений мы не можем жить полной жизнью. Они мешают нам. Между жизнью и нашей идеологией лежит огромная пропасть.

Один врач из моей деревни, брамин высокой касты, считался очень мудрым человеком. Я часто ходил к нему с отцом. Мой отец очень дружил с ним; они были почти ровесниками. Когда он чувствовал, что вот-вот чихнет, он немедленно начинал щелкать пальцами. Я был очень удивлен и поинтересовался:

— Что общего между чиханием и щелканьем пальцами? Он ответил:

— Когда вы чихаете, возникает промежуток, и в вас могут войти духи.

Я воскликнул:

— О Боже! — ведь он был самым мудрым в деревне. Так что я сказал:

— Ну ладно.

И вот, каждый раз, когда я видел его, хотелось мне чихнуть или нет, я начинал. Скоро это охватило весь город. Я сказал одноклассникам:

— Когда вы идете по его улице, если увидите его в магазине, пощелкайте пальцами.

Он стал очень злиться на меня. Он начал гоняться за людьми, говоря:

— Зачем вы это делаете? Но люди отвечали:

— Мне хотелось чихнуть. Что я могу поделать, если мне расхотелось? Просто я почувствовал, что могу чихнуть. Вы хотите, чтобы я впустил их?

— Нет, — отвечал он, — это было бы неправильно. Когда вы чувствуете желание чихнуть, просто сделайте так, и духи не смогут войти.

Я говорил отцу:

— Какая глупость. Ты думаешь, духи испугаются этого щелканья? И почему чихание дает им возможность войти внутрь?

Но он возражал:

— Этот врач очень мудрый человек; он знает все писания. Все святые находятся в его доме. Но тебе больше не разрешается ходить в его дом. Он сказал мне: "Ваш мальчик опасен — он подговорил почти тысячу школьников. Я не могу работать, когда вижу, что на улице кто-то стоит".

Мой отец сказал ему:

— Они не делают вам ничего плохого. Они просто щелкают пальцами; пусть себе щелкают. Но он ответил:

— Это невыносимо — они делают из меня посмешище.

Он бегал за школьниками с палкой. Это стало еще заманчивей — даже для тех, кто не

учился в школе, даже для соседей.

Его жена очень любила меня. Я не мог войти в их дом через переднюю дверь, потому что он сидел там со своей палкой; и он сказал ей, что побьет меня, если я попадусь... Так что мне приходилось приходиться со стороны задней двери, чтобы повидаться с его женой. Я говорил ей:

— Как-нибудь вы тоже попробуйте щелкнуть пальцами. Она ответила:

— Я уже думала об этом.

Она была гораздо моложе его. Это была его третья жена; две умерли. Она сказала:

— Я уже думала об этом, но боюсь, если я попытаюсь сделать это, он может очень разозлиться. Я сказал:

— Не волнуйтесь. Что он может сделать? Вы моложе, сильнее; он стар. Не волнуйтесь — и перед тем, как сделать это, спрячьте его палку.

Так она и сделала. На следующий день, когда я проходил мимо его дома, он позвал меня и сказал:

— Ну хватит. Ты подговорил даже мою жену! Вчера ночью я, было, пошел спать, а она сделала это! Я сказал:

— Я не могу войти к вам. Он ответил:

— Я знаю, ты приходишь через заднюю дверь. Дашь ты мне жить в этой деревне, или я должен уехать? Ведь теперь уже вся деревня насмехается над тем, что вполне традиционно; мой отец делал так, мой дед делал так.

Я сказал:

— Это ничего не значит. Вам придется доказать мне... Я могу остановить всю деревню; я могу постучаться во все двери и сказать им: "Он говорит, что сожалеет и не будет делать этого впредь". Но либо дайте мне научное объяснение, либо терпите.

Он ответил:

— Лучше я перестану сам щелкать пальцами. Духи не в состоянии измучить меня так, как мучает вся деревня. Моя работа полностью нарушена. Даже мои пациенты смеются, когда мне приходится оставлять их на полуслове и бежать за кем-то.

В городке говорили: "Что случилось с этим так называемым мудрым человеком?" Вся его мудрость была разрушена единственной вещью. Даже обычные люди начали думать: "Это глупо. Мы и раньше замечали это, но не обращали внимания; мы думали, это просто эксцентрическая идея, каприз. Мы никогда не спрашивали его, если он оборонялся от привидений — а теперь целый город борется с привидениями".

Возможно, что-то имеет корни в традиции, и многие века это считалось добром или злом. Но вы должны быть созвучны с сегодняшней жизнью. Вы должны быть современными. И вы должны постоянно проверять, актуальны ли ваши представления о добре и зле; вас удивит, что они не соответствуют современности.

Что хорошо в одном контексте, становится плохим в другом контексте. То, что в одном контексте кажется злом, в другом контексте злом не является. И в потоке жизни, где все меняется, вы должны быть созвучны изменениям — только тогда вы сможете жить тотально, полно, радостно. Иначе вы отстали на две тысячи лет, и пропасть так велика, что вы уже мертвы; с таким же успехом вы могли бы лежать в могиле. Ваша идеология, если она устарела, если она не обновляется каждый момент, становится вашей могилой.

И потому допускают детей до себя, чтобы вовремя не дать им полюбить самих себя. Мать говорит ребенку: "Люби меня, я твоя мать". Отец говорит: "Люби меня, я твой отец", как будто в этом есть некая необходимость: просто, раз он отец, его нужно любить. Единственное, что необходимо — это любить самому, отец вы или нет, мать вы или нет. Если вы любите, ребенок ответит любовью. Не говорите ребенку: "Я твой отец, поэтому ты

должен любить меня". Это сделает его любовь очень маленькой. Тогда ему не нужно любить кого-то другого, потому что это не его отец.

Более понимающим родителям следует постараться любить ребенка, чтобы он учился отвечать любовью; так что всегда, когда его любят, он ответит любовью. Любя ребенка, вы даете ему понять, что он заслуживает любви. А когда он почувствует, что достоин любви, он будет любить себя. Это единственный способ научить его правильно любить себя и отвечать любовью каждому, кто любит его.

...Таково действие Духа Тяжести.

И мы — мы доверчиво тащим то, что взваливают на нас, тащим на огрубевших плечах по суровым горам! И когда мы обливаемся потом, нам говорят: "Да, жизнь трудно сносить!" Жизнь делается слишком тяжелой. Тяжела не жизнь сама по себе. Вы слишком навьючиваете бедного верблюда, а потом говорите ему: "Жизнь слишком тяжела".

Сначала вы заставляете верблюда встать на колени, быть кротким и смиренным, быть готовым к рабству, а потом перевозносите его, если он позволяет вам нагрузить себя больше, чем он может выдержать. Тогда он становится святым верблюдом. Все ваши святые несут такую огромную тяжесть, что из их жизни исчезает всякая радость. Они не могут смеяться, они не могут танцевать.

Нельзя надеяться, что верблюд с таким тяжелым грузом будет танцевать. Отчего ему танцевать? Оттого, что он раб? Оттого, что его заставили встать на колени? Вы уничтожили его достоинство, его гордость; теперь ему не до танцев. И с таким бременем... Но вам вновь и вновь говорят: "Да, жизнь тяжело вынести".

Но Заратустра имеет сказать вам нечто другое: Но только человеку трудно нести и выносить себя! Не жизнь. Жизнь невероятно прекрасна и светла. Жизнь просто полна песен и радости. Это человека трудно вынести, и именно человек делает жизнь трудно выносимой.

И все потому, что тащит он на плечах своих слишком много ненужного. Подобно верблуду, становится он на колени и дает, как следует навьючить себя. Трудно вынести как раз это — ваш менталитет раба, вашу готовность стать рабом, вашу готовность поклоняться, встать на колени, молиться, вашу готовность принять идею, что вы — вещи, созданные Богом. И это превращает всю вашу жизнь в неприятности - вы сами это делаете. Любовь — это свет, но брак — это тяжесть. Но брак — человеческое изобретение, а любовь — нет.

Любовь — дуновение, ветер. Но вы настолько жадны, что, когда в вашу комнату врывается ветер, свежий ветер, вы тут же запираете все двери и окна, чтобы удержать его внутри. Но когда все двери и окна закрыты, свежий ветер теряет всю свежесть; он становится затхлым. Любовь свежа, но брак становится затхлым.

Если окажется, что Заратустра был прав, и однажды на земле появится сверхчеловек, многие вещи исчезнут. Среди них будет брак — в этом я абсолютно уверен, потому что брак причинил человеку больше несчастий, чем что-либо другое. Странно: любовь дает человеку такое счастье, такое блаженство, а брак начисто уничтожает всякое счастье и радость. Ведь за красивым словом "брак" стоит не что иное, как оковы, контракт, соглашение на всю жизнь. А всякий человек, понимающий жизнь, не может обещать на завтра, ибо кто знает, что будет завтра, на что оно будет похоже?

Я могу измениться, вы можете измениться. Любовь нам не подчиняется; это не электричество, которое можно включить, можно выключить. Она приходит и уходит, когда захочет. Но когда любовь исчезает, и вы никак не можете помешать этому, возникает проблема. Вы столько наобещали. Теперь вам остается только одно: лицемерить, притворяться, и это становится величайшей тяжестью в жизни.

Если вы живете разумно и сознательно, вы ничего не станете обещать на завтра. А люди

дают обещания даже на следующую жизнь — жена-индуистка молится Богу: "Дай мне в следующей жизни этого же мужа". Мне приходилось слышать подобные молитвы, и я спрашивал этих женщин: "Неужели ваша жизнь — такое блаженство, что вы просите Бога дать вам того же мужа?" Они отвечали: "Блаженство? Это ад!"

Я говорил: "Но тогда почему вы просите того же мужа вновь? Неужели вам не хочется разнообразия? Вам следовало бы молиться: "Дай мне любого, только не его! Хватит, одной жизни больше чем достаточно!" Но традиционная добродетель для женщины-индуистки — если она хочет получить того же мужа снова, снова и снова. А жизнь ее несчастна.

Понимающий человек, человек, которому хоть немного присуще медитативное сознание, может сделать свою жизнь великолепным произведением искусства, может так наполнить ее любовью, музыкой, поэзией и танцем, что для нее не будет ограничений. Жизнь не тяжела. Только человеческая глупость делает ее тяжелой.

...Так говорил Заратустра.

О ДУХЕ ТЯЖЕСТИ часть 2

15 апреля 1987 года

Возлюбленный Ошо,

О ДУХЕ ТЯЖЕСТИ, часть 2

Трудно открыть человека, а самого себя — труднее всего; часто дух лжет о душе.

Но открыл себя тот, кто говорит: вот мое добро и мое зло. Так он заставляет умолкнуть крота и карлика с их речами: "Добро для всех, зло для всех".

Поистине, не люблю я и тех, для кого хороши все вещи, а мир этот считается лучшей из них. Таких называю я вседовольными.

Вседовольство, умеющее находить вкус во всем, - это не лучший вкус! Я уважаю строптивые, привередливые языки и желудки, научившиеся словам "Я", "Да", "Нет"...

Густой желтой и яркой красной краски требует вкус мой, примешивающий во все краски кровь. Но тот, кто белит дом свой, обнаруживает бескровную душу свою...

Несчастливыми называю я и тех, кто всегда должен быть на страже, — противны они вкусу моему: все эти мытари и торгаши, короли и прочие стражи стран и сундуков.

Поистине, я тоже научился быть на страже — и научился этому хорошо, — только на страже самого себя. И в особенности учился я стоять, и ходить, и бегать, и прыгать, и лазить, и танцевать.

Ибо вот учение мое: кто хочет научиться летать, тот должен сперва научиться стоять, и ходить, и бегать, и лазить, и танцевать: нельзя сразу научиться полету!..

Многими способами, разными путями пришел я к истине своей: не по одной лестнице поднимался я в высоту, откуда взор мой устремлялся вдаль.

Неохотно расспрашивал я, какой дорогой пройти, - это всегда претило вкусу моему! Я предпочитал вопрошать и испытывать эти дороги.

Испытывать и вопрошать — таковы были пути мои: и поистине, надо еще научиться отвечать на эти вопросы! Но таков вкус мой:

— не хороший, не дурной, а мой вкус, которого мне не надо ни стыдиться, ни скрывать.

"Это теперь мой путь, а где же ваши?" — так отвечаю я тем, кто расспрашивает меня: "Каким путем следовать?" Ибо пути как такового не существует!

...Так говорил Заратустра.

Все религии и все философии основываются на предположении, что существует некий

путь к высшей истине. Заратустра решительно отвергает это. Он говорит, что пути как такового не существует. А если никакого пути как такового нет, из этого вытекают важнейшие следствия.

Первое: если люди, верящие в путь, были правы, тогда путь уже существует — вы должны просто следовать, вы должны просто двигаться по этому пути. Именно так были созданы организованные религии. У них есть проторенные дороги, шоссе и супермагистрали, и миллионы людей дружно шагают к высшей истине. И никого не волнует, пришел ли хоть кто-нибудь куда-то.

Прошло двадцать пять столетий, и миллионы людей идут по пути, который считают путем Гаутамы Будды. Но никто не обернулся и не сказал: "Я пришел; этот путь привел меня к земле обетованной". И все другие религии точно в таком же положении: индуистам не удалось создать другого Кришну, христиане не создали другого Христа.

Это странно... тем не менее, миллионы людей придерживаются определенного порядка, молитв, определенных писаний; они составляют их "путь". Но все пути безуспешны - ибо, если бы они привели к успеху, мир был бы совершенно иным. В этом мире не было бы постоянных войн, насилия, преступлений, убийств и самоубийств, безумия, всевозможных извращений. И человек не был бы так несчастен, как сейчас. Он — не что иное, как глубокая неизлечимая рана.

Все прячут свои раны. Вы улыбаетесь только для того, чтобы скрыть слезы, вы показываете друг другу, что все в полном порядке; и всем известно, что это совсем не так.

У меня был друг, и всякий раз, когда я встречал его, я спрашивал: "Как дела?", — и он отвечал почти автоматически, всегда одинаково: "Все хорошо". Я расспрашивал других людей об этом человеке, и они говорили: "Это ничего не значит; он говорит это всем. Спросите что угодно: "Как поживает твоя жена?" — "Все хорошо", "Как дети?" — "Все хорошо"".

Однажды я встретил его по пути в университет и решил поинтересоваться еще раз, потому что за три месяца до этого умер его отец. Мне было об этом известно, поэтому я спросил: "Как твой отец?", — и он ответил: "Последние три месяца у него все было хорошо, все в полном порядке". Я не мог поверить своим ушам. Его отец был мертв — конечно, эти три месяца с ним был полный порядок; он не создавал никаких проблем, никаких неприятностей. Но он сказал это точно так же, как заведенный.

Все стараются что-нибудь из себя изобразить. Никому не хочется выдать себя и показать свои страдания. Люди многие тысячелетия практиковали великие религии, следовали за великими религиозными лидерами, и вот результат. Если дерево познается по его плодам, то обо всех ваших религиях следует судить по вашему состоянию — несчастью и страданиям. Вы — плод своего прошлого.

Заратустра абсолютно прав: нет никакого пути. Что именно он имеет в виду, когда говорит, что нет никакого пути?

Он говорит многое. Вот первое: вы должны идти и таким образом создавать путь; вы не найдете готовой дороги. Достичь окончательной реализации истины стоит недешево. Вам придется творить путь, продвигаясь самостоятельно; это не проторенная дорога, которая лежит и ждет вас. Это очень похоже на небо: птицы летают, не оставляя никаких следов. Вы не сможете пойти за ними; после них не остается никакого следа.

Заратустра говорит: "Возможно, Гаутама Будда достиг. Но в небе сознательности не остается следов, нет никаких дорог. Каждый должен проложить собственный путь". Это означает также, что религия не может быть организованной. Она, прежде всего, индивидуальна, в основе своей индивидуальна.

Так же, как любовь — нельзя любить организованно. Влюбляется конкретный человек, а не организация. И в любви есть, по крайней мере, другой человек, а в поисках истины вы

абсолютно одиноки. Это выше любви, поскольку любовь допускает еще хотя бы одного человека; вы не полностью одиноки. Истина же не позволяет вам иметь даже товарища. И причина этого проста: истина не где-то снаружи, она внутри вас. И идти внутрь себя вы можете только в одиночестве. Вы не можете взять с собой никого.

Вы должны обрести во внутреннем небе своего сознания то, чего искали, создавая путь. Это страшит трусливую душу; но смелых и мужественных это приводит в великий трепет - огромное нетерпение, великий вызов уединения, одиночества, это продвижение в неизвестное без всяких карт, путеводителей, без дорог, без путевых столбов. Это великая радость для отважной души.

Вот почему переживание истины всегда девственно. Никто не был там до вас. Никто не мог быть там прежде вас. Все они были в своих собственных внутренних центрах; ваш внутренний центр еще нетронут и останется девственным, пока вы не достигнете его.

Искать истину — значит влюбиться в самого себя.

Когда находят истину, это не что-то объективное; это означает просто открыть самого себя, узнать красоту и блаженство, мир и вечность собственного существования.

Не нужно быть последователем: все последователи движутся в неверном направлении уже потому, что они следуют. Не нужно выбирать путь: сам выбор — начало путешествия в неверном направлении. Не нужно иметь идеал в лице Гаутамы Будды, Иисуса, Махавиры или Кришны, так как присутствие идеала не позволит вам быть одному. Эти идеалы пойдут вместе с вами в вашем воображении. Отсюда невероятное изречение Гаутамы Будды, который говорит: "Если встретишь меня на пути, немедленно убей". Заратустра говорит: "Опасайтесь так называемых спасителей, и больше всего опасайтесь Заратустры".

Если вы полюбите человека, подобного Заратустре — что очень легко, очень утешительно — сама ваша любовь станет препятствием, помехой в поиске вашей чистоты, вашей невинности, вашего подлинного "я". Слова, сказанные в этот вечер, очень значительны.

Заратустра говорит: Трудно открыть человека, а самого себя — труднее всего; часто дух лжет о душе.

Когда открываешь самого себя, первая трудность в том, что ум полон лжи, которой вас учили, которой вы набрались отовсюду. Вы собираете всевозможный мусор о самих себе из писаний, от священников, от святых — но никто из них не знает вас. Никто из них не может вас знать. Возможность узнать себя существует только для вас. Это исключительно ваша привилегия — больше никто не может проникнуть в ваше внутреннее пространство. Это фундаментальная истина, которую нужно помнить: нельзя поработить ваше внутреннее существо, его нельзя даже коснуться.

Александр пришел в Индию; собираясь назад, он вспомнил, что его учитель, Аристотель, отец западной логики, просил его; "Наверное, ты принесешь много вещей и подарков разным людям. Я бы хотел, чтобы ты привел для меня саньясина, ибо только на Востоке известно, что такое саньясин — человек, посвятивший всю свою жизнь поискам себя, человек, который всем пожертвовал, все поставил на карту ради одного: он хочет познать себя. Я бы очень хотел увидеть такого человека", — сказал Аристотель, поскольку Запад был еще в неведении относительно внутреннего поиска.

К несчастью, даже сегодня он все еще в неведении. Вся его деятельность научна, объективна — побольше узнать о мире, побольше узнать о самых далеких звездах. Но не похоже, чтобы кого-то интересовало самопознание. Кажется, это принято без доказательств: зачем познавать себя? Вы и так уже есть.

Да, вы уже есть — но кто вы? Вы не алертны по отношению к своему собственному бытию. Вы не испробовали радости, песни, танца тех, кто познал себя.

Александр прошел множество мест, спрашивая людей: "Мне хотелось бы узнать кого-нибудь, кто познал самого себя; я не хочу привести какого-нибудь любителя, мне нужен человек, который пришел домой". Все они указывали на одного, говоря: "На пути, поблизости от гор, на берегу реки, вы найдете старика. В этой местности много саньясинов, но все они еще искатели. Только этот старик перестал искать. Он прибыл. Он нашел самого себя".

Александр послал к этому старику одного из своих военачальников. Тот сказал:

— Александр Великий приглашает тебя быть его гостем, он хочет взять тебя в Грецию, на свою родину. В твоём распоряжении будут все удобства, почести, роскошь — все, что тебе понадобится.

Старик рассмеялся и сказал:

— Было бы лучше... приведи ко мне самого Александра Великого. Я не разговариваю со слугами. Приведи ко мне хозяина!

Этот человек сам был великим военачальником, но никогда он не слышал такого повелительного голоса. Он сражался во многих войнах, захватил много стран, но никогда не встречал такого льва. Он ничего не смог сказать. Он просто пришел назад и сказал Александру:

— С этим стариком лучше не связываться. Он неучтив; он абсолютно дикий. Он дурно обошелся со мной и, боюсь, с вами поступит так же.

Александр сказал:

— Всякий, кто не окажет мне должного почтения, не проживет дольше следующего мгновения. Я иду.

Но когда он подошел к старику, он почувствовал некоторый трепет, потому что старик сказал:

— Итак, ты Александр Великий. Всякий, кто называет себя "великим", не велик и не может быть великим. Как, по-твоему?

— Я пришел не спорить, — ответил Александр, — я пришел пригласить тебя. Старик сказал:

— Я как ветер — я свободен. Нельзя пригласить ветер; он дует сам по себе. Если я почувствую, что мне этого хочется, я приду в Грецию — без твоего приглашения. Но если я не хочу, я не пойду даже в рай.

Александр пришел в ярость. Он выхватил меч и сказал:

— Ты сейчас же лишишься головы, если не пойдешь со мной!

Старик засмеялся, и вся долина наполнилась отголосками его смеха. Он сказал:

— Прекрасно. Давай! Мне всегда хотелось посмотреть, как моя голова падает с плеч. Отруби ее! Не думай, что ты убиваешь человека, ибо я не тот человек, которого ты убиваешь. Я далек от своей головы. Когда моя голова будет падать, ты увидишь, как она падает, и я тоже увижу это, потому что я — не моя голова. Эта голова рано или поздно все равно падет: прах праху. Я буду счастлив, что самому Александру Великому пришлось потрудиться ради меня, пришлось подчиниться моему приказу. Сейчас же отруби мне голову! — как будто он приказывал отрубить голову кому-то другому!

Даже Александр, который отрубил тысячи голов, не смог отрубить голову этому человеку. Его меч вернулся в ножны, и старик сказал:

— Что ты делаешь?

— Прости меня, — ответил Александр. — Я не знаю обычаев таких людей, как ты. Мой учитель просил меня — он хотел посмотреть на человека, который нашел истину. Ни он, ни я не знаем, как ведет себя человек, нашедший истину. Одно ясно: ты познал нечто такое, что превосходит тело и ум. Я не буду заставлять тебя пойти со мной. Я счастлив, что мне довелось увидеть тебя. Я расскажу о тебе своему учителю.

Человеческий ум — самый большой барьер на пути к самопознанию, потому что ум постоянно лжет вам: вы — то, вы — это. Он говорит красивую ложь: вы — бессмертная душа, вы — Сам Бог, вы — вечное сознание, вы — истина, вы — красота, вы — добро. Но все это пустые слова. Вы нахватались, вы заимствовали их из разных источников. Все это просто ерунда. Но они могут помешать вам, поскольку могут внушить вам ложное представление, что вы уже знаете себя. А если вы уже знаете себя, ни к чему продолжать исследование.

Это самое предательское, самое безобразное качество вашего ума: его ложь очень красива. Он цитирует писания, он убеждает вас, что не нужно никуда идти — просто читайте Святую Библию или священную Гиту, священный Коран, и вы все найдете. Не нужно отправляться на поиски; люди уже нашли все, что касается души. Это правда, люди уже открыли все, что касается души, так же, как люди открыли все, что касается любви, но значит ли это, что их открытия дадут вам вкус любви? Их открытия останутся для вас всего лишь словами. Они не могут стать переживанием.

Но открыл себя тот, кто говорит: вот мое добро и мое зло. Так он заставляет умолкнуть крота и карлика с их речами: "Добро для всех, зло для всех".

Заратустра говорит: "Один из признаков человека, который открыл себя — то, что он всегда говорит: "это мое добро" и "это мое зло"". Он не говорит в терминах вселенной. Он не говорит так, будто бы открыл некий закон, который подходит ко всему. Тот, кто говорит о всеобщих законах, несомненно, показывает, что не знает себя. Каждая индивидуальность уникальна; следовательно, у каждой индивидуальности своя мораль, свое добро, свое зло.

Он не может сказать: "...добро для всех, зло для всех". Он может сказать только: "Для меня это добро: я знаю себя и знаю, что делает меня счастливее, что приводит меня в экстаз. Добро для меня то, что приносит мне блаженство, но я не могу сделать это общим правилом, ибо то, что для меня нектар, может оказаться ядом для вас. Вы уникальны по-своему, у вас собственная индивидуальность".

В этом величие человека. И это — проблема, это причина того, что наука не может прийти ни к какому заключению по поводу человека. Она может сделать выводы о воде, о материи, она может сделать вывод о чем угодно, только не о сознании — потому что наука делает вывод, только если находит общее правило безо всяких исключений. Но то, что верно для одного сознания, может быть неверно для другого. Гаутама Будда и Махавира были современниками. Они ходили по одному и тому же району Индии, Бихару. Слово бихар просто означает "место странствий Будды и Махавиры" — Бихар значит "странствия", и поскольку они странствовали в этом месте, сам этот район стал называться Бихар. Они ходили по одним и тем же городам, поселкам, деревням.

Однажды случилось вот что: им пришлось остановиться в одном караван-сараяе. В одной половине расположился Гаутама Будда, в другой — Махавира. Но они никогда ни в чем не были согласны — и оба при этом были самореализованными существами. Махавира ходил обнаженным. Будда пользовался одеждой — немного, все его имущество состояло из трех одежд. Но последователи Махавиры все время спрашивали его: "Самореализовавшийся человек отбрасывает всякую собственность, даже одежду. Почему ты не отказался от одежды?" А ученики Будды вечно спрашивали Махавиру: "Самореализовавшемуся человеку не нужно отбрасывать одежду. Будда не отказался от одежды, зачем же тебе напрасно страдать от холода, жары, перемен погоды? Зачем мучить себя?"

И никто — а у каждого были тысячи последователей — никто не разглядел простой вещи. Возможно, это настолько очевидно, что они просто не обратили на это внимания.

Они признали бы, что обоим этим людям присуща одинаковая святость, у обоих в глазах была одинаковая духовная глубина, в жестах — одинаковое изящество, в словах — одинаковая

убедительность, один и тот же аромат радости окружал обоих — одна и та же красота, одинаковое благоухание. Но почему они были столь различны в своих проявлениях, в философии, в учении?

Человечество всегда жило под властью великой иллюзии — что все люди одинаковы, люди равны. Это не так. Что говорить обо всех людях? Нет даже двух одинаковых людей.

И когда они достигают высочайшего пика, они еще более уникальны и различны, чем когда-либо, потому что тогда их гений получает самое полное выражение. И естественно, что гений Будды отличается от гения Махавиры. Заратустра гениален иначе, чем Иисус. Если бы мы поняли простой факт, что каждый человек должен открыть самого себя и в этом открытии найти собственную мораль, собственную индивидуальность, свое добро и свое зло, мы не были бы столь критичны друг к другу.

Даже сейчас буддисты не могут признать, что Махавира просветленный — он очень близко, но не совсем просветленный. И последователи Джайны Махавиры не могут принять, что Гаутама Будда полностью просветленный.

Один из последователей Махатмы Ганди, который впервые привез меня в Пуну — его имя Рисабдас Рака — написал книгу по учению Махатмы Ганди. Махатма Ганди учил, что все религии одинаковы — это ерунда; они различны настолько, насколько это возможно.

Рисабдас Рака по рождению был джайном и написал книгу о Махавире и Будде. Эта книга называлась "Бхагван Махавира и махатма Гаутама Будда".

Я спросил его:

— Вы стараетесь доказать, что все религии одинаковы, но в названии вашей книги говорится, что Махавира — Бхагван; согласно джайнизму, Бхагван означает самореализованного человека, благословенного, того, кто достиг. Почему же вы не используете то же слово для Будды? Ведь последователи Будды называют его Бхагван Гаутама Будда, а вы пользуетесь словом махатма. Махатма означает "великая душа" - великая, но не настолько великая, как благословенный; очень близкая, но еще не достигшая.

Он очень рассердился на меня и сказал:

— Никто не говорил мне этого. Я показывал книгу даже Махатме Ганди, и он оценил ее очень высоко. Я сказал:

— Я не Махатма Ганди; я не настолько слеп. По одному названию мне ясно, что в глубине своего ума вы все еще последователь Махавиры и не можете поверить, что кто-то другой, вроде Гаутамы Будды, со своей философией, другим стилем жизни, пришел к тому же переживанию, к той же истине, той же высоте.

И то, что я раскритиковал название его книги, стало началом разрыва. Потом он стал моим злейшим врагом — только потому, что я указал ему простой факт, который он не мог отрицать.

Я сказал:

— Если у вас действительно есть гордость, вы должны выбросить эту книгу и сжечь ее. Напишите об этом снова, и если вы хоть чуть-чуть сомневаетесь, что Будда равен Махавире, то не притворяйтесь.

Каждый индивидуум должен прийти к такому уникальному пространству, — которое никто никогда не исследовал; это его собственность. В этом достоинство, привилегия человека.

Поистине, не люблю я и тех, для кого хороши все вещи, а мир этот считается лучшей из них. Таких называю я вседовольными.

На языке Заратустры вседовольные — даже не люди; это буйволы. Буйволы довольны всем. Вы когда-нибудь видели, чтобы буйвол был недоволен, печален, в депрессии, отчаянии?

Нет, буйволы всем довольны — все эти ваши святые, все эти буйволы.

Подлинного человека отличает колоссальная неудовлетворенность — неудовлетворенность всем.

Без этой неудовлетворенности нет прогресса; без этой неудовлетворенности нет роста; без этой неудовлетворенности не достичь звезд. Вам необходима великая неудовлетворенность — чтобы быть духовными. Удовлетворенность годится для низшего. Вседовольство для Заратустры — слово, означающее полную удовлетворенность. Он говорит: Поистине, не люблю я и тех, для кого хороши все вещи, а мир этот считается лучшей из них.

Именно этому учили вас все религии: все хорошо; будьте довольны своей жизнью. Даже если есть страдание, это только испытание вашей веры. Пройдите через него, но без недовольства, и все хорошо.

Из-за этих поучений человек остается отсталым — он отстает в том, что касается духовной эволюции, отстает в том, что относится к его росту как сверхчеловека. Вам необходима божественная неудовлетворенность. Лишь тогда в вас родится великое и страстное стремление выйти за пределы самих себя, превзойти ваши так называемые знания, выйти за пределы так называемой морали, так называемого общества.

Этот выход за пределы — постоянный процесс; он никогда не останавливается.

Вот фундаментальное правило жизни: превосходить себя, снова и снова. Именно этому учит Заратустра, и я целиком и полностью согласен с ним.

Человеку необходима божественная неудовлетворенность, стремление к далекому, страсть к невозможному. Пока у вас не будет стремления к невозможному, у вас не будет великой души. Маленькая душа вседовольна — есть жена, двое-трое детей, дом, бакалейная лавка, время от времени — пикник, кино каждую субботу. Вот и все, вы довольны такой жизнью; все идет своим чередом.

По мнению Заратустры, по моему мнению, это не жизнь. Вы обманываете себя — ведь у вас такой огромный потенциал. Вы можете взрастить в своем существе столько цветов; вы можете дать рождение звездам. Все, что вам нужно — чтобы кто-нибудь зажег в вас огонь, заставил вас загореться такой страстью, чтобы ничто не могло вас удовлетворить. Даже если сам Бог окажется в вашем распоряжении, подлинный искатель божественного спросит: "Ну и что? Ведь я хочу выйти за пределы Бога. Бог не может стать тупиком".

Только невозможное, которое всегда похоже на горизонт — вы подходите все ближе, ближе и ближе, но расстояние между вами и горизонтом остается прежним — только горизонт может помочь вам постоянно расти, все время становиться выше. И это единственная надежда: если человек сможет быть так недоволен собой, что будет готов умереть ради рождения сверхчеловека.

Вседовольство, умеющее находить вкус во всем, — это не лучший вкус! Я уважаю строптивые, привередливые языки и желудки, научившиеся словам "Я", "Да", "Нет".

Густой желтой и яркой красной краски требует вкус мой, примешивающий во все краски кровь. Но тот, кто белит дом свой, обнаруживает бескровную душу свою.

Спросите Рональда Рейгана: "Что происходит в Белом Доме?" — у него бескровная душа. Человек должен быть радугой. Все цвета, все разнообразие, все, что предоставляет жизнь, должно быть испробовано, должно быть прожито, и прожито интенсивно. Только жизнь, прожитая тотально, во всех своих оттенках, дает вам возможность родить нечто превышающее вас, нечто большее, чем вы, нечто более величественное.

Вы не цель.

Вы должны стать почвой.

Достаточно, если вы сможете стать почвой, на которой расцветет великое множество

роз.

Несчастливыми называю я и тех, кто всегда должен быть на страже — противны они вкусу моему: все эти мытари — включая тех, кто собирает налоги в Пуне — торгошники, короли и прочие стражи стран и сундуков. Все они очень ничтожные люди. Им по вкусу только самое тривиальное. Их интересуют деньги, они жаждут власти, они жадны до почестей, уважения — но в них нет никакого стремления к звездам. Они нисколько не стремятся познать даже собственную сущность.

Поистине, я тоже научился быть на страже — и научился этому хорошо, — только на страже самого себя. Заратустра говорит: "Я тоже жду — нетерпеливо жду, недовольно жду — но жду только самого себя. Не денег, не власти, не почестей — лишь бы познать себя и быть собой". И в особенности учился я стоять, и ходить, и бегать, и лазить, и танцевать. Я не просто жду.

Он говорит: И в особенности учился я стоять, и ходить, и бегать, и прыгать, и лазить, и танцевать. Но я жду, не сложа руки. Мое ожидание наполнено песнями, музыкой и танцами.

Я жду самого себя. Я готовлю себе пышную встречу. Мое ожидание не печально, мое ожидание не негативно, мое ожидание не безнадежно, оно полно надежды, необычайной надежды. Я знаю: как бы ни темна была ночь, придет рассвет... как бы долго мне ни пришлось ждать. И пока я жду, я не теряю времени; я максимально творчески использую свое время — ибо я должен приготовиться к встрече самого себя, я должен быть достоин самого себя.

Таким, какой вы есть, вы не сможете узнать себя. Вы должны отшлифовать себя, вы должны научиться большей тишине, вы должны быть поэтичнее, вы должны быть чувствительнее, вы должны быть более alertным, более медитативным, вы должны быть благодарнее. И вы должны быть абсолютно неудовлетворенным всем тривиальным; люди довольны...

Взгляните на своих так называемых великих людей! Они совсем как дети: кто-то получил Нобелевскую премию, и он сходит с ума — а ведь Нобелевская премия всего лишь конфетка. Она ничем не лучше конфетки; это игрушка для взрослых, плюшевый мишка. Но люди хвалятся — только посмотрите на военных и их мундиры, на больших полицейских чинов и их мундиры. Лампасы становятся все шире и шире, добавляются все новые и новые цвета — и как они счастливы! Неужто этот мир еще пребывает в таком детстве? Люди пишут свои степени... Как раз на днях я видел визитную карточку. Она была заполнена с обеих сторон: президент этого общества, вице-президент того общества, ушел в отставку с такого-то поста, был консультантом правительства... и так далее и так далее. На этой маленькой визитной карточке он уместил всю свою биографию — все свои степени, все посты, на которых он служил. Возможно, он никогда не думал, что все это — детский сад.

Вы — не ваши звания, вы — не посты, которые вы занимали, вы не президенты и не вице-президенты разных глупых клубов — ротари-клубов, клубов львов. Соберите двадцать идиотов, и клуб готов; клуб шакалов — так будет правильнее, потому что я бывал во многих клубах львов и не видел ни одного льва. Всякие трусы... но они испытывают удовольствие уже оттого, что они — члены клуба львов. Если бы в этот клуб пришел лев, вы увидели бы, что на самом деле случилось бы с этими членами клуба, которые притворяются львами. Но сейчас у их жен появились клубы львиц, у их детей — клубы львят.

Как легко себя обмануть.

Как легко создать фальшивую личность.

Ибо, вот учение мое: кто хочет научиться летать, тот должен сперва научиться стоять, и ходить, и бегать, и лазить, и танцевать: нельзя сразу научиться полету!

Вы должны идти шаг за шагом. Если вы хотите однажды полететь к звездам, двигайтесь

постепенно, шаг за шагом. Танцуйте непринужденно. Танцуйте так глубоко, чтобы танцор исчез и остался только танец, и возможно, у вас вырастут крылья. Такой танцор может взлететь; такой танцор наверняка долетит до звезд.

Многими способами, разными путями пришел я к истине своей: не по одной лестнице поднимался я в высоту, откуда взор мой устремлялся вдаль.

Неохотно расспрашивал я, какой дорогой пройти, — это всегда претило вкусу моему! Я предпочитал вопрошать и испытывать эти дороги.

Испытывать и вопрошать — таковы были пути мои: и поистине, надо еще научиться отвечать на эти вопросы! Но таков вкус мой:

— не хороший, не дурной, а мой вкус.

Он всегда отстаивает индивидуальность: не хороший, не дурной, а мой вкус, которого мне не надо ни стыдиться, ни скрывать.

"Это теперь мой путь, а где же ваш?" — так отвечаю я тем, кто расспрашивает меня: "Каким путем следовать?" Ибо, пути как такового не существует!

Это одно из самых величайших заявлений, сделанных когда-либо: Ибо, пути как такового не существует!

Его нужно создать - шагая, танцуя, через поиск. Вы должны делать и то и другое: идти по пути, творя его; постоянно прокладывая путь и постоянно двигаться по нему.

На самом деле, прокладывая путь и идти по нему — это один и тот же процесс. Нет готовых путей. Вот почему только очень смелые люди — те, что готовы заблудиться, те, что готовы потерять всякую связь с толпой, с ее уютом и удобствами: "Вместе со мной так много людей, столько людей не могут ошибаться. И если все они правы, то я на верном пути" — только самые отважные покидают толпу.

Толпа вообще не может найти истины. Толпа совершенно не движется, толпа не растет. Толпа — не река, это пруд. Она не течет; она никогда не достигает океана. И если вы хотите достичь океана, вы должны стать рекой, рискнуть.

Вы видели, как реки текут к океану? У них нет готовых путей; им никто не указывает направление. Они не похожи на поезда, которые едут по рельсам. Рождаясь высоко в Гималаях, Ганг начинает свое путешествие, не зная, где путь — даже не спрашивая. Но он все время старается найти путь в горах, в долинах. И, в конце концов, он находит океан.

Это чудо: все реки, в конце концов, находят океан. Почему с человеком должно быть иначе? Нужна только смелость.

Конечно, жизнь пруда очень безопасна и удобна — нет никакой опасности, потеряться в пустыне, сбиться с пути, лишиться вседовольства — но пруд мертв, а река жива. Пруд становится все мутнее и грязнее, а река остается чистой. Движение сохраняет вас молодым и чистым. Человек должен быть рекой.

...Так говорил Заратустра.

О СТАРЫХ И НОВЫХ СКРИЖАЛЯХ часть 1

16 апреля 1987 года

Возлюбленный Ошо,

О СТАРЫХ И НОВЫХ СКРИЖАЛЯХ Часть 1

Я сижу здесь и жду: вокруг меня старые разбитые скрижали, а также новые, наполовину исписанные. Когда же настанет час мой? Час моего нисхождения, час заката моего: ибо снова хочу я идти к людям.

Пока еще жду я: ибо тому, что час мой настал, должно предшествовать знамение —

смеющийся лев со стаей голубей.

В ожидании я говорю сам с собой, как тот, у кого достаточно времени. Никто не рассказывает мне ничего нового: вот я и расскажу сам себе — о себе.

Когда пришел я к людям, то обнаружил, что восседают они на старом предубеждении своем: все верили, что давно уже знают, что есть для человека добро, и что — зло.

Чем-то отжившим и утомительным казался им спор о добродетели, а тот, кто хотел хорошенько выспаться, разглагольствовал перед сном о "добре" и "зле".

Эту сонливость встряхнул я, когда начал учить: никто еще не знает, что есть добро и зло, никто, кроме созидającego!

Созидает же тот, кто придает земле смысл и дарует ей будущее, а человеку — цель; он же и создает добро и зло.

И велел я им опрокинуть их старые кафедры и все, на чем восседало их чванливое самодовольство; я велел им смеяться над всеми их учителями добродетели, поэтами, святыми и избавителями от мира.

Я велел им смеяться над мрачными их мудрецами и над всеми, кто когда-либо сидел на древе жизни, подобно черному пугалу...

...и смеялся я над их прошлым и его сгнившим, развалившимся великолепием.

Поистине, подобно безумцам и проповедникам покаяния, излил я гнев свой на все, что было у них великого и малого: "Лучшее их ничтожно, плохое и дурное их ничтожно!" — так смеялся я.

Криком и смехом изливалась из меня мудрая страсть моя, дикая мудрость моя, в горах рожденная! Высочайшая страсть моя, шумящая крыльями!

И часто, когда я смеялся, она внезапно увлекала меня вдаль и ввысь: и летел я, трепеща, как стрела, в напоенном солнцем восторге:

— туда, в далекое будущее, которого не видела еще ничья мечта, на Юг, столь знойный, что и не снился художникам; туда, где боги, танцуя, стыдятся всяких одежд;

— так говорю я сравнениями, запинаясь и хромя, как все поэты: поистине, стыжусь я того, что приходится мне быть еще и поэтом!

Туда, где всякое становление казалось мне божественным танцем и дерзким весельем, а мир — разрешенным от уз и свободным, стремящимся снова и снова к себе самому...

— где само время казалось мне блаженной насмешкой над мгновениями, где необходимостью была сама свобода, блаженно игравшая жалом своим:

— где нашел я и старого дьявола своего, и извечного врага — Духа Тяжести со всем, что создал он — Насилием, Законом, Необходимостью, Следствием, Целью, Волей, Добром и Злом...

В последний раз иду я к людям: среди них хочу я свершить закат свой и, умирая, дать им свой самый богатый дар!..

...Так говорил Заратустра.

Заратустра верит лишь в одну религию: религию эволюции. Естественно, если эволюция — религия жизни, то ее принципом должно быть изменение — постоянное изменение. Все религии зависят от вечных и неизменных ценностей; их ценности определены раз и навсегда.

Жизнь непрерывно изменяется; их ценности статичны и теряют связь с существованием. Это создает в человеческом уме огромное напряжение. Если он придерживается этих ценностей, он перестает быть современным; он больше не соприкасается с живым источником жизни. Если он не следует им, он чувствует вину, он чувствует себя безнравственным, он чувствует себя нерелигиозным. И тогда его охватывает страх.

Поэтому человек все время колеблется между жизнью и так называемыми вечными ценностями. Где бы он ни был, все он делает вполсердца. Где бы он ни был, он несчастен - ибо радость рождается лишь тогда, когда вы живете с полным сердцем.

Радость — не что иное, как аромат полного сердца, а несчастье — порождение сердца, расщепленного на части, разбитого на фрагменты.

По мнению Заратустры, есть только одно неизменное, и это — само изменение. Все меняется, кроме изменения. И сознание человека будет отвечать на каждую перемену — не в соответствии с какими-то застывшими ценностями, но в соответствии с его бдительностью, сознательностью, в соответствии с его спонтанностью.

В видении Заратустры спонтанность должна играть очень фундаментальную роль. Если ценности не фиксированы, то единственным источником, из которого вы можете почерпнуть ценности, будет ваш спонтанный ответ реальности, в которой вы находитесь. Он будет свежим и новым; и не нужно чувствовать никакой вины. Вы должны жить сейчас. Люди, который жили пять тысяч лет назад, не имели никакого представления о том, какой будет жизнь в будущем. Они определяли свои ценности соответственно своему времени.

Например, четырнадцать столетий назад родился ислам, и он родился в великой Аравийской пустыне. В Аравии была проблема: женщин там было в четыре раза больше, чем мужчин, потому что мужчины постоянно воевали друг с другом, сражались друг против друга, убивали друг друга. В результате женщин оказалось в четыре раза больше, и это превратилось в серьезную проблему для общества. Таково было положение, и реакция Мухаммеда была очень спонтанной. Он решил, что каждый мусульманин может иметь четыре жены. Но мусульмане во всем мире до сих пор настаивают, что им следует иметь четырех жен. Положение изменилось: число мужчин и женщин сравнялось. И настаивать: "Поскольку в наших религиозных писаниях разрешено иметь четыре жены..." Делать из этого вечный закон — явная глупость.

Но такова ситуация во всех религиях. Они правильно отвечали своему времени, но время не останавливается. Жизнь — текущая река. Она вступает в новые районы, новые территории, она охватывает новые возможности, и она должна быть к ним бдительной.

Нельзя жить согласно прошлому.

Это одно из главных учений Заратустры: нужно жить согласно настоящему, осознавая будущее. И следует помнить: то, что правильно для меня, правильно не для всех, и то, что правильно для меня сегодня, не обязательно будет правильным завтра. Наши ценности должны соответствовать жизни — а не наоборот.

В тот момент, когда вы пытаетесь привести жизнь в соответствие со своими ценностями, вы становитесь разрушителем жизни, жизнеотрицающим. А разрушить жизнь - значит разрушить себя. Тогда вашим уделом будет несчастье.

Заратустра говорит: Я сижу здесь и жду: вокруг меня старые разбитые скрижали, а также новые, наполовину исписанные.

Жизнь меняется так быстро, что к тому времени, когда вы написали законы, они уже устаревают. Вот почему Заратустра говорит: Я сижу здесь и жду: вокруг меня старые разбитые скрижали, а также новые, наполовину исписанные.

Почему наполовину? Потому, что к тому времени, когда вы их допишете, они будут уже неактуальны. Нужно жить спонтанно, а не соответствовать каким-то писанным законам. Нужно взять ответственность целиком на свои плечи.

Он не может сказать... потому что это было написано Ману пять тысяч лет назад, или Моисеем четыре тысячи лет назад, или сказано Иисусом два тысячелетия назад. Возможно, это было правильно в то время, когда утверждалось, но теперь все эти скрижали законов

разбиты. А новые написаны наполовину. Новые скрижали никогда не будут дописаны. К тому времени, когда они будут дописаны, они станут старыми, их разобьют и бросят в ту же кучу, что и старые.

Когда же настанет час мой? Он говорит: "Я жду". Чего?

— жду своего часа... час моего нисхождения, час заката моего: ибо снова хочу я идти к людям.

Теперь, пожив в горах, в уединении, его видение прояснилось, и также ему стало яснее человеческое невежество. Он чувствует, что появилась возможность; может быть, он сможет принести какой-то свет в темную ночь человечества.

Пока еще жду я: ибо тому, что час мой настал, должно предшествовать знамение. Он очень чувствительный человек. Он хотел бы дождаться точного времени — когда его смогут услышать, когда его смогут понять. Как ему узнать, что пришел его час?

Есть символ, который возвестит этот час: смеющийся лев со стаей голубей.

Когда лев засмеется вместе с невинными голубками — мое время пришло. Когда лев сможет играть с невинными детьми — мое время пришло. Другими словами, согласно его категориям, верблюд становится львом, когда он восстает против рабства, и лев становится ребенком, когда он дорастает до невинности.

И пока человечество не достигнет этой невинности, для него невозможно понять Заратустру.

В ожидании говорю я сам с собой, как тот, у кого достаточно времени. Никто не рассказывает мне ничего нового: вот и я расскажу сам себе — о себе. Он один; в горах нет больше никого. Он рассказывает самому себе — возможно, для того, чтобы услышать слова ясно, ибо вскоре он будет говорить это людям. Он отшлифовывает слова, оттачивает их, делает их рациональнее, понятнее, человечнее.

Когда пришел я к людям, то обнаружил, что восседают они на старом предубеждении своем: все верили, что давно уже знают, что есть для человека добро, и что — зло. Это его первая атака на человеческие представления о морали, о добре и зле — что человек... восседают на старом предубеждении своем. Каждый думает, что уже знает, что правильно и что неправильно, что такое добро и что такое зло. Вы можете увидеть это в самих себе, вы можете увидеть это вне себя.

Вы можете пройти весь свет и обнаружите, что все люди - знатоки, без всякого сомнения, поскольку эти старые ценности достались им в наследство. Каждое поколение передает свои обманы новому поколению. Они называют это мудростью. Но то, что вчера было мудростью, сегодня — просто нонсенс.

Если вы хотите, чтобы ваши дети были мудрыми, никогда не давайте им мудрость. Если вы хотите, чтобы у ваших детей были ясные представления о жизни и спонтанная реакция на ситуации и людей, не нагружайте их идеями о добре и зле, ведь они не будут жить в ваше время — и вы не можете вообразить, в какое время они будут жить, в какой ситуации они окажутся.

Все, что в ваших силах — это сделать их более разумными, сделать их более alertными, сделать их более сознательными, более любящими, более тихими, чтобы всегда и везде их реакция исходила из тишины, любви и бдительности; это будет добро. Не говорите им, что такое добро, но научите верным средствам распознавать, что хорошо для разных ситуаций.

Но до сих пор налицо как раз обратное. Мы говорим: "Это хорошо, это плохо", — как будто время остановилось, и наши ценности останутся такими же ценностями и для следующего поколения.

Из-за этой обусловленности прошлым все живут со своим старым предубеждением —

что они уже знают. И такое положение — самое опасное. Когда вы не знаете, но убеждены, что уже знаете, все двери к поиску и исследованию закрыты. Вы вообще не спрашиваете; это не нужно. Вы уже знаете ответ.

Каждого ребенка вместе с молоком матери кормят ответами. Он еще не задал вопроса, а вы даете ему ответ. Прекрасно зная, что ему придется столкнуться с другими вопросами — не теми, что приходилось решать вам или вашим предкам. А поскольку он будет нагружен мертвыми, устаревшими ответами, вы с самого начала превращаете его жизнь в несчастье. Когда перед ним встанет вопрос, он не будет отвечать на него, он просто будет повторять старый ответ — который не решит проблему.

Мне вспомнилась одна великая женщина, Гертруда Штайн. Если бы она жила на Востоке, она стала бы просветленной. Это можно сказать абсолютно уверенно. Ее стихи парят так высоко, что целое совсем рядом. Ее озарения настолько чисты, что еще один шаг, и она могла бы стать Гаутамой Буддой или Заратустрой.

Гертруда Штайн умирала. Все ее друзья собрались рядом; вдруг она открыла глаза и посмотрела по сторонам. Был вечер, темнело, и все было очень печально. Она спросила:

— Так каков же ответ? Перед смертью я хочу узнать ответ.

Они были озадачены, поскольку не знали, каким был вопрос. Как же можно сказать ответ?

Несколько мгновений было тихо, а затем один очень близкий ей человек спросил:

— Штайн, ты спрашиваешь нас: "Каков ответ?" Но ты не спросила: "Каков вопрос?"

Сначала скажи нам вопрос.

И вот последние слова умирающей — с закрытыми глазами она произнесла:

— Хорошо, у меня мало времени. Так скажите мне: каков же вопрос? — и она умерла.

Никто не знает, каким был ее вопрос; никто не знает, как найти ответ на вопрос, которого вы не знаете. Но эта ситуация очень значительна. Возможно... это очень часто происходит с людьми, умирающими сознательно: в момент смерти они вспоминают самое раннее детство. Они уходят из жизни и вспоминают время, когда пришли в нее.

Я раздумывал над этим странным диалогом между Гертрудой Штайн и ее друзьями. Кое-что мне стало ясно. Она спрашивает: "Каков ответ?" — потому что каждому ребенку дается ответ. Это первый опыт каждого ребенка. Никто не спрашивает у них: "Каков вопрос?" Никого не интересует, что ребенок не задавал вопроса. Люди постоянно пичкают ребенка ответами, а он настолько невинен и доверчив, что принимает эти ответы.

Возможно, она вспомнила эти первые мгновения, когда кто-то дал ей ответ, хотя она не задавала вопрос, и с тех пор она хранит этот ответ. Но в момент смерти вы должны оставить все, что узнали за свою жизнь; вы снова должны стать ребенком.

Но поскольку друзья настаивали: "Мы должны знать вопрос, только тогда сможем ответить", — она сказала:

— "Хорошо. Тогда скажите мне, каков вопрос", — потому что у ребенка нет вопросов. А мы так спешим воспитать детей, что нисколько не беспокоимся, есть у них вопросы или нет.

Маленький мальчик спросил отца:

— Папа, скажи мне одну вещь: откуда я?

Отец слегка смутился, потому что ему предстояло изложить всю историю полового размножения. Однако он собрался с духом — ведь именно это говорят современные специалисты: детям следует рассказывать об этом; все психологи согласны в том, что ребенку следует рассказать об этом, когда он спросит. Так что он отложил все дела и поведал сыну обо всех тех упражнениях, который проделал вместе с его матерью, и про то, как через девять месяцев жизни в ее утробе мальчик появился на свет.

Ребенок посмотрел на отца как на психа и сказал:

— Пап, что за бред ты несешь? Мой вопрос был очень прост. Мой дружок Джонни сказал мне, что он из Нью-Джерси. Я хотел узнать, откуда я. Ты теряешь свое время и мое тоже, и говоришь мне какие-то глупости.

Мы так спешим дать детям ответы, что никогда не вникаем глубже в их вопросы. Есть ли вообще какие-то вопросы или нет? Терпеливой матери или отцу следует подождать. Но нет, ребенок рождается, и его тут же надо крестить как христианина. Это означает, что вы даете ему все ответы, имеющиеся в христианстве. Или нужно совершить ему обрезание, и тогда вы даете ему все ответы, имеющиеся в иудаизме. Или нужно инициировать его в индуизм, буддизм или мусульманство, у всех есть свои обряды. Но это начало ответов.

Никто не спрашивает ребенка. И это даже не время для вопросов, ведь ребенок не может ничего ответить — он совсем новичок, он только что появился на свет. Он не умеет говорить; он ничего не знает о мире. Его не интересует, кто создал мир. У него нет никакого представления: "Что за Бога вы имеете в виду?"

Этот мир полон ответов. Голова любого человека полна ответами на вопросы, которых вы в действительности не задавали. Вот почему я называю ваши знания мусором. Сначала в вас должен родиться вопрос. И на этот вопрос не может ответить никто другой; вы сами должны найти ответ. Лишь тогда, когда ответ — ваш, в нем есть истина. Если он дан кем-то, он стар, он гнилой, отвратительный. Ваш собственный поиск принесет вам свежий ответ. Но люди сидят на своих старых предубеждениях.

Все верили, что давно уже знают, что есть для человека добро, и что — зло.

Чем-то отжившим и утомительным казался им спор о добродетели, а тот, кто хотел хорошенько выспаться, разглагольствовал перед сном о "добре" и "зле".

Все разговоры о добродетели казались им ненужным и пустым делом. Конечно, поиск обойдется вам не так дешево, гораздо дешевле просто получить знания от старшего поколения, совершенно забыв, что это не ваше знание.

Но нельзя смотреть чужими глазами, нельзя слушать чужими ушами и нельзя чувствовать чужим сердцем.

Неужели вы думаете, что можно узнать истину с чужих слов? Нет, само ваше существо должно встретиться с истиной — точно так же, как ваши уши должны услышать музыку, а ваши глаза должны увидеть свет, цветы, радугу и звезды.

Но в вопросах истины, добра, морали, религии мы предоставляем другим воспитывать нас. Самое важное в жизни заимствуется. А все заимствованное становится неистинным, поскольку у истины есть некое основное условие, изначально присущее. Вот оно: истину нужно сначала пережить.

Никто не хочет, чтобы ему мешали спать. Приятно принять старое и спать дальше.

Поиски и исследования могут потревожить ваш сон. Они, безусловно, помешают вам спать, потому что сделают вас более сознательным, а не более сонным. Человек, каков он есть, пребывает почти в коме относительно всего великого в жизни. Он просто воспринял — это было так легко и дешево; не нужно было никаких усилий с его стороны.

Эту сонливость встряхнул я, когда начал учить: никто еще не знает, что есть добро и зло, никто, кроме созидающего!

Заратустра говорит: "Я потревожил этих людей и их сон, их дремоту, ибо сказал им, что никто еще не знает, что есть добро и зло, кроме созидающего".

Пока ваша душа не созидает, вы не узнаете, что есть добро и что есть зло. Почему, чтобы знать, необходим творческий дух? Потому, что все помогающее вашему творчеству есть добро; это божественное. А все, что мешает вашему созиданию — зло. Других критериев

нет. Все, что помогает актуализации вашего таланта — добро; все, что замедляет ваше развитие и оставляет вас пигмеем — зло.

Как бы ни был мал человек, в нем спит великан. Творчество пробуждает этого гиганта. Созидая что-то — все что угодно: музыку, стихи, танец — созидая, вы становитесь частью вселенной, которая постоянно творит.

Нет другого моста с вселенной, кроме творчества. Если вы просто произрастаете, ничего не созидая... миллионы людей проживают всю жизнь, ничего не создавая, они не созвучны вселенной. Быть созвучным вселенной — добро, это здоровье; выпасть из созвучия с вселенной — это зло, болезнь.

Созидает же тот, кто придает земле смысл и дарует ей будущее, а человеку — цель; он же и создает добро и зло.

Вещи сами по себе не хороши и не плохи. Все зависит от вас — как вы пользуетесь ими. Заратустра говорит это очень ясно: созидает тот, кто дает цель человечеству. Цель для человечества можно создать только создавая цель для самого себя. Вы можете стать стрелой, летящей к цели — далекой звезде. Увидев ваш полет, многие люди, никогда не считавшие себя стрелами, могут загореться этой идеей.

Тот, кто придает земле смысл. Придаете ли вы земле смысл? Сделали ли вы землю хоть немного прекраснее, чем раньше? Сделали ли вы жизнь немного изящнее? Отдали ли вы чуть больше любви деревьям, горам, рекам? Внесли ли вы какой-нибудь вклад в богатство земли — умножили ли вы ее славу, ее гордость? Разрушитель вы или созидатель?

Адольф Гитлер — зло, ибо он отнял у земли нечто значимое и уничтожил его. Он уничтожил в газовых камерах шесть миллионов евреев и миллионы других людей. За несколько секунд миллионы людей превращались в газовых камерах в дым. А всего во Второй мировой войне погибло пятьдесят миллионов человек — и за все это отвечает один человек, Адольф Гитлер. Человек, который был причиной смерти пятидесяти миллионов, неизбежно должен создать миллионы вдов, миллионы сирот, миллионы проституток и миллионы нищих. Вот что такое зло.

Но даже маленький человек, который не оставит в истории никакой памяти, — если он создает красивый сад, в котором цветут розы, куда залетают ветры и уносят аромат по неизвестным адресам, умножает красоту земли, дает ей смысл. Человек, в одиночестве играющий на гитаре, делает землю более музыкальной. Танцор дает земле величие своего танца.

Заратустра дает совершенно новые критерии добра и зла, и это самые лучшие критерии из когда-либо существовавших: придать смысл жизни, придать смысл земле, придать смысл будущему.

...он же и создает добро и зло. Вы творцы. Это зависит от вас. Я не думаю, чтобы кому-нибудь понравилось быть злом. Слово зло — просто метафора; никому не хочется быть разрушителем. Но по незнанию мы все разрушаем множество вещей.

Один из моих садовников написал мне письмо. Он приносит глубочайшие извинения. Он подумал, что одно дерево умерло, и срубил его. Срубив его, он обнаружил, что оно не умерло. Сердцевина дерева еще жила. Возможно, оно ждало новых листьев; старые листья могли облететь.

Он написал мне письмо: "Я садовник, я срубил тысячи деревьев, но никогда не испытывал такого беспокойства. Я никогда не чувствовал, что совершаю какое-то зло, но сегодня я плачу оттого, что убил нечто живое; хотя и без злого умысла — но это не имеет значения. Это дерево готовилось распуститься новой листвой, новыми цветами, это дерево могло бы танцевать на ветру, под дождем и солнцем; я его убил. Я приношу вам свои извинения, потому

что единственное, чему я здесь научился — это уважение к жизни. И мне впервые больно оттого, что я убил нечто живое".

Дело только в вашем осознании. Созидайте, и вы религиозны. Неважно, что вы христианин, индуист или мусульманин. Все это пустые ярлыки; вам следовало бы давным-давно выбросить их. Не нужно быть христианином, не нужно быть индуистом; вы должны быть только творцом: человеком, который делает жизнь значительнее, который делает эту планету красивее, который исполнен уважения к жизни, который распространяет вокруг себя вибрации любви. Это истинная религиозность.

И велел я им опрокинуть их старые кафедры и все, на чем восседало их чванливое самодовольство; я велел им смеяться над всеми их учителями добродетели, поэтами, святыми и избавителями от мира.

Человеческое прошлое — почти сплошной кошмар. Величайшим добром будет, если мы сможем изменить будущее - сделать его не кошмаром, но превратить самые прекрасные стремления человеческого сердца в реальность. Если мы сможем сделать будущее страной мечты, раем... стараясь творить это будущее, мы будем щедро вознаграждены — не в некоей потусторонней жизни, но в самом акте творения, в самой деятельности, придавая планете новый смысл и красоту.

Я велел им смеяться над их мрачными мудрецами и над всеми, кто когда-либо сидел на древе жизни, подобно черному пугалу. Кем были ваши святые? — мрачные, печальные и делающие вас такими же мрачными и печальными. Они разучились петь и ненавидят вас за то, что вы еще умеете петь. Они осуждают вас как грешников. Они отреклись от жизни и завидуют вам, потому что вы еще живы и еще любите. Они мстят вам не только называя вас грешниками, но еще и бросая вас в ад на веки вечные — вы будете страдать вечно. И они были вашими святыми.

Заратустра прав, эти святые сидят подобно черным пугалам, осторожно, на древе жизни, говоря: "Не живите, не любите, не пойте, не радуйтесь, не танцуйте". Если вы хотите быть по-настоящему религиозными, самое лучшее для вас - умереть. Если вам уж очень хочется продолжать дышать, дышите, но будьте мертвы. Не должно быть ни единого признака жизни. Ни единого следа радости в глазах. Вот самое лучшее: выройте могилу и лягте в нее, и многие века вас будут почитать как великого святого.

Самоубийцам поклоняются как святым, а людей, в которых вся слава земли, осуждают. Но так было в прошлом. В настоящем это не нужно, и это определенно должно измениться в будущем.

И смеялся я над их прошлым и его сгнившим, развалившимся великолепием.

Поистине, подобно безумцам и проповедникам покаяния, излил я гнев свой на все, что было у них великого и малого: "Лучшее их ничтожно, плохое и дурное их ничтожно!" — так смеялся я.

Вы интересовались когда-нибудь, что великого в ваших святых? Кто-то умеет поститься тридцать дней подряд — неужели вы думаете, что это нечто созидательное? Кто-то стоит на голове — неужели вы думаете, что это нечто прекрасное? Кто-то лежит на гвоздях — вы считаете, этот человек придает жизни больший смысл? Люди убегают от мира в пещеры, в далекие горы. Эти беглецы — вы считаете их созидателями? Они трусы. Они не смогли бы выстоять перед жизнью; они боялись поражения, они боялись стать побежденными. Они сбежали в далекие горы. И вот что самое странное: вы поклоняетесь им; вы молитесь беглецам.

А людям, которые сражаются, чтобы сделать жизнь лучше, вообще не поклоняются. Никто их даже не поблагодарит. Ваши так называемые святые всех религий, в прошлом, были

просто лишним грузом на земле, и они паразитировали на человечестве. Этого больше не должно быть.

Криком и смехом изливалась из меня мудрая страсть моя, дикая мудрость моя, в горах рожденная! Высочайшая страсть моя, шумящая крыльями! Мудрость всегда дика. Она не рождается в университетах. Я много времени провел в университетах и никогда не видел, чтобы кто-нибудь стал мудрым в университете. Да, люди становятся образованными. Они становятся компьютерами — они запоминают всевозможную чепуху — но что касается мудрости, если вы ищете ее в университете, то вы пришли не в то место.

Мудрость дика, знание — ручное. Но что имеет в виду Заратустра, когда говорит, что мудрость дика? Он имеет в виду, что пока вы не освободитесь полностью от общества и его пут, пока окончательно не перестанете бояться его осуждения... потому что это лишит вас всякого уважения, это принесет вам всевозможные неприятности; это сделает вашу жизнь невозможной.

Как раз на днях я получил письмо от друга из Дели, в котором говорится, что американское правительство все еще настаивает на том, чтобы мне заткнули рот.

Но пока я жив, никто не заставит меня молчать. И конечно, распятие несколько устарело. Но они всячески стараются, чтобы мои книги не доходили до читателей, чтобы мои слова не печатались в газетах.

Спикер верхней палаты индийского парламента сказал: "Я удивлен: почему газеты распространяют его взгляды?" И это демократия, где свобода слова считается одним из самых важных прав. Америка — страна великой демократии. Одна демократия говорит другой демократии, что мне нужно заткнуть рот.

Мой друг испугался. Он поинтересовался:

— Что это значит? Это значит, что его нужно убить? Это что, пароль — "Ему нужно заткнуть рот?" Офицер ответил:

— Я не уполномочен уточнять, что это значит.

Если вы хотите быть мудрым, если вы хотите быть понимающим, вы неизбежно должны стать бунтовщиком, потому что вам придется сражаться против стольких предрассудков, стольких глупых представлений, которые люди считают высшей истиной, что вы всех будете раздражать. Вы должны позволить себе абсолютную свободу от прошлого, от всего наследия человечества. Именно это сделает вас диким.

Вам придется стать самостоятельным — без всякой поддержки. Вы будете одиноки, но в этом есть великое счастье, и это — ключ к ясному видению. Это не только освобождает вас от оков общества; это освобождает вас для более великой, вселенской жизни, для вечной жизни.

...дикая мудрость моя! Высочайшая страсть моя, шумящая крыльями! Знание тяжело; оно подвластно закону тяжести. Мудрость делает вас легким. Легким настолько, что вы можете летать в открытом небе.

И часто, когда я смеялся, она внезапно увлекала меня вдаль и ввысь: и летел я, трепеща, как стрела, в напоенном солнцем восторге. Только дикий, абсолютно свободный разум знает радость стрелы ...в напоенном солнцем восторге:

— туда, в далекое будущее, которого не видела еще ничья мечта, на Юг, столь знойный, что и не снился художникам; туда, где боги, танцуя, стыдятся всяких одежд.

Истинно разумная человеческая раса будет стыдиться что-нибудь скрывать. Каждый человек будет открытой книгой. Нет необходимости прятаться.

Ваши одежды — не просто защита для тела; по крайней мере, сначала их не было — ведь все животные, птицы, все деревья могут жить без одежды, и человек тысячи лет жил без

одежды. Возможно, сейчас трудно было бы отказаться от нее, потому что тело уже привыкло, и одежда ослабила его. Одежда защищает его, а все защищенное становится слабым. Она оберегает его от перемен погоды, и тело стало зависеть от одежды.

Но в будущем должна быть возможность, когда вы можете побыть без одежды — на морском берегу, в горах, в прекрасном лесу или красивом саду у вашего дома... Подлинный человек, если он может танцевать, будет стыдиться одежды.

Заратустра говорит: "Неминуемо придет то время, когда боги, танцуя, будут стыдиться всяких одежд". Только не в Пуне! Пуна — исключение. Она останется в могиле прошлого; она не станет садом будущего.

Так говорю я сравнениями, запинаясь и хромая, как все поэты; поистине, стыжусь я того, что приходится мне быть еще и поэтом!

Почему Заратустра говорит, что ему стыдно быть поэтом? Потому, что поэзия делает вещи прекраснее, чем проза. Но эта красота основана на лжи.

Поэты слишком много лгут. Фактически, безо лжи поэзия превратится в прозу. А почему ему еще приходится быть поэтом? Потому, что истину нельзя высказать в прозе. Проза слишком обыденна. Она хороша для рынка. Покупая овощи на рынке, не говорите стихами; иначе подумают, что вы сумасшедший.

Но для разговора об истине, о красоте, об экстазе, для разговора обо всем священном поэзия представляется единственной возможностью. Проза слишком обыденна, а без прозы остается только поэзия.

Третьей альтернативы нет. Люди пытались использовать и третье, но это на самом деле нельзя назвать настоящей альтернативой: люди оставались безмолвными, пытались общаться через тишину. Но, к сожалению, очень трудно найти человека, способного понимать тишину. И тот, кто умеет понимать тишину, не нуждается в вас. Он обретет собственную дикую мудрость.

Так что поэзия — нечто среднее между тишиной и прозой; это смесь тишины и прозы.

Ему стыдно, что он не может высказать истину в ее абсолютной чистоте. Ее приходится загрязнять поэтическими формами.

Туда, где всякое становление казалось мне божественным танцем и дерзким весельем, а мир — разрешенным от уз и свободным, стремящимся снова и снова к себе самому.

Туда, где само время казалось мне блаженной насмешкой над мгновениями, где необходимостью была сама свобода, блаженно игравшая жалом своим:

— где нашел я и старого дьявола своего, и извечного врага - Духа Тяжести со всем, что создал он — Насилием, Необходимостью, Законом, Следствием, Целью, Волей, Добром и Злом.

Все это — результаты действия Духа Тяжести.

В последний раз иду я к людям... Прекрасно зная, что человек живет под властью Духа Тяжести — цепляясь за низшие ценности, цепляясь за трупы, привязанный к прошлому — все же: В последний раз иду я к людям: среди них хочу я свершить закат свой и, умирая, дать им свой самый богатый дар! Прежде чем я умру, я хочу дать им свой самый богатый дар: свою дикую мудрость.

Тот, кто познал, чувствует определенную потребность поделиться с теми, кому не так повезло. Тот, кто обрел внутренние сокровища, хочет поделиться ими с теми, кто еще просит подаяние снаружи и не ищет внутри.

Перед смертью Заратустра хочет отдать человечеству свой самый богатый дар, свою мудрость.

... Так говорил Заратустра.

О СТАРЫХ И НОВЫХ СКРИЖАЛЯХ часть 2

16 апреля 1987 года

Возлюбленный Ошо,

О СТАРЫХ И НОВЫХ СКРИЖАЛЯХ

Часть 2

Когда на воде укреплены сваи, когда через поток перекинута мостки и перила, поистине, никто не поверит тому, кто скажет: "Все течет".

Но даже круглый дурак возразит ему: "Как? — скажет он, — как это — все течет? Ведь и мост, и перила - над потоком!

Над потоком — все неподвижно и крепко, все ценности всех вещей, мосты, понятия, все "добро" и все "зло": все это — прочно!"

Когда же приходит, зима, укротительница рек, то и умнейшие проникаются недоверием; и поистине, не только глупцы тогда вопрошают: "Не пребывает ли все — в покое?"

"В основе своей все неподвижно", — вот подлинно зимнее учение, подходящее для бесплодного времени, хорошее утешение для лежебок и подверженных зимней спячке.

"В основе своей все неподвижно", — но против этого проповедует ветер в оттепель!..

И вот, братья мои, не все ли течет теперь, подобно потоку? Не все ли мосты и перила попадали в воду и сгнули? Кто еще держится там за "добро" и "зло"?..

"Ты не должен грабить! Ты не должен убивать!" - некогда слова эти провозглашались священными; перед ними склоняли колени и головы и снимали обувь.

Но я спрашиваю вас: были ли во всем мире более страшные разбойники и убийцы, нежели эти святые слова?

Разве мало в самой жизни убийств и разбоя? И для того, чтобы стали священными эти слова, не пришлось ли убить саму истину?

Или же это было проповедью смерти — провозглашать священным то, что противоречит и противоборствует всему живому?

О, братья мои, разбейте, разбейте старые скрижали!..

...Так говорил Заратустра.

Заратустра был современником Гераклита и Гаутамы Будды. Странное совпадение, что все три этих великих учителя проповедовали в основе своей одинаковое отношение к жизни: жизнь — это поток, все постоянно изменяется, а то, что не меняется, мертво. Изменение — самый дух жизни; постоянство — признак смерти.

Это противоречит всем старым традициям и противоречит всем другим традициям, рожденным после Заратустры. Все они верили в постоянство. Для них изменение — качество сна, а постоянство — качество реальности: то, что меняется, нереально, а то, что всегда одинаково, реально. Все учителя мира, религиозные и философские, согласны в этом вопросе и против этих троих.

Но я на стороне Заратустры, Гаутамы Будды и Гераклита — потому что научные достижения трех столетий подтвердили, что правы они, а не вся эта толпа философов, святых и теологов всего мира.

Наука подтверждает слова Заратустры — а также Гаутамы Будды и Гераклита. Конечно, в те времена над ними смеялись. Они говорили нечто против толпы, против всего долгого прошлого, против всех мыслителей и против определенного желания человеческой психологии: человек хочет, чтобы все оставалось неизменным. Это нужно помнить. Человек боится перемен. Он боится перемен, ибо никто не знает, что принесут перемены.

Вам хорошо известно то, что не изменяется; вы знаете, как с этим быть. Вы всему научились. Вам легко с неизменным; оно уже не чуждо вам, знакомо.

Но если жизнь будет непрерывным потоком, изменяющимся каждое мгновение, то это значит, что вы всегда можете столкнуться с неведомым. Это создает глубокий страх, потому что вы не будете заранее готовы встретить его. Вам придется отвечать спонтанно. Это проблема.

Спонтанность требует бдительности, требует определенной глубины сознания — ибо если жизнь меняется каждый миг, то вы должны каждый миг быть готовы отреагировать на неизвестное, незнакомое, чуждое. К этому нельзя подготовиться, потому что вы не знаете, что случится завтра. У вас не будет репетиции; это не спектакль.

Эти три мыслителя обладали огромным даром харизматического влияния, поэтому они при жизни оказали сильное влияние на интеллигенцию. Но стоило Будде умереть, как буддизм исчез из Индии совершенно, абсолютно. Индийцы все время похваляются, что их страна — земля Гаутамы Будды. Но никто не обращает внимания на тот факт, что как только Будда умер, все его влияние исчезло. Вернулись старые ценности.

Будда дал идею изменяющейся жизни; он дал идею спонтанности и постоянной alertности — ибо вы никогда не знаете, с чем встретитесь. Он перевернул шкалу ценностей вверх дном. Но стоило ему умереть, и все его влияние исчезло. Восток весь буддийский, за исключением Индии, родины Будды.

Гераклит упоминается в истории философии, но ему не придается то значение, которого он заслуживает: ведь на Западе он единственный, кто сегодня получил подтверждение от современной науки. Ни Платон, ни Аристотель, ни Декарт, ни Кант, ни Гегель — никого из них не поддерживают открытия современной науки.

Самое незнакомое имя, Гераклит... в те дни его никто не слушал. Заратустру вообще не слушали. Это странно: когда говорят истину, никто с ней не соглашается.

Ложь всегда сладка. Ложь очень удобна и комфортна. Истина бескомпромиссна. Вам придется измениться, чтобы соответствовать истине; истина не изменится ради вашего удобства. Ложь ведет себя применительно к обстоятельствам: она готова изменяться. Вот почему ложь всегда повелевала человечеством, а истину распинали.

Ложь венчали коронами, а истину осуждали на смерть.

Положение нисколько не изменилось; все осталось как прежде. Скажите правду, и все ополчатся против вас. Скажите правду, и вы взбесите всех этих людей, которым было очень комфортно в их лжи. Вы потревожили их покой, вы нарушили их сон, вы помешали их сладким грезам.

Даже спустя двадцать пять веков человек, похоже, все такой же ребенок — никакой зрелости не появилось. Человек еще не повзрослел.

Озарение Заратустры необходимо понять, ибо это станет будущей религией человека. Наука будет все более и более корениться в человеческом сознании. До настоящего времени мы могли пользоваться наукой лишь в исследовании объективного мира. Недалек тот день, когда наука начнет двигаться и исследовать субъективное в человеке — его внутренний мир.

Сколько можно избегать себя?

Сколько могут ученые трудиться над объектами и забывать о сознании? Сколько могут ученые отвергать себя и продолжать работу на нивах химии, физики, биологии и геологии? Рано или поздно они должны задуматься об этом. "Кто это сознание внутри меня? Кто я?" — спросят они. Уже поздно; им следовало бы уже задаться этим вопросом раньше.

И величайшие ученые уже начали ощущать беспокойство по поводу того, что они так много энергии посвящают исследованию объектов и не уделяют ни малейшей частички своего

таланта собственному бытию.

Альберт Эйнштейн умирал, и перед смертью кто-то спросил его:

— Я уверен, если вы родитесь снова, вы захотите снова стать физиком, ведь никто не занимался столько исследованием материи, и никто не сделал столько открытий в области материи, сколько сделали вы.

Казалось бы, это логично: если бы ему дали другую жизнь, он захотел бы снова стать физиком, потому что осталось еще так много неисследованного. Но Эйнштейн ответил:

— Простите меня. Извините, но я не могу согласиться с вашим предположением. Если мне будет дана другая жизнь, я скорее стану водопроводчиком, чем физиком — потому что мне нужно время на исследование самого себя. Я потратил одну жизнь, и что в результате? Хиросима и Нагасаки. Я поставил всю свою жизнь на карту ради открытия атомной энергии, которая лежит в основании всякой материи, и я чувствую свою вину за Хиросиму и Нагасаки. Из-за меня погибли миллионы людей. А с той же энергией я мог бы открыть свое собственное существо и, может быть, помочь миллионам людей расцвести, прийти к зрелости, пережить прекрасные озарения — возможно, пережить высшую истину.

Прозрение Заратустры так значительно, что кажется почти невероятным, чтобы двадцать пять веков назад человек мог увидеть то, что сегодня подтверждают ученые: нет ничего стабильного, ни на один миг. Даже стена, которую вы видите позади меня — она выглядит такой прочной, неизменной — она постоянно меняется. Почему она кажется такой устойчивой? Причина очень странная: она кажется устойчивой потому, что атомы движутся с такой скоростью, что их движение невозможно увидеть.

Представьте электрический вентилятор. Чем быстрее он движется, тем труднее вам увидеть три лопасти вентилятора по отдельности. Если он вертится действительно быстро, вы увидите круглую движущуюся тарелку, без промежутков между тремя лопастями вентилятора. Но вы не можете представить, с какой быстротой двигаются электроны в этой стене. Их скорость почти невообразима. Она равна скорости света — поскольку свет состоит из чистых электронов.

Электрон движется вокруг ядра со скоростью сто восемьдесят шесть миль в секунду. И он так мал, что его нельзя увидеть невооруженным глазом. Фактически, даже с помощью научных приборов никто еще не видел электрон. Это всего лишь предположение. Он должен быть; иначе эта стена исчезла бы. Стена кажется такой устойчивой потому, что каждая ее частица движется так быстро, что это невозможно увидеть.

В мире все течет; ничто не постоянно. Но почему Заратустра, Гаутама Будда или Гераклит подчеркивают этот факт? Потому, что это повлияет на все наше отношение к морали, к религии, к нашим взаимоотношениям, к нашей жизни.

Последствия будут очень, очень далекими.

Если все изменяется, то не может быть неизменных представлений о добре и зле, не может быть никакого вечного Бога, тогда никакую ценность нельзя навязать людям навсегда, на все грядущие века. Тогда мы должны жить свободно и дать людям спонтанно отвечать ситуациям, потому что вы не можете придерживаться неизменных идеологий.

Идеологии будут сильно опаздывать, и вы всегда будете оторваны от существования. Все ваши писания потеряли смысл, поскольку они не меняются. Все ваши философии стали бесполезными, потому что жизнь все время меняется.

Все неизменное полностью теряет значение — оно неприменимо в жизни, оно должно быть перенесено из прошлого. И тогда возникает только одно, и это — осознание. Вы должны полностью осознавать все перемены, происходящие вокруг вас, чтобы не отставать. Осознавая, вы с каждой переменной тоже меняетесь. Ваши действия исходят не из застывших

идеалов; вы действуете из своего осознания данного момента.

Это значит, что нет причин для существования какой-то религии. Это значит, что нет никакого основания для существования какой-то морали. Это значит, что есть лишь одна по-настоящему важная вещь — научиться быть более сознательными, чтобы вы не выпадали из созвучия с жизнью, чтобы ваш пульс бился в гармонии с пульсом вселенной. Это единственная религия — ваш пульс в созвучии с пульсом вселенной. Это единственная духовность.

И это будет приносить вам каждый день новые озарения, свежие ценности. Это всегда будет сохранять вас чувствительными, до последнего вашего вдоха. Вы останетесь молодыми. Ваше тело может состариться, но сознание будет освежаться каждый момент — подобно тому, как река постоянно движется, течет и освежает себя; она никогда не становится грязной.

Заратустра говорит: Когда на воде укреплены сваи, когда через поток перекинута мостки и перила, поистине, никто не поверит тому, кто скажет "Все течет". Когда над рекой есть мост, естественно, если кто-нибудь скажет: "Все течет", - люди ответят: "Мы можем поверить, что река течет, но как насчет моста? Не все течет".

Это произошло на самом деле в жизни великого мистика Бодхидхармы, поскольку он был поклонником Гаутамы Будды и провидцем такого же уровня. Он проходил по мосту, и один из его последователей спросил:

— Ты часто повторяешь слова Гаутамы Будды, что все течет; а как же мост?

Бодхидхарма ответил:

— Мост меняется так же, как и река, только его изменение быстрее. Глаз не может его ухватить. Вы прекрасно знаете: однажды этот мост состарится. Если бы он не менялся, он не мог бы стать старым. Вы прекрасно знаете: однажды этот мост упадет, его придется заменить новым. Если бы он не менялся, не было бы никаких вопросов о том, что он упадет, состарится, обветшает. Он меняется. Река меняется очень медленно — вот почему вы видите это. Мост меняется так быстро, что даже для того, чтобы представить себе это, требуется великая ясность видения. Обычно это не видно.

Вы были ребенком; помните ли вы, какого числа, в каком году вы стали юношей? Вы меняетесь каждый миг, и изменение настолько постоянно, что вы не можете провести черту: такого-то числа вы стали юношей, такого-то числа достигли средних лет, такого-то числа состарились, а такого-то умерли. Но вы, безусловно, меняетесь.

Когда-то вы были так малы, что вас нельзя было рассмотреть невооруженным глазом. Вы были просто спермой в клетке яичника вашей матери. И то, и другое так крохотно - почти невидимо простому зрению. Это был ваш первый облик. Если бы вы делали настоящий альбом о своей жизни, вам следовало бы начать отсюда. Никто не смог бы узнать вас.

Затем вы начали расти, и за девять месяцев в утробе матери вы прошли все стадии, через которые прошло человечество. Все менялось быстро. От рыбы, с которой началась жизнь, до шимпанзе Чарльза Дарвина — ребенок должен пройти в материнской утробе все эти стадии. Даже если бы вам подарили вашу фотографию первого дня жизни, я не думаю, что вы узнали бы: "Это я".

Вы тоже река; все есть река. Гераклит прав, говоря: "Нельзя вступить в одну реку дважды", потому что река меняется; она никогда не бывает прежней, так как же вы можете вступить в нее дважды? Когда вы делаете второй шаг, это другая вода. Та вода уже могла достичь океана, могла уйти далеко, но это, безусловно, не та вода, в которую вы шагнули в первый раз.

Я настолько согласен с Гераклитом, что хочу сказать: вы не можете вступить в ту же реку даже однажды! — потому что когда ваша нога касается поверхности, вода внизу течет.

Когда ваша нога погружается на несколько дюймов, на поверхности течет вода. Пока ваша нога приближается ко дну, вода все время течет — это не та же вода, которой коснулась ваша нога. Дважды — слишком много; это невозможно даже однажды.

Но даже круглый дурак возразит ему. Если кто-то говорит: "Все течет", стоя на берегу реки, даже простаки, даже идиоты возразят ему.

Они скажут: "Да, мы видим, что река меняется, но как же мост, как же горы?" Но горы тоже меняются.

Ученые, работающие на Эвересте, обнаружили, что он до сих пор растет. Он до сих пор становится выше на фут каждый год. Это высочайшая в мире гора, но она очень молодая. Ее рост еще не остановился; она еще несовершеннолетняя. Она не может голосовать!

Есть старые горы, очень старые. Я много лет жил в месте, которое расположено недалеко от самой старой в мире горы, Виндхьячал — всего в тринадцати милях. Я часто ходил к этой горе. Это самая древняя из всех гор. Она первой вышла из океана; затем стали появляться другие части мира. На Виндхьячале до сих пор можно найти мертвые тела, скелеты морских животных — таких животных больше нет, даже в морях. Они существовали больше миллиарда лет назад. Возраст нашей планеты — всего четыре миллиарда лет. Виндхья, должно быть, вышла из океана несколько миллиардов лет назад. Это старейшая гора.

Гималаи очень молоды; самое старое писание Индии — это Ригведа, и там нет упоминаний о Гималаях. Это очень странно, потому что Ригведа была написана недалеко от Гималаев. Там упоминается все; как можно забыть великие Гималаи, их вечные снега? Но возможно, когда писалась Ригведа, Гималаи еще были в океане; они еще не появились.

Все течет, но даже простак возражает ему: "Как? — скажет он, — как это — все течет? Ведь и мост, и перила — над потоком!

Над потоком — все неподвижно и крепко, все ценности всех вещей, мосты, понятия, все "добро" и все "зло": все это — прочно!"

Именно это говорят священники, говорят философы: мораль, религии, наши представления о добре и зле не похожи на реку, они подобны мосту, прочны. Они похожи на горы — вечно на одном месте, они не текут как река.

Но они не знают, что горы тоже текут. Каждый день умирают сотни звезд и рождаются сотни новых. Этой планеты четыре миллиарда лет назад не было, а для вечности четыре миллиарда лет — ничто. А ученые, которые работают над проблемами Солнца, очень обеспокоены, потому что его топливо тратится каждый день, когда оно излучает свет. Его осталось, самое большее, на пять миллионов лет. А через пять миллионов лет Солнце внезапно погаснет; оно умрет. Если даже солнца рождаются и умирают, что может быть стабильно? Что вы толкуете о мостах? Что толку говорить о ценностях добра и зла? Нет ничего прочного.

Когда же приходит зима, укротительница рек, то и умнейшие проникаются недоверием; и поистине, не только глупцы тогда вопрошают: "Не пребывает ли все — в покое?"

"В основе своей все неподвижно", — вот подлинно зимнее учение, подходящее для бесплодного времени, хорошее утешение для лежебок и подверженных зимней спячке.

"В основе своей все неподвижно", — но против этого проповедует ветер в оттепель!

И вот, братья мои, не все ли течет теперь, подобно потоку? Не все ли мосты и перила попадали в воду и сгнули? Кто еще держится там за "добро" и "зло"?

Было бы полезно просто понаблюдать за тем, как нам приходилось менять представления о морали. В древности в Индии одним из самых уважаемых и почитаемых персонажей был Юдхиштхира. Его называли "царем религии". Но он играл в азартные игры. Он проиграл свое царство. Мало того, он проиграл все, что имел. В конце концов, он поставил на свою жену и

проиграл также и ее; тем не менее, он считается царем религии — высокоморальным человеком.

Могли бы вы сегодня назвать моральным человека, проигравшего свою жену? Разве жена — имущество? Разве жена - собственность? Во-первых, азартные игры не кажутся чем-то очень моральным. Во-вторых, использовать жену в качестве ставки — такое неуважение к женщинам, что этого человека сегодня явно нельзя было бы даже назвать человеком. Он был животным, он вел себя так примитивно. Но индийские писания до сих пор называют его Дхармарадж, король религии.

В древнеиндийских писаниях Богу преподносятся человеческие жертвы. Индуисты поднимают такой шум вокруг коровы; но вы будете удивлены: зарезать корову в жертву Богу было обычным делом. И не только коров и других животных — не щадили даже людей. Человеческие жертвы были широко распространены, и они считались религиозным ритуалом. Можете ли вы считать, что принести в жертву живого человека, отрубить ему голову, преподнести его плоть и кровь - это прасад, дар для Бога? И, тем не менее, этим писаниям поклоняются даже сегодня. И никто не возражает: "Эти писания нужно поместить в музей как исторические документы. Их нельзя больше рассматривать как религиозные".

Человеческое сознание стало немного утонченнее.

Вчера Анандо принесла информацию о храме в Раджастане. Это храм Матери-богини, Дурги. Это странный храм - наверное, нигде в мире нет ничего похожего. В нем тысячи крыс. И миллионы людей круглый год приходят в храм кормить этих крыс, потому что они считаются божественными существами в облике крыс. Внутри храма есть небольшой пруд, из которого крысы пьют воду, и эта вода раздается в качестве прасада людям, приходящим в храм. Считается, что тот, кто пьет эту воду, всегда будет здоровым; она лечит все болезни. Это очень распространенное суеверие.

Этих крыс нельзя убивать. Даже когда их просто называют крысами, это противно слуху людей, молящихся в храме. Это не крысы; они только притворяются крысами. Это божественные сущности, великие святые, поклонники Матери-богини Дурги, и они приняли облик крыс лишь для того, чтобы быть ближе к Матери.

Можно ли поддерживать такие суеверия в двадцатом веке? Но даже разумные, даже образованные люди ходят туда, потому что эта вода имеет целительную силу. Должно быть, это самая грязная вода в мире — ведь можно представить, что еще делают в ней крысы. И весь храм кишит крысами.

Человек не так разумен, как нам хотелось бы.

В Калькутте я посещал большой храм Матери Кали. Там даже сейчас каждый день убивают коз в жертву Матери-богине. Она кровожадна.

Наверное, вы видели изображение этой Матери-богини. На это стоит посмотреть, поскольку если такова Мать мира, то возможно, Адольф Гитлер и Рональд Рейган — ее единственные сыновья! Она сидит верхом на льве. В одной руке она держит свежесрубленную человеческую голову — из нее капает кровь. В другой ее руке окровавленный меч. На ее шее — ожерелье из человеческих черепов. Такова Мать мира!

Каждый день ей нужна кровь. И ей поклоняются в одном из самых культурных городов Индии, Калькутте. Никто не возражает: "Это отвратительно. Это бесчеловечно. Это не сострадательная, любящая Мать. Даже человеческие матери не так опасны; а это Божественная Мать!"

Но возможно, причина в том, что говорит Заратустра. В определенное время, в определенном контексте что-то могло быть важным. А может быть, это и не имело никакой важности, а было просто выдумкой, изобретением священников. И если все меняется, всем

этим Матерям-богиням, всем этим богам следовало бы сказать: "Пока, ваше время вышло. Теперь оставьте нас в покое!" День, когда человек говорит прошлому: "Пока, оставь меня одного, дай нам побыть в настоящем. Дай нам возможность быть абсолютно свободными и ответственными за наши поступки, быть сознательными, чтобы идти в ногу со временем, со всеми переменами, двигаться вместе с рекой жизни..."

"Ты не должен грабить! Ты не должен убивать!" — некогда слова эти провозглашались священными; перед ними склоняли колени и головы и снимали обувь. Почти во всех писаниях мира, во всех религиях, вы найдете нечто подобное: "Ты не должен красть. Ты не должен убивать".

Но религии убивали — убивали друг друга. Христиане убивали иудеев, мусульмане убивали христиан, мусульмане убивали индуистов, индуисты убивали мусульман. В их писаниях все время говорится об этом, они все еще почитают эти писания священными, и они все время делают прямо противоположное.

Христианская Библия говорит: "Бог есть любовь". Но христиане убили больше людей, чем любая другая религия в мире. Во имя Бога, который есть любовь, они сожгли живьем тысячи женщин — во имя Бога, который есть любовь. Должно быть, мы слепы; иначе как все это может продолжаться? Это продолжается до сих пор.

Но я спрашиваю вас, — говорит Заратустра, — были ли во всем мире более страшные разбойники и убийцы, нежели эти святые слова?

Разве мало в самой жизни убийств и разбоя?

Люди воруют под прикрытием софистики. Люди убивают под прикрытием красивых слов. Адольф Гитлер убил шесть миллионов евреев и убедил одну из самых интеллигентных стран в мире... Историки не смогли бы поверить, что страна, родившая Эммануила Канта, Гегеля, Фейербаха, Карла Маркса, Зигмунда Фрейда и Альберта Эйнштейна, поверит какому-то чокнутому Адольфу Гитлеру, что "В нашем падении, в падении Германии и в нашем поражении в Первой мировой войне виноваты евреи". Здесь нет никакой связи. Было бы столь же логично, если бы он сказал: "В падении Германии, в поражении Германии виноваты велосипеды — давайте уничтожим все велосипеды!" Это было бы так же нелепо, как уничтожение евреев. А он убедил народ одной из самых интеллигентных стран.

Кажется, нашей разумности недостаточно, чтобы защитить нас от идиотов, фанатиков, от всяких сумасшедших. Достаточно любой мелочи, и мы готовы убивать друг друга — ради прекрасных слов, красивых названий. Сейчас Россия готовится уничтожить весь мир во имя коммунизма. Интересно, задумывались ли когда-нибудь эти люди или нет: если в мире не останется людей, на что нужен коммунизм? Кого вы осчастливите им? Мертвые тела?

Конечно, все мертвые равны; они все коммунисты. Мертвое тело могло принадлежать богатейшему человеку или нищему — это безразлично, труп есть труп. Смерть — великий уравниватель. Наверное, Россия старается сделать эту планету планетой коммунизма — большой могилой.

А Америка готовится... во имя демократии, во имя свободы слова — прекрасные слова, чтобы одурачивать людей, обманывать людей. Они нагромождают склады ядерного оружия, и никто не спросит их: "Все это оружие, накопленное вами, может, по меньшей мере, семь раз разрушить планету. Кого вы осчастливите демократией?"

Я не думаю, чтобы трупам понадобилась свобода слова. Во-первых, им нечего сказать. Но ни Америка, ни Россия не собираются слушать никаких доводов. А если вы попытаетесь, вы подвергнете себя опасности.

Меня арестовали в Америке совершенно без всяких причин — без всякого ордера на арест,

потому что нельзя получить ордер на арест без всяких причин. Они не могли даже на словах объяснить мне, почему, по какой причине они арестовали меня. Все, что они смогли мне предъявить — это двенадцать заряженных револьверов. Это были их аргументы — очень примитивные и совершенно бесчеловечные. Я сказал им:

— Я хочу связаться с моим адвокатом, потому что это странно. Это противоречит конституции, вашей конституции. Вы не можете арестовать меня без ордера. Я хочу, чтобы мой адвокат приехал и разобрался в этом.

Они не разрешили мне сообщить адвокату. Наоборот, они сказали:

— Ваш адвокат найдется сам. Я спросил:

— Как он сможет найтись? Вы сообщили ему? Вы знаете, кто мой адвокат? Но они ответили:

— Мы ничего не знаем. Это приказ сверху, из Вашингтона.

И они заставили меня признать, что я совершил два преступления. Я никогда не думал, что правительство шантажирует невинных граждан.

Но они так шантажировали... они не могли сказать это мне, они сказали моим адвокатам. Адвокат правительства сказал:

— Если вы хотите сохранить Бхагвану жизнь, просто признайте любые два преступления. Вот список. Там было тридцать пять преступлений, которые я совершил.

Я не выходил из своей комнаты; три с половиной года я провел в безмолвии, но они умудрились написать список из тридцати пяти преступлений, которые я совершил. Они сказали моим адвокатам:

— И мы, и вы знаем, что он не совершил никакого преступления. Но это дело Соединенных Штатов Америки против Бхагвана Шри Раджниша. Мы не допустим, чтобы один человек выиграл дело против всей великой американской нации. Мы знаем, что он не совершал никаких преступлений.

Поэтому мы хотим предложить вам вот что: признайте их и уговорите Бхагвана. Он должен просто сказать "да" на два преступления — любые два, это не имеет значения. Мы не хотим доводить дело до суда, потому что на суде победите вы. У нас нет никаких свидетельств; у нас нет доказательств. Победа вам обеспечена, но до того, как вы победите, жизнь Бхагвана будет в опасности. Америке не хотелось бы проиграть одному человеку — вы должны хорошенько понять это.

Мои адвокаты были одними из лучших в Америке. Со слезами на глазах они пришли ко мне в тюрьму и сказали:

— Мы здесь для того, чтобы защищать вас — чтобы не было сделано ничего незаконного — но мы, по-видимому, беспомощны. Они хотят, чтобы вы убрались немедленно, без всякого суда, потому что им прекрасно известно, что на суде они не смогут ничего доказать.

С другой стороны, они не хотят проигрывать; так что для них единственным решением будет не позволить вам выйти под залог и убить вас в тюрьме. А в случае вашей смерти дело закроют — без всяких решений о том, кто победил.

Тем не менее, я настаивал на том, чтобы возбудить дело даже с риском для жизни, но они сказали:

— Это абсолютно бесполезно; это все равно, что биться головой о стену. Подумайте о своих людях во всем мире. Есть люди, которые уже двенадцать дней не ели — с тех пор, как вы в тюрьме. Мы слезно вас умоляем: просто согласитесь. Ваш самолет стоит с заведенным мотором. Мы хотим, чтобы вы уехали из Америки немедленно, в тот же миг, когда вас освободят; у нас есть подозрение, что ваша жизнь в опасности.

Полностью осознав положение, я согласился. Я даже не знаю, какие преступления я

подтвердил. Я сказал адвокатам:

— Признавайте любые преступления. Я не совершал никаких, так что это неважно. Что бы вы ни выбрали, это фикция.

В тот момент, когда меня выпустили, я пошел в тюрьму забрать свою одежду; а они подложили под стул бомбу. Это было сделано на тот случай, если бы я настаивал на суде — тогда они тут же прикончили бы меня. Между прочим, ни один посторонний не мог поместить там бомбу, кроме самого правительства, и иначе, как по приказу из Белого Дома.

Как только я вышел из тюрьмы, они снова прислали мне повестку по другому делу, чтобы я не мог немедленно покинуть Америку. Но я у них на глазах выбросил эти повестки и через пятнадцать минут уехал из Америки. Они лишили меня права въезда в Америку на пять лет, а в реальности — на пятнадцать лет, хитрым способом. В течение пяти лет я не мог приехать в Америку, ни под каким предлогом, но по истечении пяти лет мне разрешали. Но если правительство обнаружит, что я совершил какое-либо преступление, меня могли посадить в тюрьму на десять лет без всякого суда.

Если они тогда нашли два преступления, они снова нашли бы какое-нибудь преступление, возвратись я в Америку через пять лет. И на этот раз никакого суда не будет; они ясно дали мне это понять. Судья спросил меня:

— Понимаете ли вы, что если вы прибудете в Америку через пять лет, и правительство узнает, что вы совершили какое-то преступление, то суда не будет? Вас просто отправят за решетку на десять лет.

Так что фактически это означало, что они на пятнадцать лет запретили мне въезд в Америку. Но на этом они не успокоились. Они потребовали от всех правительств, находящихся под американским влиянием, принять резолюцию, что я не имею права въезда в их страны. И они оказывали давление на индийское правительство, чтобы меня заставили молчать, чтобы никаким зарубежным средствам массовой информации не позволяли приблизиться ко мне, чтобы моим иностранным саньясинам не разрешали въезжать в Индию. Многих саньясинов выслали из бомбейского аэропорта обратно в их страны.

Это абсолютно незаконно, неконституционно. Но бедные страны должны Америке деньги, и Америка все время шантажирует их, говоря: "Если вы не послушаетесь, вы не получите в будущем нашей помощи в несколько миллиардов долларов. Либо мы будем настаивать, чтобы та финансовая помощь, которую мы оказывали вам в прошлом и которая достигает миллиардов долларов, была возвращена немедленно".

Таков мир, в котором мы живем. Наши так называемые религиозные вожди, так называемые политические лидеры в реальности преступники и должны сидеть за решеткой. Но им принадлежит вся власть.

Но у истины тоже есть своя власть.

Можно распять человека, но нельзя распять его истину.

Вы можете организовать убийство человека, но не можете убить его истину. И после целого года поездок по всему миру мне стало абсолютно ясно, что даже один-единственный человек, если он искренен и правдив, может бороться против всего мира. У них может быть громадная власть, но они трусы. У них может быть ядерное оружие, но у них нет души. Внутри они совершенно полые — в них нет собранности, индивидуальности, реализации.

Но эти люди господствуют над миром, потому что вы позволяете им господствовать над вами. Вы позволяете прошлому влиять на вас. Вы позволяете мертвому управлять вами.

Я бы хотел, чтобы, по крайней мере, мои люди восстали против всего прогнившего и дряхлого. Живите ради нового и двигайтесь с жизнью — не из-под палки, но танцуя и радуясь. Это наша земля. Она принадлежит не политикам и не религиозным лидерам; она не

принадлежит никакой церкви и никакой нации.

Она принадлежит тем, кто любит жизнь, кто поет песни жизни, кто готов танцевать и праздновать жизнь. Жизнь принадлежит тем, кто может сделать ее праздником.

Или же это было проповедью смерти — провозглашать священным то, что противоречит и противоборствует всему живому?

О, братья мои, разбейте, разбейте старые скрижали! Ибо все эти проповедники в ваших так называемых священных книгах не приветствуют жизнь; они — проповедники смерти. И они называются священными! Тогда что назвать несвященным? Все они противоречат и противостоят жизни.

Это следует запомнить, как простой критерий: все, что противостоит жизни, не священо; то, что воспевает жизнь, что наполняет жизнь любовью, что делает жизнь красивее, радостнее, все, что утверждает жизнь и ее достоинство — все это священо.

Прожить жизнь во всей ее полноте — священо.

...Так говорил Заратустра.

О СТАРЫХ И НОВЫХ СКРИЖАЛЯХ часть 3

17 апреля 1987 года

Возлюбленный Ошо,

О СТАРЫХ И НОВЫХ СКРИЖАЛЯХ Часть 3

Мне жаль всего минувшего, ибо вижу я, что оно предано, — предано духу, милости и безумию каждого нового поколения, которое приходит и все, что было, перетолковывает так, чтобы стало оно мостом ему!..

Но вот другая опасность: ...память черни не идет дальше деда, а с дедом и время прекращается.

Так предается забвению все прошлое: ибо может статься, что толпа некогда будет господствовать, и время потонет в мелкой воде.

Поэтому, братья мои, нужна новая аристократия, враждебная толпе и всякой тирании, аристократия, которая снова напишет слово "благородный" на новых скрижалях.

Много нужно благородных и многосторонним должно быть благородство их, чтобы могли они составить аристократию! Или, как сказал я однажды: "В том и божественность, что есть боги, но нет никакого Бога!"

О, братья мои, я показываю вам новую аристократию и посвящаю вас в нее: вы должны стать зачинателями и воспитателями, сеятелями будущего,

— поистине, не о той аристократии говорю я, принадлежность к которой можно купить, как покупают ее торгаши за золото свое: ибо все, что имеет цену, не имеет большой ценности.

Пусть будет отныне честью вашей не то, откуда происходите вы, но то, куда идете. Воля ваша и стопы ваши, стремящиеся дальше вас самих, — да будут отныне вашей новой честью!

Поистине, не то, что вы служили принцу, — какое мне дело до принцев! — или служили опорой шаткому, чтобы крепче стояло оно!

Не то, что при дворе род ваш ценою притворства вышел в придворные, и вы научились быть разноцветными, словно фламинго, и часами выстаивать в мелких прудах:

— ибо умение выстаивать — добродетель придворных; все они думают, что к блаженству после смерти, принадлежит также позволение сесть!..

О, братья мои, не назад, а вперед должен смотреть аристократизм ваш! Да будете вы изгнаны из земель отцов и прадедов ваших!

Землю детей ваших должны вы любить; любовь эта да будет новым аристократизмом

вашим; любите ее, землю еще не открытую, лежащую в дальних морях! Пусть ищут ее корабли ваши!

В детях ваших возмещаете вы то, что были детьми отцов своих: так должны искупить вы все прошлое! Эту новую скрижаль воздвиг я над вами!

...Так говорил Заратустра.

Мы привыкли делить время на прошлое, настоящее и будущее. Но в действительности это разделение не времени, это разделение нашего ума — ибо прошлого нет больше нигде, кроме наших воспоминаний, и будущего еще нигде нет, кроме нашего воображения. Что касается времени, это всегда настоящее; это всегда сейчас.

Заратустра дает вам один из золотых ключей, открывающих тайны жизни. Вот он: избавьтесь от прошлого. В тот момент, когда вы избавляетесь от прошлого, ваш ум сбрасывает груз всего происшедшего; он легок. И второе: с того момента, когда прошлое отброшено, вы не можете вообразить будущее, ибо что такое ваше будущее? — очищенное прошлое, преобразованное прошлое, улучшенное прошлое. Что вы можете думать о будущем? Если нет прошлого, будущее автоматически исчезает.

Настойчивый призыв избавиться от прошлого имеет огромное значение, потому что это не только делает вас свободным от прошлого, это делает вас свободным и от будущего; и то, что остается — это вы и этот момент, предельно чистый, неоскверненный. Ваше сознание целиком разгружено от прошлого и будущего. Оно становится таким мощным источником света и осознания, что трансформирует настоящий момент в блаженство.

Сознание, концентрированное в настоящем — это золотой ключ, потому что встретиться с существованием возможно только через настоящее. Это единственное, что существует. Можно сколько угодно скитаться и блуждать в прошлом, в своих воспоминаниях, можно сколько угодно грезить о будущем, но там вы никогда не встретитесь с существованием. Существование знает только одно: настоящий момент. И если вы тоже в настоящем моменте, устанавливается глубокая связь с деревьями, горами, со звездами и цветами — со всем, что существует; со всем, что есть. Эта глубокая связь всегда была известна как величайший экстаз.

Но мы делаем как раз противоположное. Мы упускаем настоящее ради прошлого, которое мертво, ради будущего, которое еще не родилось. Если мы несчастны и страдаем, то не случайно. Мы сами сделали свою жизнь несчастной. Помните, счастье приходит без всяких усилий; несчастье требует огромной работы. Вы должны тащить на себе все свое прошлое и будущее. Вам приходится копать могилы прошлому — вам приходится стать могильщиками — и вы должны бродить по склепам будущего. Конечно, ваша жизнь становится сплошным мучением. Именно огромные усилия, невероятное напряжение воли упрочивает ваше страдание.

Простота — это путь к счастью.

Легкое правильно, а правильное легко.

Заратустра говорит: Мне жаль всего минувшего, ибо я вижу, что оно предано. Откуда у вас прошлое? Оно передано вам родителями, образованием, религиозными вождями, писаниями. Но его вам передали; это не ваш поиск, это не ваш опыт. А все, что не является вашим опытом, — просто лишняя тяжесть, это мешает вам взлететь в открытое небо к звездам.

...Предано духу, милости и безумию каждого нового поколения, которое приходит и все, что было, перетолковывает так, чтобы оно стало мостом ему! Каждое поколение передает свое безумие новому поколению. Почему человек постоянно опускается все ниже и ниже? — это простая арифметика: потому, что безумие все время нагромождается. Каждое поколение

добавляет к жизни человечества лишь одно: свое собственное безумие. Тысячи поколений прошли, и все они прибавили свое безумие. Следующее поколение совершенствует его, а потом передает его грядущему.

Веками мы делали только одно: совершенствовали безумие, которое нам передали. И мы называли это безумие прекрасными именами, просто чтобы скрыть тот факт, что это безумие. Нам удавалось не только скрыть это, но еще и убедить других поклоняться ему.

Одним из великих индийских поэтов был Сурдас. Его имя буквально означает "служащий музыке", но оно стало синонимом слова "слепой". Он отрекся от мира, точно так, как веками было принято у индуистов.

Однажды он просил подаяние, и дверь открыла очень красивая женщина. При виде этой женщины вся подавленная сексуальность, вся подавленная чувственность воспряла внутри него, как лев. Он очень испугался. Он вернулся в свой домик и вырвал оба глаза, а потом вернулся к этой женщине. Она не могла понять, что произошло — все его лицо было в крови, и на тарелке в его руке лежали два глаза. Он преподнес глаза женщине и сказал: "Они принадлежат вам. Это больше не часть моего тела; они убили мои будущие воплощения. Пусть они будут счастливы с вами, созерцая вашу красоту".

Я бы назвал это чистым безумием, потому что дело не в глазах; глаза — просто двери, они позволили женской фигуре войти в него. Сексуальность была внутри него, а не в глазах. Глаза — всего лишь зеркала. Сексуальный центр не в глазах. Они не делают никаких суждений; они просто отражают то, что появляется перед ними.

Сексуальность была в нем, потому что он подавлял ее. Но он отомстил глазам. И благодаря этому поступку он стал очень большим святым; ему поклонялись. Его имя стало таким знаменитым, что приобрело новое значение. Когда вы хотите обратиться к слепому, вы называете его "сурдасджи" — потому что назвать его слепым жестоко и грубо, а назвать его "сурдас" — значит оказать ему максимум уважения.

Но сам Сурдас... это был просто поступок ненормального. Не нужно доказывать, что он был ненормальным; это очевидно. И он не один. Если вы поищете, вы удивитесь: сколько ненормальностей превратилось в духовные достижения.

До революции в России была одна секта. Во время Рождества они отрезали себе гениталии. Тысячи людей собирались посмотреть на это. Там были горы гениталий и реки крови, и люди поклонялись тем, кто отрезал гениталии — как будто, отрезав гениталии, вы можете отсечь свою сексуальность.

Центр сексуальности находится у вас в голове. Гениталии просто управляются центром в вашем уме — это биологическая система дистанционного управления. Человеку, который отрезал гениталии, все равно будут сниться женщины - и даже больше. И женщины не собирались отставать. У них нет гениталий; поэтому они начали отрезать себе груди. И их тоже почитали.

Эта секта распространилась по всей России. Только революция прекратила это; иначе это безумие охватило бы многие миллионы людей. Но их современники совсем не считали это безумием.

В Варанаси есть люди, которые лежат на шипах. Вся их духовность в том, что они лежат на шипах. Я не понимаю, как лежание на шипах... возможно, это и подходит для карнавала или для цирка, но какое отношение это имеет к духовности? Но люди поклоняются им — они кладут к их ногам деньги, еду, фрукты, цветы. И все их великие дела, которые может сделать любой идиот... вы можете попробовать. Попросите жену или мужа взять иглу и кольнуть вашу спину. Вы оба удивитесь: есть лишь несколько точек, где вы почувствуете укол.

На спине есть нечувствительные участки, где нет нервов, так что даже если уколить вас

иглой, вы ничего не почувствуете. Эти ложка из гвоздей сделаны с большим мастерством, и когда человек ложится на них, гвозди касаются тех участков, где нет нервов. Он не испытывает никаких мучений; он обманывает людей. Но эти люди почитаются как духовные, великие святые.

Век за веком в человеческом уме нагромождалось все больше и больше безумия. А когда это безумие ваше, вы совершенно слепы. Если вас так воспитали, вы не можете понять, что это безумие.

Монахи-джайны каждый год выдергивают волосы собственными руками — бороду, усы, волосы. И вокруг них стоят тысячи поклонников со слезами на глазах — они совершают нечто великое. Между тем они, возможно, лишь в первый раз чувствуют некоторую боль, но теперь они уже прекрасно приспособились, делая это каждый год. Это простое упражнение. Что в этом духовного?

Монахи-джайны не моются, не чистят зубы, не полощут рот. Их дыхание отвратительно; их тела ужасно зловонны. Это естественно, но ни один джайн не скажет им, что это глупо. Наоборот, у них есть объяснения. Во-первых, если вы будете пользоваться водой, вы убьете много маленьких микробов — а они ненасильственны; они не могут убивать. Во-вторых, когда вы моетесь или чистите зубы, вы украшаете свое тело, а тело — враг, вы должны мучить его как можно больше. Чем больше вы мучаете его, тем вы духовнее. Но джайны не поймут этого — это их безумие.

У джайнов много сект. Одна секта пользуется специальными чехлами для носа и рта, которые привязываются к ушам. Очень трудно разобрать, что они говорят. А причина в том, что, когда вы говорите или дышите, дыхание, которое выходит из вашего рта или носа, теплое, и это убивает маленьких микробов в воздухе. Так что они защищают микробов. И их последователи совершенно не задумываются, что это неразумно.

Были христианские монастыри, где монахи носили туфли с гвоздями внутри, которые вонзались в их ноги. Они ходили по ним. Раны никогда не заживали, потому что гвозди постоянно делали их хуже и хуже. Они также затягивали свои тела поясами с гвоздями.

До сих пор существует христианская секта, в которой величайший святой — тот, кто больше всех хлещет себя плетью: это их молитва рано поутру, они бичуют себя по всему телу. Начинает сочиться кровь... кто-то ударил себя пятьдесят раз, кто-то — шестьдесят, а кто-то — двести раз. Все дело в том, сколько раз вы ударили себя — именно это делает вас более святым.

Я не могу представить, чтобы в этом было что-либо духовное. Эти люди — мазохисты, они наслаждаются, мучая себя. Так что от самоизбиения они получают двойную выгоду: они наслаждаются, мучая себя, — это первое, и еще получают огромное уважение и почести.

Если вы побольше понаблюдаете за так называемыми религиозными людьми, вы обнаружите очень много такого, что могут делать только сумасшедшие. Но поскольку им поклоняются, в глубине души вы надеетесь, что однажды вы тоже сможете сделать это. Человек поклоняется только тогда, когда он чувствует, что недостаточно силен, чтобы делать то же, что делает другой. Естественно, его нужно уважать. Но он — ваш идеал.

Но вот другая опасность: память черни не идет дальше деда, а с дедом и время прекращается. Толпа всегда сокрушается о золотом прошлом. Их золотой век всегда в прошлом. А что такое прошлое? Оно прекращается с дедом — это ни в коем случае не золотое прошлое.

В древних писаниях говорится, что, если сын умирал раньше отца, это было большой редкостью и считалось великим несчастьем. И религиозные люди, живущие по этим писаниям, очень гордятся этим. Они не понимают, не имеют представления об истинных причинах этого. Истинная причина в том, что нам не удалось найти ни одного человеческого скелета

пятисотлетней давности, так чтобы мужчина или женщина умерли после сорока лет. По-видимому, это был предельный возраст — сорок лет. Если таков был предельный возраст, то естественно, ни один сын не умирал раньше отца. Теперь все изменилось.

Старик девяносто пяти лет и девяностолетняя старушка пришли в суд; они хотели развестись. Судья не мог поверить своим глазам. Он спросил:

— Сколько лет вы женаты?

— По меньшей мере, восемьдесят, — ответили они.

Судья спросил:

— Вы умудрились прожить вместе восемьдесят лет. Почему же вы разводитесь, что за проблема у вас возникла?

— Мы всегда хотели разойтись, — ответили они, — но мы ждали: нам хотелось, чтобы все наши дети умерли, мы не хотели их травмировать. Теперь все кончено, настал великий день: наконец-то мы можем разойтись!

В начале этого столетия в Индии девять из десяти детей умирали, не прожив и полгода. Лишь один из десяти выживал. Сейчас положение обратное: только один из десяти умирает, девять остаются жить. Оглядываясь в прошлое, вы не найдете ничего, что можно назвать золотым веком. Но почти все считают, что золотой век давно прошел.

Люди были крайне бедны. В индийских писаниях говорится, что никто не вешал на двери замков. Когда я был студентом, один из моих профессоров философии, доктор Шривастава, упоминал об этом — он был очень ориентирован на прошлое, он был ортодоксальный и традиционный индуист — что замков не было, потому что не было воровства. Я сказал:

— Я с этим не согласен. Уверяю вас... действительно, замков не было, но не потому, что не было воровства. Их не было потому, что нечего было воровать; люди жили крайне бедно. А во-вторых, замков еще не изобрели.

Он очень разгневался. Я сказал:

— Это ничего не доказывает; ваш гнев — не аргумент. У меня есть кое-что в подтверждение моих слов. И Гаутама Будда, и Махавира постоянно учили, что красть грешно. Если бы воровства вообще не было, я не думаю, что Будда и Махавира сделали бы нестяжание основанием своих религий и постоянно проповедовали бы его людям, которые не крадут. Вам придется доказать мне, что Будда и Махавира были сумасшедшими — они учили людей, которые были так религиозны, так духовны: никто не воровал, и все же, постоянно... Будда говорил каждый день в течение сорока двух лет, и он повторял: "Не крадите, не лгите, не убивайте". Эти проповеди имели смысл, только если эти люди убивали, воровали. Когда был этот золотой век? В дни Рама? Рама собственноручно убил шудру, неприкасаемого, потому что неприкасаемым — низайшим из низких, беднейшим из бедных, самым угнетенным людям на земле — им запрещалось читать Веды. Собственно, речь о чтении вообще не шла, так как им запрещалось получать образование, и они не могли даже слушать, как кто-нибудь другой читает Веды, потому что это оскорбительно для Вед. Странно, Веды должны очищать шудру, а не наоборот.

Когда брамины распевали Веды, один молодой человек из любопытства спрятался за деревьями, слушая; он ведь все равно ничего не мог понять. Его поймали и привели к Рама. И этот человек, Рама, который считался воплощением Бога, приказал залить ему уши расплавленным свинцом. Естественно, когда ему залили уши расплавленным свинцом, это не только разрушило его слуховую систему: пытка была столь мучительна, что он умер. И это ваш золотой век?

В древнейших индийских писаниях есть рассказы о том, что боги приходили на землю и, если им попадалась красивая женщина, они обычно насиловали ее. И вы называете их богами?

Когда был этот золотой век? Если даже боги были насильниками, если даже у воплощенного Бога нет никакого сострадания, и он убивает юношу только за то, что тот слушал Веды. Что в этом плохого? Веды провозглашают, что все люди божественны — а как же этот шудра? Убито божественное существо, которое слушало Веды; это противоречит самим Ведам. Посмотрите на прошлое любой традиции мира, и вы удивитесь: сколько же безумия мы получили в наследство.

Даже сегодня каждый день приходят сообщения: подожгли деревню, где жили шудры, их женщин изнасиловали, детей и стариков силой затолкали в горящие дома. И все это продолжается. Никто даже не протестует против этого. А чем занимаются эти шудры? На них лежит вся уборка. К ним следует относиться с глубоким уважением. Без них ваше общество оказалось бы в крайнем затруднении. Их труд следовало бы очень высоко оплачивать, потому что они делают за вас всю самую грязную работу, но им не разрешается даже жить в городе — они должны жить за его пределами. Даже если их тень коснется вас, это оскверняет.

Можно ли вообразить большее безумие? Тень не существует; в ней нет ничего экзистенциального. Но если вас коснулась тень шудры, это значит, что вы должны немедленно омыться, сменить одежду — вы осквернились.

А ведь Ману написал все эти законы для индийского общества пять тысяч лет назад. Пять тысяч лет индийское общество мучило четверть своего населения. Когда же был этот золотой век? Его не было никогда и нигде, за исключением воображения стареющих людей.

Но вот другая опасность: ...память черни не идет дальше деда, а с дедом и время прекращается.

Так предается забвению все прошлое: ибо может статься, что толпа некогда будет господствовать, и время потонет в мелкой воде.

Поэтому, братья мои, нужна новая аристократия, враждебная толпе и всякой тирании, аристократия, которая снова напишет слово "благородный" на новых скрижалях.

Заратустра прекрасен, он так человечен в каждом своем слове.

Он говорит: "Нужна новая аристократия. Толпа превратилась в нечто почти нечеловеческое, и мы должны создать новую аристократию с новыми законами. И она снова напишет слово "благородный" на новых скрижалях. До сих пор мы жили крайне жестоко, примитивно, неблагородно.

Много нужно благородных и многосторонним должно быть благородство их, чтобы могли они составить аристократию! Или, как сказал я однажды: "В том и божественность, что есть боги, но нет никакого Бога!" Нам нужна такая аристократия, такие сверхлюди, которых нельзя назвать деспотами, богами-диктаторами — рассеянной божественностью. И мы должны понять, какими неблагородными были наши поступки.

Люди, распявшие Иисуса — благородный ли это поступок? Это приказ толпы. Иисус не совершил никакого преступления; он никому не сделал зла. Конечно, он говорил революционные вещи, но идти за ним или нет — ваше дело; соглашаться с ним или нет — ваше дело. Свобода слова — одно из самых фундаментальных прав человека. Все, что он делал — это осуществление свободы слова, а наградой было распятие.

О, братья мои, я показываю вам новую аристократию и посвящаю вас в нее: вы должны стать зачинателями и воспитателями, сеятелями будущего,

— поистине, не о той аристократии говорю я, принадлежность к которой можно купить, как покупают ее торгаши за золото свое: ибо все, что имеет цену, не имеет большой ценности.

Пусть будет отныне честью вашей не то, откуда приходите вы, но то, куда идете!

Я хочу повторить это еще раз: Пусть будет отныне честью вашей не то, откуда

происходите вы, но то, куда вы идете! Ни прошлое, ни предки — они не могут дать вам никакой чести. Честь должна определяться только тем, куда вы идете — создавать лучшее будущее, создавать лучшее человечество, создавать аристократию, создавать божественность, аромат, который окружает все существование.

И это в вашей власти.

Но вы были задушены прошлым и его безумием. Вам не позволяли растить собственные цветы и издавать собственное благоухание.

Воля ваша и стопы ваши, стремящиеся дальше вас самих, - да будут отныне вашей новой честью!

Идите за свои пределы — ибо вы всего лишь узел с наследством прошлого; вам придется выбросить весь этот груз безумия, который вы носите так заботливо. Шагните за пределы самих себя, и пусть это будет вашей честью.

Поистине, не то, что служили вы принцу, — какое мне дело до принцев! — или служили опорой шаткому, чтобы крепче стояло оно!

Не то, что при дворе род ваш ценою притворства вышел в придворные, и вы научились быть разноцветными, словно фламинго, и часами выстаивать в мелких прудах:

ибо умение выстаивать — добродетель придворных; все они думают, что к блаженству после смерти, принадлежит также позволение сесть!..

О, братья мои, не назад, а вперед должен смотреть аристократизм ваш! Да будете вы изгнаны из земель отцов и прадедов ваших!

Землю детей ваших должны вы любить...

Он разбрасывает новые озарения одно за другим. Вы всегда уважали старых — а вы уважали детей? Вы всегда уважали прошлое — а вы когда-либо относились с уважением к будущему ваших детей?

В детях ваших возмещаете вы то, что были детьми отцов своих: так должны искупить вы все прошлое! Эту новую скрижаль воздвиг я над вами!

Свобода от прошлого — это великая духовная свобода; вы как бы только что появились на земле, у вас нет никакого прошлого. Вы свежи как роза поутру, как капелька росы на лепестке лотоса, как утренний бриз, как первый луч солнца.

Избавьтесь от прошлого. Прошлое — единственный барьер на пути вашего духовного роста. И избавиться от прошлого не слишком трудно, поскольку это всего лишь память. Оно существует только в вашем уме.

И когда ваш ум очистится от всей пыли прошлого, ваше сознание станет зеркалом — настолько ясным, что в нем сможет отразиться все будущее: новая аристократия, новые ценности, сверхчеловек.

Я был удивлен, встретив у Заратустры слово божественность, потому что этим словом никто не пользовался, наверное, двадцать пять веков. Я употреблял его, разрушая Бога как личность и воскрешая в новом смысле, в новом ощущении — как качество.

Бог сотворил человека, и это нечто ненавистное и постыдное: ведь быть созданным, означает - быть всего лишь марионеткой. Тогда у вас не может быть собственной души. И если кто-то может создать вас, он может и разрушить. Вы просто в руках деспота.

Божественность — это нечто, что создаете вы. Бог всех вас превратил в рабов; божественность сделает вас сверхлюдьми, творцами. Это будет вашим величайшим творением.

Божественность состоит из невинности, тишины, мира, истины, подлинности, опыта вашего внутреннего света, вашего внутреннего бытия — переживания вашей вечности. Божественность станет будущей религией человека.

Богу нужно поклоняться; божественности не поклоняются, ее создают. И, создавая ее, вы достигаете высшего пика своего сознания, величайшей красоты и экстаза.

...Так говорил Заратустра.

Землю детей ваших должны вы любить: любовь эта да будет новым аристократизмом вашим; любите ее, землю еще не открытую, лежащую в дальних морях! Пусть ищут ее корабли ваши!

ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩИЙ

17 апреля 1987 года

Возлюбленный Ошо,

ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩИЙ

Однажды утром, вскоре после возвращения в пещеру, Заратустра упал замертво и семь дней пролежал недвижимо, словно мертвый. Придя же в себя, он обнаружил, что лежит в окружении желтых и красных ягод, винограда, румяных яблок, кедровых орехов и благовонных трав, которые принесли ему звери его.

Видя, что он пробудился, звери его заговорили с ним:

"О, Заратустра, выйди из пещеры своей, мир ждет тебя, словно сад. Ветер играет густыми ароматами, стремящимися к тебе, и все ручьи готовы бежать за тобой", — сказали они ему...

"Согласись же, о, Заратустра! Для новых песен нужна и новая лира.

Пением, шумным весельем и новыми песнями исцеляй душу свою, Заратустра: чтобы мог ты нести бремя великой судьбы своей — судьбы, которая никогда еще не выпадала человеку!

Ибо хорошо знают звери твои, о, Заратустра, кто ты и кем должен стать ты: ты — учитель Вечного Возвращения, — вот отныне судьба твоя!

Ты должен первым возвестить это учение — и как же не быть великой судьбе твоей также величайшей опасностью!

Вот мы знаем, чему учишь ты: что все вещи вечно возвращаются, а с ними и мы сами, что мы существовали уже несчетное число раз, а с нами — все вещи.

Ты учишь, что есть Великий Год становления, необычайный, величайший год-исполин; подобно песочным часам, должен он обращаться снова и снова, чтобы заново наполняться и снова течь:

— и все эти годы равны самим себе, как в самом великом, так и в самом малом; и сами мы в каждый Великий Год тождественны себе, как в самом великом, так и в самом малом.

И если бы захотел ты теперь умереть, о, Заратустра, то знаем мы и то, что стал бы ты тогда говорить себе. Но звери твои просят, чтобы ты пока еще не умирал!

Без трепета, глубоко вздыхая от блаженства, стал бы говорить ты: ибо бремя величайшей тяжести было бы снято с тебя, о терпеливейший!

"Вот я умираю и исчезаю, — таковы были бы слова твои, — и во мгновение ока обращусь в ничто. Души так же смертны, как и тела.

Но связь причин, в которую вплетен я, вновь возвратится и вновь создаст меня! И сам я — одна из причин Вечного Возвращения.

Я возвращаюсь — вместе с этим солнцем, с этой землей, с этими орлом и змеей — не для какой-то новой, или лучшей, или похожей жизни:

— я вечно возвращаюсь к этой же самой жизни, как в самом великом, так и в самом малом, чтобы снова учить о Вечном Возвращении всех вещей,

— чтобы вновь сказать слово мое о Великом Полудне земли и человека, чтобы снова возвестить людям о Сверхчеловеке.

Я сказал слово свое и гибну во имя его: так хочет вечный жребий мой — я погибаю как провозвестник!

Настал час, когда гибнущий и идущий к закату своему благословляет сам себя. Так кончается закат Заратустры".

Сказав слова эти, звери умолкли и ждали ответа Заратустры: но он не заметил, что прекратились их речи. Подобно спящему, тихо лежал он с закрытыми глазами, хотя и не спал, — ибо беседовал он с душой своей. И тогда змея и орел, видя, что осенило его молчание, почтили великую тишину, окружавшую его, и осторожно удалились.

...Так говорил Заратустра.

В древней литературе есть много прекрасных притч. Люди с удовольствием читают их, но очень редко понимают. Притча сродни поэзии; она более символична. Нужно копнуть поглубже, чтобы найти сокровища, которые спрятаны в ней. Для поверхностного взгляда это просто история, и кажется, что она существует только для развлечения, но это не так.

Древние притчи Панчатантры, притчи о жизни Гаутамы Будды или притчи Эзопа на Западе — все они имеют огромное духовное значение. Они написаны или рассказаны так, что даже маленький ребенок будет слушать с удовольствием — но чтобы понять их смысл, нужно быть мудрецом.

Ими просто пользовались как средством в древности, когда книг не было, когда письменность еще не изобрели, и учителю приходилось все передавать ученику устно. Притча отлично отвечала этой цели, потому что она легко запоминается и еще потому, что в ней скрывается множество смысловых слоев — и хотя бы самый низкий из них может запомнить любой.

Самые высшие поймут лишь те, кому присуща сознательность... Например, все эти притчи основаны на диалогах между животными или между животными и человеком. Но мы знаем, что животные не умеют говорить. Тем не менее, во всем мире используется именно эта модель; и животные высказывают великие истины.

Животное — символ абсолютной невинности. Даже ребенок не так невинен; даже ребенок с самого начала становится дипломатом, политиком, потому что он окружен атмосферой, отравляющей его сознание.

Самый маленький ребенок улыбается матери — не потому, что он действительно хочет улыбнуться; его улыбка не отличается от улыбки Джимми Картера: он знает, что своей улыбкой он подкупает мать. Его улыбка — улыбка дипломата; она идет не от сердца. Это не оттого, что он счастлив, видя мать, — он зависит от матери. Его питание полностью в руках матери — он должен заботиться о том, чтобы она была счастлива. Он улыбается не просто так — его улыбка не невинна.

Животные потому использовались в притчах, что они абсолютно не испорчены человеческой хитростью, дипломатией и грязной политикой. Они абсолютно просты и невинны. Они воплощают невинность — такую невинность, которая существует без всяких слов: само ее присутствие излучает истину. Сегодняшний отрывок из Заратустры начинается с небольшой притчи.

Однажды утром, вскоре после возвращения в пещеру, Заратустра упал замертво и семь дней пролежал недвижимо, словно мертвый. В притче важно не пропустить ни единого слова, ибо неизвестно, в каком из них скрывается смысл. Например: Заратустра... семь дней пролежал недвижимо. Семь дней символичны и значительны; они символизируют семь стадий человеческого сознания. Многие века так называемой человеческой толпе было известно лишь одно состояние, в котором мы и живем — так называемое сознание.

Только в нашем столетии на Западе, Зигмунд Фрейд и его коллеги открыли для нас весьма шокирующую идею о бессознательном — ведь он работал со снами, с помощью гипноза, аналитическим путем. И он нашел в человеке огромное пространство бессознательного, о котором люди и не догадывались, несмотря на то, что оно определяет их действия, идеи, поведение, весь стиль их жизни.

Зигмунд Фрейд больше интересовался бессознательным, чем тем, что вы называете своим сознанием, потому что обнаружил: вашему сознательному нельзя верить. Вы лжете, и лжете так искренне, что это очень трудно обнаружить. Вы и сами не знаете, что лжете. Вы настолько привыкли врать, что вам кажется, будто вы говорите правду.

Но когда вы спите, вы недостижимы для всех религий, так называемой морали, общества, культуры, цивилизации. Вы внезапно становитесь более подлинными. Ваши сны говорят гораздо больше правды о вас, чем вы сами. Вы можете даже возражать против них; вы можете обнаружить: очень трудно поверить, что это исходит из вашего подсознания.

Зигмунд Фрейд вынес на свет еще одну стадию вашего сознания — то, что он назвал бессознательным умом. Его ученик, а впоследствии соперник, Карл Густав Юнг, попытался пойти еще дальше в бессознательное и обнаружил, что каждый человек носит в себе коллективное бессознательное — которое принадлежит не ему, которое принадлежит тысячелетиям, которое включает в себе все прошлое.

Этот удар был еще сильнее: мы не осознавали, что носим в себе всю историю человечества. Но на Востоке всегда знали об этих трех стадиях: бессознательное, коллективное бессознательное, и еще одно измерение, которое, наверное, скоро откроет Запад — вселенское бессознательное. Коллективное бессознательное относится только к человечеству; вселенское бессознательное связано со всей вселенной. Вы носите в тонкой форме не только всю историю человеческого рода, вы носите в себе всю историю вселенной.

Это три стадии, которые находятся ниже вашего так называемого сознательного ума. Я говорю "так называемый" потому, что на Востоке открыли действительно сознательный ум. Так называемый сознательный ум просто утилитарен — небольшая часть, полезная для повседневной работы; но он не может подарить вам проблеск истины.

На Востоке известно, что кроме этих трех уровней, которые ниже сознательного ума, есть также три уровня выше сознательного ума. И такое представление кажется очень рациональным и научным, потому что тогда вы уравновешены. На Востоке, по меньшей мере двадцать пять веков прекрасно знают о том, что над сознательным умом есть сверхсознательное, над сверхсознательным — коллективное сверхсознательное, а над коллективным сверхсознанием — вселенское сверхсознание. Эти семь уровней многократно упоминались по разным поводам, но в притче Заратустры, когда он семь дней находился в странном состоянии, как если бы он почти умер — он был жив... Он проходил все эти уровни, от самого низкого, до самого высокого. Он исследовал всю радугу сознания — семь цветов, полный спектр. И когда через семь дней он пробудился, это был не прежний Заратустра. Явился сверхчеловек, полностью сознающий свое существо. Ни одного темного уголка не осталось в нем больше. Все было светом. И это именно то, что всегда называли самопознанием, просветлением или пробуждением для жизни в высшей реальности.

Придя же в себя, он обнаружил, что лежит в окружении желтых и красных ягод, винограда, румяных яблок, кедровых орехов и благовонных трав, которые принесли ему звери его.

Животные могут стать очень близкими человеку, который полностью осознал свою сущность; не нужно никаких слов. Они заботились о Заратустре. Они приносили ему плоды и травы и ждали его пробуждения.

Видя, что он пробудился, звери его заговорили с ним:

"О, Заратустра, выйди из пещеры своей, мир ждет тебя, словно сад".

Теперь он готов. То, чего он ждал, случилось. Он пришел к наивысшему пробуждению. Время пришло: спускайся к людям, они бредут впотьмах.

"Ветер играет густыми ароматами, стремящимися к тебе, и все ручьи готовы бежать за тобой", — сказали они ему. *Эта притча подчеркивает одну важную вещь: только невинность способна понять человека, подобного Заратустре. Не образованные и начитанные люди, не ученые, не те, что потерялись в красивых словах, теориях и философиях, но только те, кто абсолютно тихи.*

"Согласись же, о, Заратустра! Для новых песен нужна и новая лира". *Ты больше не прежний Заратустра, не тот, который уснул. В эти семь дней ты умер и воскрес; ты абсолютно новый человек. Тебе нужна новая лира для новых песен.*

"Пением, шумным весельем и новыми песнями исцеляй душу свою, Заратустра: чтобы мог ты нести бремя великой судьбы своей — судьбы, которая никогда еще не выпадала человеку!

Ибо хорошо знают звери твои, о, Заратустра, кто ты и кем должен стать: ты — учитель Вечного Возвращения, — вот отныне судьба твоя!"

В этой концепции вечного возвращения нужно разобраться. Это один из самых значительных даров Заратустры человечеству. Есть религии, которые верят только в одну жизнь: христианство, иудаизм, мусульманство. Они считают, что жизнь начинается с рождения и кончается со смертью. Конечно, ваша душа не умирает, но у вас не будет другой жизни. Ваша душа предстанет пред Божиим судом.

Три другие религии — индуизм, джайнизм и буддизм — верят в перевоплощение: человек постоянно перерождается. Так же, как Чарльз Дарвин считает, что человек произошел от шимпанзе — или от мартышки — эти три религии многие века верили, что человеческая душа принимает различные формы в зависимости от своих поступков. И человек — высшая форма, которую приобретает сознание, но оно двигалось через других животных.

Может быть, людские различия основаны на том, что люди исходят из разных источников: чья-то душа жила в слоне, чья-то — во льве, кто-то получил сознание, жившее в орле. Естественно, в них сохраняются какие-то характеристики прошлых жизней. И это не одна прошлая жизнь, это тысячи прошлых жизней. Вы переходили из одного животного в другое, более высшее.

И человек — не конец. Однажды вам придется превзойти и человека — так же, как вы превзошли других животных. Идея эволюции не нова; это было господствующее представление на Востоке во все времена, о которых сохранились какие-то сведения. Человек двигался от низших животных форм к высшим. Это называлось теорией перевоплощения.

У Заратустры есть третья концепция: он единственный, кто говорит о теории возвращения. Но его теория по-своему красива, и ее надо понять без всяких предубеждений. Это так же, как меняются времена года: после лета приходят дожди, после сезона дождей приходит зима, зиму сменяет лето — это круг. Заратустра, как и современная наука, говорит: все движется по кругу. Земля движется вокруг Солнца, а Солнце движется вокруг какого-то другого солнца, о котором наука пока только строит предположения. Мы пока не способны добраться до той далекой звезды, вокруг которой движется Солнце. И все звезды движутся по кругу. По-видимому, круг есть природный способ движения.

Заратустра говорит: "Сознание, жизнь, все движется по кругу. Все возвращается вновь и вновь". В первый момент, когда вы понимаете его, это кажется очень странным. Другими словами, он говорит: мы встречались в этой аудитории Чжуан-цзы уже миллионы раз, и я говорил вам все то же самое — и вы смеетесь не в первый раз. И это будет продолжаться вечно: опять и опять, здесь же, в зале Чжуан-цзы. Те же люди встретятся, будут говорить,

смеяться, танцевать, и не будет никакой, даже самой небольшой, разницы.

Его идея необычна, но если посмотреть на циклическое движение, которое происходит в существовании повсюду, то окажется, что Заратустра, может быть, и прав, каким бы безумием это ни казалось. Для вечности... цикл может быть огромным, он может повторяться через миллионы лет, но он настаивает, что все возвращается. То, что вы видите сегодня, происходило миллионы раз и снова повторится миллионы раз.

Животные сказали ему: "Заратустра, теперь иди к людям. Это твой удел: учить их философии возвращения. Это то, что открылось тебе в эти семь дней. Это то, что ты узнал в эти семь дней абсолютно безмолвия". Это нельзя опровергнуть, это нельзя доказать. Я не могу сказать, что он прав, и не могу сказать, что он неправ. Это великая идея — вот все, что я могу сказать — оригинальная, самобытная. Никто не говорил этого раньше и никто не отважился хотя бы повторить это снова — потому что люди смеются.

Но таков закон жизни: приходит осень, и листья опадают с деревьев; вместо них вырастают новые листья, и снова приходит осень — и все повторяется вновь. Каждое утро восходит солнце, и каждый вечер оно заходит; каждый день вам хочется есть и пить. Взгляните на свою жизнь, и вы обнаружите, что вы ходите по кругу; каждый день — это круг. Как стрелки часов, стрелки вашей жизни постоянно движутся по кругу. Они топчутся на месте.

Возможно, Заратустра увидел отблеск чего-то такого, о чем еще нельзя сказать с уверенностью, правильно это или нет. Но люди двадцать пять столетий просто игнорировали это, даже не обсуждая. Это безобразно. Можно отвергать эту теорию, можно сказать, что она неверна, можно доказать, что она неверна — это допустимо. Или вы можете доказать, что она правильна, и подтвердить это. Но если вы игнорируете, какова может быть психологическая подоплека?

Я понимаю это так: люди боятся говорить об этом. Человек боится, ибо как знать? — может, так и есть. О таких вещах лучше помалкивать: ведь если это правда, то она может перевернуть все ценности вашей жизни. Вам придется заново все обдумать, потому что вы получите ту же жену, у вас будут те же дети, те же родители — снова, снова и снова. И этому не будет конца. Представляете, если кто-нибудь возьмет и докажет, что эта теория верна — какая же будет скучища! Возможно, люди игнорировали ее от страха.

Никто не приводил никаких аргументов ни за, ни против. Я могу сказать одно: эта идея чрезвычайно оригинальна, и к ней следует отнестись с уважением, ее следует разрабатывать, исследовать. Вполне возможно, что она правильна. Но игнорируя ее, вы ведете себя подобно страусу. Когда вы закрываете глаза, это не означает, что мир исчез.

"Ты должен первым возвестить это учение — и как же не быть великой судьбе твоей, также величайшей опасностью!" Твой удел — возвестить это учение. Но это также и величайшая опасность, потому что никому это не понравится. Они и слушать тебя не захотят. Это будет посягательством на самые основания их жизни. Это вызовет у них панический страх: "Боже мой, я вечно буду женат на этой женщине. Я-то думал, что это всего на одну жизнь! Часть жизни прошла, осталось еще немного — это тоже закончится, — но вечно?!.."

Вы скажете, что можно развестись прямо сейчас, но теория от этого никак не меняется — это просто значит, что вам придется развестись с ней снова. Что бы с вами ни происходило, вам придется миллионы раз, вечно проходить через это. Таково вечно вращающееся колесо жизни.

Итак, животные говорят ему: "Это великая судьба твоя, ибо ты должен первым возвестить это учение. Но помни, что это и величайшая опасность для тебя, потому что никому не понравится эта идея".

Это ужасающе — если вы продумаете всю ночь, лежа в постели, в темноте: "Боже мой, снова и снова та же комната, та же кровать... Миллионы раз я лежал на этой кровати, и еще миллионы раз впереди?" Этому нет конца... во веки веков. Вам будут сниться кошмары. Если это правда, это настоящий кошмар — вечный кошмар, который все время повторяется.

Но мой опыт говорит мне, что Заратустра пользуется этой теорией как средством — великолепным средством, чтобы привести вас в состояние крайней скуки, такой скуки, что вам придется сделать что-нибудь, чтобы спрыгнуть с этого колеса вечного возвращения. Если вы ничего не предпримете, вы будете механически двигаться вместе с колесом.

Вы должны совершить некий сознательный поступок, чтобы обрести свободу — свободу от тисков закона вечного возвращения. И я считаю, что это замечательное средство. Если вы поймете, что так будет всегда, то вам придется прямо сейчас сделать нечто, чтобы выбраться из общей колеи, чтобы стать исключением из правила. Возможно, это и есть скрытое намерение Заратустры.

Может быть, эта теория возвращения и неверна, но ею можно пользоваться как замечательным средством, чтобы люди превосходили собственные пределы. Она может создать необходимую атмосферу для преобразования. Я бы согласился с теорией возвращения по той простой причине, что она лишней раз может заставить вас задуматься: ничего не повторяйте в этой жизни; начните меняться сегодня же. Учитесь не повторяться, чтобы однажды вы смогли избавиться от механического возвращения.

Но люди постоянно повторяют одно и то же, порой помимо своего желания. Сколько людей говорили мне, что хотят бросить курить. Я отвечал: "И кто же вам мешает? Во всяком случае, не я. Почему вы спрашиваете меня? Если я захочу начать курить, я не буду никого спрашивать. Если я не начал курить, то не потому, что кто-то мне отсоветовал. Кто вам не дает? Это вы хотите бросить".

Они бывают поражены, ведь они думают, что я им посочувствую. Они говорят: "Мы много раз пытались бросить, но курить так хочется, что мы забываем обо всех решениях. Мы полностью забываем о силе воли, мы даже начинаем доказывать, что курение не так вредно: одна сигаретка, изредка, не может принести большого вреда. Но за одной сигаретой приходит другая".

Взгляните на свою жизнь. Если вы повторяетесь, вы, возможно, склонны к повторению в большем масштабе — это то, что Заратустра называет возвращением. Вы вновь и вновь совершаете одни и те же ошибки. Вы гневаетесь и раскаиваетесь, но ваше раскаяние ничуть не мешает вам, потому что это шаблон. Сначала вы гневаетесь, потом каетесь, потом снова гневаетесь, снова каетесь... В действительности, ваше раскаяние нужно только для того, чтобы стереть чувство вины за гнев — и теперь вы опять готовы разозлиться, чувство вины прошло.

Однажды случилось следующее. Какой-то человек спросил Рамакришну:

— Я иду в Варанаси...

Каждые двенадцать лет люди собираются у Ганга, чтобы совершить священное омовение: индуисты верят, что, какие бы вы ни совершили грехи за двенадцать лет, все они смываются — стоит только разок погрузиться в Ганг. Это очень холодное время года; вода ледяная, она течет прямо с гималайских льдов, так что одного погружения достаточно, чтобы вас заморозить, и люди оттуда так и выскакивают. Но теперь они целых двенадцать лет свободно могут делать все то же самое. Через двенадцать лет они придут сюда снова.

Этот человек собирался совершить священное омовение, и он был горячим поклонником Рамакришны, поэтому и пришел просто коснуться его ног и получить благословение. Рамакришна сказал:

— Куда вы идете?

— Я хочу совершить священное омовение, — ответил он. Рамакришна сказал:

— Ну что ж, прекрасно. Вы можете разок погрузиться и за меня, ведь я не иду: вода слишком холодная. К тому же я не совершил никакого греха, так что зачем напрасно мутить Ганг, там и так столько людей. И еще я боюсь: на мне нет никаких грехов, а ведь так много людей сбрасывают в Ганг свои грехи... входять в Ганг опасно — ко мне могут прилипнуть чьи-нибудь грехи. Так что можете нырнуть разок и за меня.

Этот человек спросил:

— Вы что, шутите? Рамакришна сказал:

— По правде говоря... но я вам не запрещаю. Вы видели огромные деревья, которые стоят на берегу Ганга?

— Да, — ответил тот, — поскольку двенадцать лет назад я совершал священное омовение, я видел эти действительно огромные, высоченные деревья.

Рамакришна сказал:

— А знаете ли вы, для чего они там стоят? Он ответил:

— Неужели я похож на человека, который знает, зачем они там стоят? У вас какое-то странное настроение сегодня. Рамакришна сказал:

— Я открою вам их цель. Вы совершаете священное омовение, но грехи боятся не Ганга, они боятся холодной воды. Поэтому они выскакивают, садятся на деревья и поджидают вас. Сколько вы можете просидеть в Ганге?

— Просидеть? — воскликнул он. — Я не могу находиться там больше двух минут: вода слишком холодная. Рамакришна сказал:

— Ну вот, и когда вы выходите, они прыгают на вас. И помните, иногда бывает, что какие-нибудь чужие грехи тоже прыгают на вас — они видят: вы такой хороший парень... просто для разнообразия! Они достаточно мучили кого-то, теперь хотят помучить вас. Так что будьте очень внимательны: проходя под этими деревьями, будьте осторожны!

— Как я могу быть осторожным? — закричал он. — Я ведь ничего не вижу. Я не вижу грехов. Рамакришна сказал:

— Дело ваше. То, что вы делаете, очень опасно. Если вы поняли меня, подумайте над этим. Спешить некуда, вы можете отправиться завтра. Ганг никуда не денется, и эти деревья тоже будут стоять на своем месте.

Этот человек не спал всю ночь. Он думал снова и снова, и эта идея показалась ему важной — хотя это было просто средство; в ней не было ни капли правды.

Но в идее, что омовение в Ганге смывает все ваши грехи, тоже нет ни капли правды. Если бы это было так дешево, вы могли бы двенадцать лет делать все что хотите, а по прошествии двенадцати лет всего на денек сходить к Гангу и все это смыть.

А в наши дни не нужно даже ходить к Гангу. Водопроводные трубы доставляют воду из Ганга в любой конец страны. Так что просто примите душ в своей ванной. И зачем ждать двенадцать лет? Вы можете каждый день освежаться, чтобы совершать новые грехи.

Средства могут быть полезными. Средства не бывают правильными или неправильными; если они полезны, они правильны. И я говорю: теория вечного возвращения может принести огромную пользу множеству людей; поэтому она правильна.

"Вот мы знаем, чему учишь ты: что все вещи вечно возвращаются, а с ними и мы сами, что мы существовали уже несчетное число раз, а с нами — все вещи.

Ты учишь, что есть Великий Год становления, необычайный, величайший год-исполин; подобно песочным часам, должен он обращаться снова и снова, чтобы заново наполняться и снова течь".

Вы, наверное, видели древнее приспособление для измерения времени. Это стакан, сделанный в форме барабана и наполненный песком. Песок медленно-медленно высыпается. Щелка очень узкая. За час верхний стакан становится пустым; нижний стакан полон. И приспособление устроено так, что, когда верхний стакан пуст, совершенно пуст, нижний стакан поднимается, а верхний опускается. И вновь — тот же песок, тот же стакан, то же возвращение.

Животные говорят: "...подобно песочным часам, должен он обращаться снова и снова, чтобы заново наполняться и снова течь:

— и все эти годы равны самим себе, как в самом великом, так и в самом малом; и сами мы в каждый Великий Год тождественны себе, как в самом великом, так и в самом малом.

И если бы захотел ты теперь умереть, о, Заратустра, то знаем мы и то, что стал бы ты тогда говорить себе. Но звери твои просят, чтобы ты пока еще не умирал!

Без трепета, глубоко вздыхая от блаженства, стал бы говорить ты: ибо бремя величайшей тяжести было бы снято с тебя, о, терпеливейший!

"Вот я умираю и исчезаю, — таковы были бы слова твои, - и во мгновение ока обращаюсь в ничто. Души так же смертны, как и тела.

Но связь причин, в которую вплетен я, вновь возвратится и вновь создаст меня! И сам я — одна из причин Вечного Возвращения.

Я возвращаюсь — вместе с этим солнцем, с этой землей, в этими орлом и змеей — не для какой-то новой, или лучшей, или похожей жизни:

— я вечно возвращаюсь к этой же самой жизни как в самом великом, так и в самом малом, чтобы снова учить о Вечном Возвращении всех вещей,

— чтобы вновь сказать слово мое о Великом Полудне земли и человека, чтобы снова возвестить людям о Сверхчеловеке.

Я сказал слово свое и гибну во имя его: так хочет вечный жребий мой — я погибаю как провозвестник!

Настал час, когда гибнущий и идущий к закату своему благословляет сам себя. Так кончается закат Заратустры".

Сказав слова эти, звери умолкли и ждали ответа Заратустры: но он не заметил, что прекратились их речи. Подобно спящему, тихо лежал он с закрытыми глазами, хотя и не спал, — ибо беседовал он с душой своей. И тогда змея и орел, видя, что осенило его молчание, почтили великую тишину, окружавшую его, и осторожно удалились.

То, что он слушает животных, символично. Это означает, что сама вселенская жизнь, анима, как бы говорит Заратустре: "Такова твоя участь — идти к людям и возвестить им учение о вечном возвращении. Но помни, твоя участь еще и очень опасна". Слушая животных, Заратустра закрыл глаза, и казалось, что он заснул. Но он не спал. Он был в глубокой медитации, советуясь с собственной душой. О чем же он советовался со своей душой?

"Пришел ли мой час вступить на этот опасный путь и пойти к людям, которые — я прекрасно знаю это — глухи, слепы, не хотят видеть никакую истину, и не хотят слушать ни о какой истине? Пришло ли мое время? Настал ли мой час? Наступил ли Великий Полдень, которого я ждал? Если мой час настал, я приму вызов и пойду к людям — пусть они смеются или распинают меня, но я выпущу на волю весть, дарованную мне самим существованием.

Похоже, эти животные, которые никогда не говорили, которые не умеют говорить, стали голосом существования, и то, что они говорят, абсолютно верно. Это мое открытие. В эти семь дней я неожиданно открыл вечное возвращение. Но вот вопрос: настало ли время? — ибо я не хочу идти к человечеству преждевременно. Я хочу добраться точно вовремя - тогда, когда хотя бы несколько человек будут готовы услышать и понять меня".

Вот о чем он совещался со своей душой. А заканчивается притча описанием прекрасного и изящного поведения его животных. Змея и орел, видя его безмолвие, ...почтили великую тишину, окружавшую его, и осторожно удалились. Даже человек не так предупредителен, не так уважителен к тишине Мастера, к безмолвию медитирующего.

Мне вспомнился один пример из нашего столетия. Рамана Махарши, который жил в южной Индии, на горе Арунахал, был одним из величайших просветленных. Он был не очень-то многословен; он также был не очень-то образован. Ему было всего семнадцать лет, когда он ушел в горы в поисках себя. Он был очень тихим человеком, и люди приходили для того, чтобы вкусить его тишины.

Все приходившие наблюдали одно поистине чудесное явление: всякий раз, когда он садился на веранду храма в ожидании людей, которые хотели посидеть с ним в безмолвии, туда приходила и корова — без малейшего опоздания, точно вовремя. Она садилась там, а люди не могли в это поверить: "Что это за корова такая?" А когда Рамана Махарши возвращался в свою комнату и все расходились, эта корова подходила к окну и заглядывала внутрь, чтобы попрощаться - каждый день. После этого она уходила. А на завтра приходила снова.

Так продолжалось четыре года. Но однажды она не пришла, и Рамана Махарши сказал: — Она, наверное, или очень больна, или умерла. Я должен поискать ее.

Люди стали возражать:

— Человеку вашего уровня не пристало искать какую-то корову.

Но Рамана Махарши не послушал людей и пошел искать. Люди пошли за ним, и корову нашли. Она упала в канаву.

Она была уже старая. Она шла, она была в пути, но поскользнулась и упала в канаву.

Но она была еще жива, и когда Рамана Махарши подошел к ней и сел рядом, на глазах коровы появились слезы. Она положила голову на колени Рамана Махарши и умерла.

Рамана Махарши сказал своим людям:

— Здесь должен стоять большой храм в память о ней, потому что она умерла просветленной — она больше не родится даже как человек.

И даже сегодня этот храм со статуей коровы внутри находится там.

Наверное, мы не очень старались найти общий язык с животными, деревьями, горами, реками. Конечно, мы не можем говорить на их языке; нужно искать какие-то другие пути. Но многим людям удавалось в безмолвии испытать гармонию с деревьями, животными, птицами.

Так что это не только притча, это также указание на будущую возможность. Человек просто должен исследовать... есть так много всего, что можно исследовать! Но мы заняты тривиальным. Нас не заботят реальные и великие ценности жизни. Нас не интересует даже сама жизнь с ее разнообразнейшими формами. Все это — разные формы той же самой жизни, к которой принадлежим и мы — это то же вещество. Должен быть какой-то способ общения.

Заратустра безмолвствовал, беседуя с собой и принимая решение — спуститься с гор, уйти от животных и их невинности к людям, полным самодовольства и хитрости и думающим, что они знают, хотя они не знают ничего.

В этом отрывке не говорится, к какому заключению он пришел, общаясь с самим собой, но следующий фрагмент посвящен его спуску с гор к человечеству. Так что, должно быть, он услышал мягкий, негромкий голос своей души, который сказал ему: "Не медли. Это трудный удел, и к тому же опасный, но ты должен идти, ибо должен поделиться тем, что ты познал, увидел и испытал".

Вечное возвращение может обернуться великим благословением, если люди поймут его и начнут менять свою жизнь от механистичности к большей сознательности, к бдительному осознанию. Это возможно, ибо это произошло со многими. Это может случиться с каждым.

Вопрос только в том, чтобы набраться мужества и принять вызов.

В другом месте Заратустра говорит: "Пока вы не наберетесь смелости, чтобы превзойти самих себя и трансцендировать свою механистичность, свое роботоподобное поведение, сверхчеловек, — который есть ваше исполнение — не может родиться".

...Так говорил Заратустра.

О ВСТРЕЧЕ С ВЫСШИМ ЧЕЛОВЕКОМ

18 апреля 1987 года

Возлюбленный Ошо,

О ВСТРЕЧЕ С ВЫСШИМ ЧЕЛОВЕКОМ

Месяцы и годы бежали над Заратустрой, и волосы его уже побелели, а он все ждал знака — когда же придет его время, чтобы снова спуститься к людям. Однажды, когда Заратустра сидел возле своей пещеры, его посетил старый прорицатель, пришедший, чтобы соблазнить Заратустру на последний грех, что остался в нем — сострадание, сострадание к "высшему человеку". Ужас охватил Заратустру, но, в конце концов, он согласился отозваться на крик высшего человека, найти его и помочь ему.

Он покинул пещеру свою и пустился в путь, и на пути встретились ему разные люди. Первыми были короли — они сказали Заратустре, что ищут высшего человека. Заратустра просил их подождать в пещере, когда он возвратится. Повстречался ему и "совестливый духом", желающий выбросить все знания. Он сказал Заратустре: "Я слеп и хочу быть слепым. Но там, где желаю я знать, хочу я быть честным, а значит — строгим, твердым, целеустремленным, жестоким и неумолимым". Пришел он к этому, услышав, что Заратустра сказал некогда: "Дух есть жизнь, которая сама надрезывает жизнь".

Заратустра рассказал этому человеку, где пещера его, и пригласил подождать, когда вернется он.

Следующим был чародей; под конец он признался, что пресытился искусством своим; встретил он также последнего Папу на земле, который открыл ему, что благодаря своей близости к Богу знает, как и почему Бог умер: Он задохнулся от чрезмерного сострадания своего.

И чародей, и старый Папа получили приглашение в пещеру Заратустры. Потом Заратустра лицом к лицу столкнулся с "самым безобразным человеком" — человеком, убившим Бога. Он направлялся к Заратустре искать последнего убежища. Этот человек объяснил, почему Бог должен был умереть — своим всевидящим оком он слишком многое видел в человеке, его сострадание не знало стыда — так что, в конце концов, самый безобразный человек "возжелал отомстить такому свидетелю — или не жить самому". "Ибо невыносимо для человека, чтобы был у него подобный свидетель" — так объяснил он Заратустре.

И вновь Заратустра показал дорогу к пещере своей, и самый безобразный человек направился туда. Добровольный нищий встретил Заратустру и говорил с ним; и он присоединился к ожидающим в пещере.

А в полуденный час того же дня проходил он мимо старого дерева, там он лег и уснул. Он был преисполнен ощущением совершенства мира, и, когда через какое-то время поднялся с ложа своего у дерева, он был словно пьяный.

Только к вечеру вернулся Заратустра к пещере своей. И когда он был уже не более чем в двадцати шагах от нее, он снова услышал громкий крик о помощи - тот самый крик, что старый прорицатель назвал криком "высшего человека". Заратустра бросился к пещере и увидел всех своих гостей, собравшихся там — обоих королей, старого чародея, совестливого духом, старого

Папу и прочих: ибо они и были "высшими людьми".

В Заратустре нет уважения к высшему человеку, потому что этот высший человек — просто прежний человек с раздутым эго. Источником его превосходства может быть власть — ведь он король; — или знание, которое полностью заимствовано; он может быть высшим человеком из-за своих добродетелей и нравственных устоев, которые полностью прогнили и устарели, которые абсолютно не созвучны времени.

Сверхчеловека Заратустры нельзя смешивать с высшим человеком. Сверхчеловек — это разрыв связи с человеком как таковым. Высший человек должен умереть ради сверхчеловека — со всеми своими знаниями, всеми своими добродетелями, со всем своим эго — и уступить место чистому сознанию, сознанию ребенка. Высший человек — это продолжение обычного человека. Это все тот же прежний человек, украшенный деньгами, духовностью, религиозностью, уважением, властью — но в основе своей это все тот же человек. Сверхчеловек — это полный разрыв; он абсолютно нов. Так что запомните об этом различии.

Встречи с высшими людьми — это не встречи со сверхчеловеком, хотя любой высший человек всегда считает себя сверхчеловеком. Это проявление его эгоизма. Сверхчеловеку неведомо превосходство — и именно в этом его превосходство. Ему известна лишь невинная свобода, свобода ребенка. Все существование для него — тайна, и его глаза всегда полны любопытства, а не знаний. Так что разделяйте эти два понятия. Высший человек осужден, потому что он притворяется сверхчеловеком. Он закрывает путь, по которому приходит сверхчеловек. Он — фальшивка, подделка.

У сверхчеловека есть только одно качество: он невинен, как новорожденный младенец. И он абсолютно свободен от всякого груза, будь то богатство, знания, добродетели или святость. Небо открыто для него, ибо он невесом и может лететь к самым далеким звездам; все существование становится его домом. В определенном смысле ему ничего не принадлежит, но в другом смысле все принадлежит только ему. Но он не владеет этим — это не нужно; все и так его.

Собственность — всегда признак власти, а власть ознаменована нищетой, неполноценностью. Только неполноценный человек желает высокого положения, потому что ему трудно ужиться со своей неполноценностью. Неполноценный человек жаждет богатства, царств, знаний, хочет стать святым, праведником, — он хочет хоть как-то прикрыть свою неполноценность, чтобы навсегда забыть о ней. Он — не открытая книга; он не может позволить себе быть открытой книгой. Он очень скрытен, поскольку знает, что в нем прячется.

Сверхчеловек — открытая книга. Нечего прятать, нечем владеть. Удивленные глаза этого ребенка-мудреца владеют всем, не обладая ничем. Сверхчеловек не бедняк — он не так беден, чтобы обладать, не так беден, чтобы хвалиться своим превосходством или праведностью. Ему неведомо бахвальство. Он так преисполнен радости — простой радости птиц, цветов, рек, радости, которая не стоит никаких денег, ибо, согласно Заратустре, то, что имеет цену, не имеет ценности; ценно лишь то, что не имеет цены.

Сверхчеловеку принадлежат все ценности, но его ценности не продаются; это не товар. В нем есть невероятная любовь, прозрачайшая ясность, чистота души, он не отравлен хитростью, политикой, дипломатией. Он — просто тот, кто он есть, и он открыт всему.

Это притча о высших людях, притворщиках, считающих себя сверхлюдьми. Помните: когда есть настоящие монеты, всегда возможны и фальшивые. И есть странный закон: если у вас в кармане лежит несколько фальшивых монет и несколько настоящих, вы сначала захотите потратить фальшивые, чтобы избавиться от них. То же самое справедливо и для

внутренней жизни человека. Высший человек - это фальшивая монета, которая появляется первой, притворяясь сверхчеловеком.

Притча такова: Месяцы и годы бежали над Заратустрой, и волосы его уже побелели, а он все ждал знака — когда же придет его время, чтобы снова спуститься к людям. Однажды, когда Заратустра сидел возле своей пещеры, его посетил старый прорицатель, пришедший, чтобы соблазнить Заратустру на последний грех, что остался в нем — сострадание, сострадание к "высшему человеку".

Первое, что нужно понять — это то, что человек, подобный Заратустре, может терпеливо ждать нужного времени, нужного часа. Он никогда не торопится. Нетерпение, торопливость, поспешность — признаки напряженного ума. Заратустра полностью расслаблен. Годы проходят, он становится старше, его волосы седеют, но он по-прежнему ждет знака. Но откуда он придет? Он придет не извне; он придет из его сокровенной сущности. В безмолвии он услышит этот негромкий мягкий голос.

Снаружи приходят лишь приказы, не знаки — чужие распоряжения, но не подлинные знаки. Подлинные знаки приходят только через безмолвие. Безмолвное существование сонастроено с вселенной, расслаблено. Это глубокая связь. Существование не станет разговаривать с вами извне; существование всегда говорит изнутри, потому что так ближе всего. Добираться снаружи слишком далеко.

Однажды, во время этого ожидания, старый прорицатель, который повстречался ему на пути в горы — он жил в горной пещере... он еще удивился на него: "Возможно ли, чтобы этот старый прорицатель не слышал еще последнюю новость — что Бог умер? Он все еще поклоняется Богу; он до сих пор молится Богу".

Заратустра недвусмысленно дает понять: все ваши молитвы и поклонение свидетельствуют о незрелости. Они говорят о том, что вы нуждаетесь в отце; они показывают, что вы боитесь одиночества. Также это показывает, что вы боитесь: ваша жизнь небезопасна. Бог — ваша безопасность, Бог — ваш страховой полис. Именно поэтому все религиозные писания твердят снова и снова, что Бог спасет вас, что Бог всегда посылает мессий, чтобы спасти людей.

Но в реальности никакого спасения не происходит. Если посмотреть на людей, то окажется, что Заратустра прав: должно быть, Бог умер, потому что человек живет в таких муках, в такой агонии, что если бы действительно существовал этот "Бог Отец", он бы сделал что-нибудь. Предполагается, что он всемогущий, всесильный, так неужели он не может избавить человека от несчастий, не может избавить его от напряжения, не может помочь человеку снова запеть, снова начать танцевать под звездами?

Если взглянуть на человека и его психологию, вывод Заратустры покажется абсолютно правильным — должно быть, Бог умер. Люди, которые притворялись Его посланниками, пророками, воплощениями, не помогли. Они говорили о спасении, однако человек продолжает утрачивать свое достоинство, свою человечность, самоуважение.

Несколько дней назад народ Палестины попросил у правительства разрешения есть человеческое мясо, потому что пищи там не хватает, а кругом умирает так много людей — от голода, от террористов и их бомб. Эти трупы не следует предавать земле; их нужно отдать людям, которым нечего есть. Кажется, это несколько странное требование, но правительство уступило. Теперь в Палестине легально разрешено есть человеческое мясо.

И так бывает всегда. Сначала они будут есть людей, которые умерли естественной смертью; они будут есть людей, убитых террористами; но вскоре они начнут убивать людей для еды. Владельцы магазинов будут держать профессиональных киллеров, чтобы убивать детей, ведь каннибалы говорят, что детское мясо — самая изысканная еда в мире.

Если есть Бог — любящий, сострадательный, — то чего он ждет? Если реально смотреть на вещи, то к концу этого века то, что происходит в Палестине, должно случиться почти в трех четвертях всего мира. Палестина только делает первый шаг. И меня поражает, что правительство Палестины никто, ни с какой стороны, не осудил. Ни государства, ни религиозные деятели, ни филантропы не осудили это безобразие.

Возможно, они знают, что вскоре это станет необходимо и в других странах. Но если человек становится каннибалом, это последнее падение. Даже животные не едят особей своего вида. Ни один лев не станет есть другого льва. Он может умереть от голода рядом с трупом другого льва, но не станет есть его. Ни одно животное, за исключением человека, никогда не пробовало съесть себе подобных. А человек — величайшее творение Бога. В Библии говорится, что Бог создал человека по образу Своему. Если человек — действительно образ Божий, то Бог не слишком божественен. Быть может, человек — образ дьявола, но никак не Бога.

Открытия Заратустры очень важны. Идея, что Бог мертв — не просто логическая идея; она очень сущностна, экзистенциальна. Если взглянуть на мир, невозможно согласиться, что он создан мудрым Богом. И глядя, как он постоянно опускается все ниже и ниже, невозможно представить, что где-то есть Бог, который защищает, спасает, который заботится о Своих детях.

Этот прорицатель повстречался ему, когда он шел в горы ради уединения, медитации, чтобы проникнуть в тишину собственного сердца. И вот он снова встретил этого прорицателя.

Однажды, когда Заратустра сидел возле своей пещеры, его посетил старый прорицатель, пришедший, чтобы соблазнить Заратустру на последний грех, что остался в нем — сострадание, сострадание к "высшему человеку". Ужас охватил Заратустру, но, в конце концов, он согласился отозваться на крик высшего человека, найти его и помочь ему.

Заратустра против самой идеи милосердия, жалости, ибо это ставит другого человека в унижительное положение. Заратустра даже против сострадания, поскольку это означает, — что вы выше, а другой ниже, что вы — дающий, а он — получатель. Заратустра верит, когда делятся и одаривают от избытка любви — не из сострадания, не из жалости, но от изобилия. У вас есть так много; вы так переполнены, что хотите поделиться. Это прибавляет другому человеку достоинство. Вы не превращаете его в нищего.

Это одно из качеств его сверхчеловека. Он будет только делиться своим изобилием. В нем нет жалости, в нем нет сострадания — он знает только любовь. Любовь для него — единственный закон. Любовь уравнивает людей — вы отдаете потому, что любите, вы отдаете из уважения. Вы отдаете и позволяете другому человеку почувствовать, что ему оказана честь — это истинный дар. Если другой человек чувствует себя нищим, если вы даете таким образом, что это усиливает ваше эго, если вы хвалитесь тем, что отдаете, то вы совершаете грех; это не добродетель.

Вот почему старый прорицатель говорит: он пришел, чтобы соблазнить Заратустру на последний грех, что остался в нем — сострадание, сострадание к "высшему человеку". Ужас охватил Заратустру, но, в конце концов, он согласился отозваться на крик высшего человека, найти его и помочь ему.

Он покинул пещеру свою и пустился в путь, и на пути встретились ему разные люди. Первыми были короли...

Естественно, они считают себя высшими людьми, ведь их владения так велики — земли, царства, деньги, власть. Конечно, они верят в то, что они — высшие. Короли заставляют поэтов петь песни в их честь, заставляют историков писать про них хвалебные книги,

заставляют священников объявлять их почти богами.

Например, даже в наши дни Хирохито, император Японии, считается прямым наследником Солнца — поскольку Солнце в Японии считается великим божеством. Когда Япония стала проигрывать во Второй мировой войне, они не могли в это поверить. Как же так? Их император — наследник самого Солнца, величайшего из богов. Как они могут быть побежденными? Они не могли поверить в свое поражение. Но во всем мире королям очень легко представиться кем угодно, потому что они могут купить писателей, историков, поэтов.

Есть прекрасная история, суфийская история. Король Ирана послал своего эмиссара, муллу Насреддина, в Индию с богатыми дарами для тамошнего императора. Конечно, все придворные страшно обиделись на Насреддина и попытались устроить что-нибудь такое, чтобы по возвращении у него были неприятности. Они послали шпионов, чтобы те рассказали им, что Насреддин скажет императору Индии.

Насреддин сказал императору:

— Вы великий король. Вы словно полная луна в ночи.

Шпионы тут же клюнули на эту наживку. Они помчались сообщить заговорщикам, что он сказал императору Индии: "Вы словно полная луна". А как же император Ирана? Так что, когда он вернется, нужно задать этот вопрос: ведь нет ничего более великого, чем полная луна. Вот он и попался. Тем более что он ни о чем не догадывается и думает, что император ничего не знает.

Когда император Ирана услышал об этом, он разгневался, очень разгневался — его личный посол осмелился сказать другому правителю: "Вы словно полная луна". Он сказал:

— Что ж, подождем, пускай он только приедет.

Насреддин вернулся. Он никак не мог понять, почему все придворные пребывают в таком напряжении, и почему император так разгневан. Первое, что спросил правитель:

— Скажи, кто я? Если индийский правитель — луна, полная луна, тогда кто же, по-твоему, я? Насреддин улыбнулся. Он сказал:

— Вы? Вы — только что народившаяся луна, двухдневная луна — ведь в первый день ее не видно. Это всего лишь тонюсенькая полоска. Только на второй день она на несколько минут появляется в поле зрения. Вы — двухдневная луна.

Король спросил:

— Выходит, он более велик, чем я?

Насреддин ответил:

— Нет. У двухдневной луны неограниченные возможности для роста. А этот старый идиот, король Индии... после полнолуния остается только смерть. У двухдневной луны впереди целая жизнь. Вы будете расширять свою империю; а с ним уже покончено, он истощился. Кто сказал вам, что двухдневная луна ниже полной?

Это было прекрасное объяснение. Король очень рассердился на придворных и сказал:

— Вы сговорились против человека великой мудрости. Когда они вышли, один из товарищей сказал Насреддину:

— Ты, конечно, очень умен. Ты выпутался из этой ситуации. Мы все очень беспокоились о тебе. Он ответил:

— Всегда есть выход. Что касается аргументов, то всегда есть выход. Меня нельзя поймать на аргументах.

Короли всегда были счастливы, когда их называли великими, святыми, праведными. В их жилах течет королевская кровь — хотя ни кровь, ни плоть их ничем не отличается от других. Но короли — первые, благодаря своей жестокой власти. Люди смирились с тем, что они выше.

И они распускают по миру странные слухи. В средневековой Англии считалось, что у

королевы не две отдельные ноги, что они соединены вместе, потому что никто никогда не видел ног королевы. Ее платья доходили до пола; ног королевы не было видно. И королевская семья никогда этого не опровергала: "Это чепуха. Если бы ее ноги были соединены, как бы она ходила?" Но королева ходила очень медленно, очень величественно, и люди думали: это оттого, что ее ноги соединены вместе; но она умудряется как-то ходить, хотя и очень медленно.

Всего двести лет назад они обнаружили, что это чушь. Они верили в это почти тысячу лет. И королевская фамилия позволяла в это верить — как и во все, что делает их особенными и выше других.

...и на пути встретились ему разные люди. Первыми были короли — они сказали Заратустре, что ищут высшего человека. Они слышали, что Заратустра провозгласил приход сверхчеловека и подумали, что сверхчеловек и высший человек — синонимы. Нужно поскорее пойти к Заратустре, и если он объявит, что они — сверхлюди, то это разнесется по всей стране. Заратустра так много лет пробыл в безмолвии и уединении, что все ждали: он придет с великой мудростью, и короли хотели, чтобы он подтвердил своим авторитетом: да, они — сверхлюди.

Заратустра просил их подождать в пещере, когда он возвратится. Повстречался ему и "совестливый духом", желающий выбросить все знания. Он сказал Заратустре: "Я слеп и хочу быть слепым. Но там, где желаю я знать, хочу я быть честным, а значит — строгим, твердым, целеустремленным, жестоким и неумолимым". Пришел он к этому, услышав, что Заратустра сказал некогда: "Дух есть жизнь, которая сама надрезывает жизнь".

Заратустра рассказал этому человеку, где пещера его, и пригласил подождать, когда вернется он.

Второй путник на этой дороге — человек, который думает, что он совестлив и отбросил все знания. Он полностью предает себя в руки Божьи: "Если Он хочет, чтобы я был слеп, я останусь слепым. Я буду честным — ...строгим, твердым, целеустремленным, жестоким и неумолимым". Это священник. Все священники всегда оставались слепыми, и все священники помогали человечеству оставаться слепым.

Это чрезвычайно совестливые люди, и все их усилия направлены на то, чтобы вы не пытались ничего изменить. Бог все устроил именно так. Если Он сделал вас слепыми, то в этом должна быть какая-то мудрость; вам следует оставаться слепыми. Единственное, что от вас ожидается — это честность — строгая, твердая, жестокая и неумолимая честность. Даже если ваша честность должна быть жестокой, вы за это не ответственны. Бог дал вам то, что необходимо вам и необходимо миру — неумолимую честность.

Пришел он к этому, услышав, что Заратустра сказал некогда: "Дух есть жизнь, которая сама надрезывает жизнь".

Заратустра рассказал этому человеку, где пещера его, и пригласил подождать, когда вернется он.

Следующим был чародей; под конец он признался, что пресытился искусством своим; встретил он также последнего Папу на земле, который открыл ему, что благодаря своей близости Богу знает, как и почему Бог умер: Он задохнулся от чрезмерного сострадания своего.

Все эти люди искали Заратустру для того, чтобы он провозгласил их сверхлюдьми. Чародей говорит: "Я пресытился своим искусством. Я бросил его". Он думает, что, отбросив его, он стал высшим человеком. Он тоже надеется, что, быть может, он будет принят за сверхчеловека.

А затем он встречает еще одного... последнего Папу на земле, который открыл ему, что благодаря своей близости Богу знает, как и почему Бог умер. Каждый пытается склонить Заратустру, чтобы именно его он объявил сверхчеловеком. Папа говорит, что очень близок

Богу; несомненно, он выше и праведнее всех остальных людей. И поскольку он знает, что Заратустра сказал: "Бог умер", то, ради того, чтобы убедить его, говорит даже, что знает, как и почему Бог умер — ведь он был так близок Ему: Он задохнулся от чрезмерного сострадания своего.

Он смертельно устал от своего сострадания. Не так-то просто прожить целую вечность. Любому захочется умереть. А поскольку он создал это существование и оно превратилось в сущее бедствие, он сам задохнулся от своего сострадания.

Есть одна прекрасная история об Александре Великом. Когда он шел в Индию и проходил через пустыню в Саудовской Аравии, один человек сказал ему:

— Я слышал, вас интересует бессмертие? Он ответил:

— Да. Ты знаешь какой-то способ, чтобы стать бессмертным?

— Это совсем нетрудно. Неподалеку находится пещера, в которой есть особая вода. Стоит выпить ее, и вы станете бессмертным.

Александр остановил свои войска. Он не взял с собой даже телохранителей, ведь они тоже могли выпить воду. Один он отправился на поиски пещеры и нашел ее; оказалось, что она была совсем близко. Он был безмерно счастлив.

Он шагнул к воде и уже почти зачерпнул ее руками, как вдруг ворон, сидевший на скале, сказал:

— Подожди! Помедли одну минуту!

Он посмотрел на ворона. Он не мог поверить своим глазам — говорящий ворон? Но ворон сказал:

— Не удивляйся. Я не обычный ворон, я тоже выпил воду из этого источника и стал бессмертным. Я не знаю, сколько миллионов лет прошло. Я просто хотел сказать: прежде чем выпить воду, подумай дважды — потому что сам я имел глупость выпить ее.

Теперь я хочу умереть. Я устал — устал от существования, устал от его бессмысленности, но я даже не могу покончить с собой. Умереть невозможно. Я все перепробовал. Я пил всевозможные яды; меня кусали ядовитые кобры, но на меня ничего не действует. Я бил камнями свою голову, но на ней не остается ни царапины. Только представь: я напрочь забыл, сколько миллионов лет... Это так утомительно. И теперь, когда я знаю, что не могу умереть, вся радость жизни исчезла. Жизнь стала для меня обузой. Поэтому я хотел рассказать тебе свою историю. Теперь, если ты все равно хочешь стать бессмертным, можешь пить воду.

Он уже держал эту воду в руках; он вылил ее. Он подумал: "В том, что говорит ворон, есть смысл. Всем нужен отдых, и приходит время, когда каждому захочется умереть".

Бог жил от вечности, и Он создал из этого мира сущее бедствие, где все неправильно. И по-видимому, нет никакой возможности исправить хоть что-то. Папа говорит: ...Он задохнулся от сострадания своего.

И чародей, и старый Папа получили приглашение в пещеру Заратустры. Потом Заратустра лицом к лицу столкнулся с "самым безобразным человеком" — человеком, убившим Бога. Он направлялся к Заратустре искать последнего убежища. Этот человек объяснил, почему Бог должен был умереть - своим всевидящим оком он слишком многое видел в человеке. Он слишком много знал о человеке. Для Него человек был почти прозрачен. От Него нельзя было ничего скрыть.

Его сострадание не знало стыда — так что, в конце концов, самый безобразный человек "возжелал отомстить такому свидетелю — или не жить самому". "Ибо невыносимо для человека, чтобы был у него подобный свидетель" — так объяснил он Заратустре. Бог слишком много знает о человеке, и такому свидетелю невозможно позволить жить. Вот почему я убил его. Он тоже

идет к Заратустре, чтобы его объявили сверхчеловеком. Человек, убивший Бога — незаурядный человек; хотя Заратустре он и представляется "самым безобразным человеком".

И вновь Заратустра показал дорогу к пещере своей, и самый безобразный человек направился туда. Добровольный нищий встретил Заратустру и говорил с ним; и он присоединился к ожидающим в пещере.

А в полуденный час того же дня проходил он мимо старого дерева, там он лег и уснул. Он был преисполнен ощущением совершенства мира, и, когда через какое-то время поднялся с ложа своего у дерева, он был словно пьяный.

Только к вечеру вернулся Заратустра к пещере своей. И когда он был уже не более чем в двадцати шагах от нее, он снова услышал громкий крик о помощи — тот самый крик, что старый прорицатель назвал криком "высшего человека". Заратустра бросился к пещере и увидел всех своих гостей, собравшихся там — обоих королей, старого чародея, совестливого духом, старого Папу и прочих: ибо они и были "высшими людьми".

Но высший человек — не сверхчеловек. Высший человек до сих пор был самым безобразным человеком. Кто такие ваши короли, если не величайшие грабители, убийцы? Кто такие ваши так называемые удивительные люди, если не чародеи, маги, обводящие вокруг пальца невинное человечество?

Я знал одного такого человека — сейчас он живет в Бангладеш. Раньше он жил в Калькутте и был очень знаменит как "Бенгали-Баба". Поскольку мы много раз встречались, он стал относиться ко мне очень дружески. Однажды мы спали в одной комнате. Я спросил:

— Люди толкуют о твоих чудесах; они поклоняются тебе, точно ты бог. Хотя бы раз в жизни будь честен со мной. Что это за чудеса? Я не верю в чудеса. Либо все это существование — чудо, либо никаких чудес нет.

Он сказал:

— Я не могу говорить тебе неправду. Я люблю и уважаю тебя. Я никогда не совершал никаких чудес, но мне кое-что удалось подстроить.

И он рассказал мне историю о том, как он стал знаменитым: совершив свое первое чудо. Он сидел в вагоне первого класса в Хаурахе, второй станции после Калькутты; вошел контролер и попросил его предъявить билет. Он был в черной мантии - есть одна суфийская секта, в которой носят черные мантии. Он сказал контролеру:

— Наверное, вы здесь недавно. Нехорошо приставать с такими глупостями к святому.

Контролер не мог поверить своим ушам. Он сказал:

— Святой вы или нет, мне нет дела; моя обязанность - проверять билеты. Если у вас есть билет, покажите его; если нет — выходите из поезда.

Он ответил:

— Я никогда не покупал никаких билетов, и вы — первый идиот, у которого будут неприятности. Я не выйду из поезда, пока вы не выведете меня силой.

Так что контролер потащил его из вагона, и он встал на перроне, касаясь своим посохом поезда. Машинист делал все что мог, кондуктор размахивал флажком, свистки раздавались один за другим, но поезд не двигался с места.

Машинист не мог найти в машине никакого повреждения; все было в порядке. Все пассажиры этого поезда и ожидающие на платформе собрались вокруг Бабы. А он стоял с закрытыми глазами. Вскоре толпе стало известно, что Бабу оскорбили. У него в толпе были свои люди, которые говорили, что обижать Бабу рискованно. Пока контролер не принесет ему в подарок кокос, пять рупий и сладости, пока он не коснется его ног и не извинится, поезд не сдвинется с места.

Все пассажиры страшно разозлились на контролера. Начальник станции прибежал к Бабе

и сказал:

— Пожалуйста, отпустите поезд. Но Баба ответил:

— Где этот идиот, который выгнал меня из вагона? Ему придется припасть к моим ногам. Дело не во мне: он оскорбил святой дух. Он должен принести кокосы, фрукты, сладости и пять рупий, коснуться моих ног и отвести меня обратно в вагон.

Машинист, кондуктор — все надели на контролера:

— Люди должны успеть на другие поезда; они должны сделать пересадку. Мы и так уже опаздываем. Кому-то придется пойти под суд, и зачем ты только сделал это? Всем известно, что суфии ездят без билетов.

Этот человек сказал:

— Я просто выполнял свой долг. Странно: вы все заставляете меня сделать нечто абсолютно незаконное.

Но толпа начинала буйствовать, возникла даже опасность, что они начнут избивать бедного контролера, так что он принес все, что от него требовали, неохотно сложил у ног Бабы, коснулся его ног, отвел его в вагон, и как только тот сел в поезд, поезд отправился. Это было его первое чудо. Всему Бенгалу он стал известен как "Бенгали-Баба". Я спросил:

— Как вы это устроили?

— Очень просто, — ответил он. — Я подкупил двух людей: контролера и машиниста. Всего по двадцать пять рупий каждому. Этим все и объясняется. А в толпе были два-три моих ученика, которые подливали масло в огонь.

Он сказал:

— Все чудеса подстроены. Я знаю много кудесников в этой стране. Все они — просто фокусники, маги.

Им следовало бы показывать свои фокусы на улицах, потому что я встречал на улице более искусных фокусников, чем они, которые показывали чудеса почище. Но эти люди всегда становились великими бабами, духовными лидерами.

Короли пришли к власти благодаря своей жестокой насильственности: убивая, сжигая людей заживо, присваивая территории, не принадлежащие им. Они творят историю. Наша история — не что иное, как история убийц. Но стоит вам назвать их великими императорами — Александра Великого, Чингисхана, Тамерлана, Надир-шаха, Ивана Грозного, Наполеона Бонапарта. Вы полностью забываете, что это величайшие в мире преступники, и вы учите своих детей на примерах этих преступников. Вся ваша история — сплошная ахиня.

И есть еще ваши так называемые праведники. Их святость не имеет ничего общего с духовным опытом; в их святости есть нечто общее с поддельными чудесами. Они прекрасные актеры, и им следует за это платить, но не поклоняться. Они — не сверхчеловек Заратустры. Они — даже не высшие люди.

И Папа, который говорит, что он очень близок Богу, — лжец. Никто не был очень близок Богу, потому что Бога нет. Заратустра говорит, что Бог умер, не потому, что Бог существовал, а теперь умер; он просто говорит символически. Он говорит, что концепция Бога умерла; теперь она бессмысленна. Но на самом деле никакого Бога никогда и не было; не было никакого Творца.

Творчество самодостаточно. Это самодвижущаяся энергия. Его источник не снаружи; источник его жизни — внутри. Следовательно, я согласен с Заратустрой, когда он говорит, что сверхчеловек будет отличаться качеством божественности; он не будет богом.

И мой подход всегда был таким: все сущее имеет качество божественности. Бог — не личность, сидящая на троне; сама эта идея нелепа, смешна и абсурдна. Если посадить кого-то на трон и заставить сидеть так целую вечность, он неминуемо совершит самоубийство! Что

он будет там делать?

И никого не волнует самый первый вопрос: откуда он взялся? Кто его отец, кто его мать? В действительности, он - единственная настоящая сирота в мире. Сирот много — тех, у кого умерли матери или отцы, или их бросили родители, — но они все родились из утробы матери. Бог — единственная совершенная сирота. Матери Терезе следовало бы присмотреть за ним, ведь у этого бедняги нет ни отца, ни матери, и от начала вечности он болтается где-то над облаками на золотом троне. Это идея для детского сада — она хороша для детей, которые любят сказки, но не для взрослых, зрелых и разумных людей.

Заратустра говорит: "Эти люди провозглашают себя высшими людьми". Они ниже самых обычных людей. Но у них определенно есть власть; они были хитры, жестоки, и им удалось поделить человечество на части, чтобы управлять ими: император Китая — прямой потомок Бога. Во всех этих людях нет ничего, что можно назвать высшим; их можно назвать только низшими. В них больше животного, они больше жаждут власти, денег, женщин. Но, тем не менее, мы продолжаем считать их высшими людьми.

Заратустра хочет напомнить вам, что ваши высшие люди не имеют ничего общего с его концепцией сверхчеловека. Сверхчеловек не будет вашим продолжением. Сверхчеловек может прийти в существование, только если вы исчезнете. Человек должен быть лишь зерном; он содержит в себе сверхчеловека как возможность, но зерно должно умереть в земле. Только тогда взойдут зеленые ростки; и вскоре там будет прекрасное дерево с пышной кроной, свежее и молодое, цветущее и благоухающее. Но зерно должно исчезнуть. Человек — это зерно сверхчеловека.

Каковы будут качества сверхчеловека?

Его основным качеством будет сверхсознание. Его действия будут происходить из сознательности, а не из какой-либо морали. Он будет спонтанно реагировать на каждую ситуацию — не согласно какому-то писанию, но согласно собственной совести. Он будет абсолютно свободен от всех вымыслов — Бога, рая и ада. Свобода будет его пульсом, а сознательность даст ему жизнь, исполненную изящества, красоты, счастья, благословения.

В нем будет изобилие любви. Он будет обладать небывалой властью, но не над другими.

Его силой будет любовь.

Его могущество будет сокровищем, которое он сможет разделить с другими.

Его силой будет постоянная отдача.

Он никого не может сделать нищим; он не может унижить ничье достоинство. Он будет дарить любовь, сознательность как друг, как попутчик, но никогда, даже во сне, он не будет считать себя выше или праведнее.

Он будет абсолютно невинным.

Он будет свят в своей невинности, богат в своей любви, и в его сверхсознательности будет качество божественности.

...Так говорил Заратустра.

ПРИВЕТСТВИЕ

18 апреля 1987 года

Возлюбленный Ошо,

ПРИВЕТСТВИЕ

Один из так называемых высших людей, король, обратился к Заратустре:

"Чтобы увидеть такое, мы охотно поднялись бы и на более высокие горы, нежели эта. Ибо с жадной зрелищ пришли мы сюда, мы хотели увидеть, что просветляет печальный взгляд...

Не растет на земле ничего более радостного, о, Заратустра, чем высокая сильная воля: она — прекраснейшее из всего того, что здесь произрастает. Одно такое дерево оживляет всю местность.

Кедру уподобляю я того, кто вырастает подобным тебе, о, Заратустра: высокий и молчаливый, суровый и одинокий, величественный, гибкий и упругий,

— и простирающий сильные зеленые ветви к владениям своим, смело вопрошающий ветры и бури, и все, что от века близко высотам,

— еще более смело отвечающий, господствующий и победоносный: кто не поднялся бы на высокую гору, чтобы увидеть такие деревья?..

О, Заратустра, ...глядя на тебя, успокаивается и скиталец, и исцеляется сердце его...

...Возникло великое томление, и многие спрашивают: кто такой Заратустра?

И все, в чей слух некогда по каплям вливал ты песнь свою и мед свой: все ушедшие от мира, отшельники и те, кто одинок вдвоем, стали говорить в сердце своем:

"Жив ли еще Заратустра? Не стоит жить больше, все равно все тщетно: или же — мы должны жить с Заратустрой!"...

Все выше и выше вздымаются волны вокруг горы твоей, о, Заратустра. И как бы ни была высока она, многие достигнут твоей высоты: недолго еще челн твой пребудет на суше.

И что мы, отчаявшиеся, пришли теперь в пещеру твою и уже освободились от отчаяния — это есть знамение и предзнаменование того, что лучшие, чем мы, находятся в пути к тебе,

— ибо уже в пути к тебе то последнее, что осталось от Бога среди людей, а именно: все люди великой тоски, великого отвращения, великого пресыщения,

— все, кто не хочет жить иначе, чем научившись опять надеяться, научившись у тебя, о, Заратустра, великой надежде!"...

"Пусть даже все вы, вместе взятые, — высшие люди, — отвечал Заратустра; — но для меня вы недостаточно высоки и сильны.

Для меня — это значит: для того неумолимого, что безмолвствует во мне, но не вечно он будет молчать. А если вы и не чужие мне, то не так близки, как правая рука моя.

Ибо у кого, как у вас, больные и слабые ноги, тому, прежде всего, хочется, чтобы щадили его, сознает он это или же скрывает от себя.

Но ни рук, ни ног своих не щажу я — я не щажу своих воинов: так что непригодны вы к моей войне!..

Чистые, гладкие зеркала нужны мне для поучений моих; а ваша поверхность искажает даже мой собственный образ...

Вы только мосты: да пройдут по ним высшие на ту сторону! Вы — всего лишь ступени: так не гневайтесь же на того, кто поднимается по этим ступеням на свою высоту!

Быть может, из семени вашего и вырастет некогда истинный сын и настоящий наследник: но далеко еще до этого. Вы — не те, кто унаследует имя и достояние мое...

Нет! Нет! Трижды нет! Других жду я тут, в этих горах, и ни шагу не сделаю без них отсюда, — я жду высших, сильных, победоносных, бодрых духом, у кого душа и тело — в гармонии: должны прийти смеющиеся львы!

О, дорогие гости мои, вы, удивительные, вы ничего еще не слышали о детях моих? И что они уже в пути ко мне?

Говорите же мне о садах и блаженных островах моих, о новом и прекрасном потомстве моем. Почему молчите вы об этом?

Этого подарка прошу я у любви вашей, чтобы вы говорили со мной о детях моих. Ради них богат я, ради них стал я беден: чего не отдал бы я,

— чего не отдал бы я, чтобы иметь одно: этих детей, эти живые насаждения, эти деревья

жизни, порожденные волей и высочайшей надеждой моей!"...

...Так говорил Заратустра.

Человечество создало фальшивые заменители всему истинному. Это огромный рынок лжи; истина почти не пользуется спросом. Крайне редко человек отправляется на поиски, рискуя всей своей жизнью, чтобы найти смысл существования и самого себя.

Гораздо дешевле заимствовать его из писаний, библиотек, из наследия прошлого. Университеты немало потрудились, чтобы отдалить человека от истины. Образованные люди, ученые, раввины, пандиты — кажется, что вся их деятельность направлена на то, чтобы помешать искателям, поскольку если хотя бы один человек придет к истине, он бросит великий вызов в души многих других людей. А кроме того, он заставит миллионы людей осознать: то, что они всегда считали истинным, не является таковым; их обманывали.

Все их так называемые великие люди фальшивы. Их величие не больше, чем игра. Они играют то, чем великий человек является спонтанно; поэтому вы обнаружите у ваших так называемых великих людей огромное множество лиц. Они надевают эти маски, когда того требуют обстоятельства, определенная ситуация, и тут же меняют их, когда положение меняется. А когда они находятся в спокойном состоянии, одни, это такие же ничтожные люди, каких вы встретите в любой толпе. Они высоки только на словах; все их переживания украдены; они изящны только на поверхности. Но обычных людей они вполне в состоянии обмануть, поскольку вы никогда не знали подлинно великих людей. Вам не с чем сравнивать. Пока вы не узнаете реальное, вы не сможете распознать фальшивое.

Сегодняшний фрагмент из Заратустры начинается с того, что один из так называемых высших людей, король, приветствует Заратустру. Почему мы говорим "так называемый"? В действительности, все ваши короли, все ваши президенты и премьер-министры только называются высшими людьми. Они выбраны массами, но эти массы не понимают, что подлинно, а что фальшиво. Масса слепа. Массы легко верят любому обманщику. Любой обманщик, который ловко умеет обещать, становится великим.

И каждый день вы можете наблюдать, как ваши великие люди исчезают — как только кончается их власть, их величие тут же исчезает. Ведь это не качество их души, не проявление их сознательности; это было только кресло. Все их величие было даровано им этим креслом. Королей не выбирали; они силой навязали себя массам. С ними смирились от страха, их уважают из страха. Но величие никогда не рождается из страха. Величие — магнетическая сила; оно привлекает не путем насилия, но через любовь. Оно утверждает и доказывает себя не мечом, но самым своим благоуханнейшим присутствием.

Взгляните на своих великих людей, так называемых высших людей, и вы поразитесь: под масками прячутся маленькие, очень посредственные и уродливые люди. Вот почему король упоминается как "так называемый" высший человек. Но даже так называемый высший человек в присутствии личности, подобной Заратустре, забывает о притворстве, забывает о своей игре; он открывается, становится доступным в своей реальности. Эти слова — доказательство.

Король говорит Заратустре: Чтобы увидеть такое, мы охотно поднялись бы и на более высокие горы, нежели эта. Лишь бы увидеть тебя.

Он совершенно забыл о том, что он — король. Он совершенно забыл, что Заратустра — всего лишь нищий. Но в этом красота существования: есть нищие короли и короли-нищие. Возможно, Заратустра и нищий, но в тот миг, когда вы встретитесь с ним, вы внезапно поймете: быть может, у него и нет королевства, но он — великий король.

Быть может, его королевство — королевство внутреннего мира.

Чтобы увидеть такое, мы охотно поднялись бы и на более высокие горы, нежели эта. Ибо с жаждой зрелищ пришли мы сюда, мы хотели увидеть, что просветляет печальный взгляд.

Мы видели людей, идущих к тебе, и когда они возвращались, мы удивлялись: что за чудо случилось с ними? Они уходили с печальными очами, а когда возвратились, вся эта грусть исчезла; их глаза сияли. Они уходили с тяжестью, обремененные тысячью и одним беспокойством, напряженные и тревожные, а когда они спускались с гор, это было похоже на то, как течет река — танцуя, настолько свежие и живые, словно они только что родились. Именно эти люди привели нас сюда.

Сначала мы пришли сюда просто посмотреть, просто из любопытства — в чем дело? Но когда мы увидели тебя, все изменилось. Мы больше не зеваки. Мы впервые увидели человека, который достоин звания человека. Мы охотно поднялись бы и на более высокие горы, чтобы увидеть тебя. Один твой вид — это такое потрясающее переживание, оно настолько преображает, что поневоле теряешься: как это понять? Это превосходит всякие разумные объяснения и логику: ты смотришь на человека, и вся твоя печаль исчезает, и сердце внезапно наполняется песней.

Не растет на земле ничего более радостного, о, Заратустра, чем высокая сильная воля: она — прекраснейшее из всего того, что здесь произрастает. Одно такое дерево оживляет всю местность.

Нет ничего более радостного... А этот человек — король; он многое повидал. Ему принадлежит царство и, возможно, несметные сокровища; быть может, у него прекрасные жены. Он попробовал все, что есть в этом мире. И все же он говорит:

Не растет на земле ничего более радостного, о, Заратустра... Мы не видели ничего более радостного. Наши сердца танцуют. Мы не можем в это поверить, но приходится верить вопреки самим себе. Одно твое присутствие делает нас моложе. У тебя крепкая воля, высокая. Это самое прекрасное, что вырастает на земле. Мы видели миллионы людей, но ты — самое прекрасное, что растет на земле. Одно такое дерево оживляет всю местность. Даже когда ты один, все окружающее меняется от твоего присутствия.

Кедру уподобляю я того, кто вырастает подобным тебе, о, Заратустра: высокий и молчаливый, суровый и одинокий, величественный, гибкий и упругий,

— и простирающий сильные зеленые ветви к владениям своим, смело вопрошающий ветры, и бури, и все, что от века близко высотам...

Король говорит Заратустре: "Я могу уподобить тебя лишь кедру — уходящему высоко в небеса, танцующему на ветру, под дождем, под солнцем, достигающим до звезд и властью необычайной вопрошающему бури. Одно твое присутствие делает эти вершины божественными, величественными".

Еще более смело отвечающий, господствующий и победоносный: кто не поднялся бы на высокую гору, чтобы увидеть такие деревья?

О, Заратустра, глядя на тебя, успокаивается и скиталец, и исцеляется сердце его...

Возникло великое томление, и многие спрашивают: кто такой Заратустра? Может быть, ты не знаешь об этом — ты ведь живешь в горах — но тысячи людей в долинах задают единственный вопрос: кто такой Заратустра?

Твой аромат разносится далеко вокруг. Твое имя звенит в миллионах сердец, создавая великое желание, огромное стремление, о котором они даже не догадывались — достичь вершин, найти способы, чтобы превратить свой потенциал в реальность, воплотить мечты в действительность. Все, что дремало в них... стоило им услышать о тебе и чудесах, которые здесь происходят, как все дремлющие, все спящие возможности в них стали медленно разворачиваться, подобно змее.

И все, в чей слух некогда по каплям вливал ты песнь свою и мед свой: все ушедшие от мира, отшельники и те, кто одинок вдвоем, стали говорить в сердце своем:

"Жив ли еще Заратустра? Не стоит жить больше, все равно все тщетно, или же — мы должны жить с Заратустрой!"

Те, что вкусили твоих песен, в чей слух ты вливал своей мед, свою любовь, свою сознательность, — все они чувствуют: если тебя нет в живых, то и им незачем жить. Вся земля становится без тебя бессмысленной. Ты — сама земля и смысл земли. Ты — сама жизнь и соль жизни для многих, многих людей. Тот, кто хоть чуть-чуть испробовал твоего существования, уже не может быть прежним: он начал движение от обычного человека к некоему высшему, более великому существованию.

Все выше и выше вздымаются волны вокруг горы твоей, о, Заратустра. И как бы ни была высока она, многие достигнут твоей высоты: недолго еще челн твой пребудет на суше.

Король говорит с Заратустрой в высшей степени поэтично, изящно, учено: "Волны одна за другой поднимаются вокруг горы твоей, чтобы добраться до тебя". Все, что говорит король, рождается под магнетическим, харизматическим влиянием Заратустры.

Так происходит всегда.

Люди, которые пришли к Гаутаме Будде, забыли о своей личности, забыли о своих масках, открыли сердца. Люди, которые приходили к Пифагору или Гераклиту, вдруг обнаруживали, что могут сбросить одежды и остаться абсолютно нагими; прятать нечего. На самом деле, им хотелось, чтобы человек, подобный Заратустре или Гаутаме Будде, взглянул на них и увидел бы их насквозь, потому что один этот взгляд очистит их от всей чепухи, которую они носили в себе, может быть, много жизней.

И как бы ни была высока она, многие достигнут твоей высоты: недолго еще челн твой пребудет на суше.

И что мы, отчаявшиеся, пришли теперь в пещеру твою и уже освободились от отчаяния...

Король сказал: "Мы пришли сюда в печали, отчаявшиеся и глубоко разочарованные. А ты не произнес ни слова. Ты ничего не сделал для нас, но мы уже свободны от отчаяния. Мы больше не печальны".

На Востоке это называется сатсанг. Сатсанг — нечто исключительно восточное. На Западе никогда не развивалось ничего подобного, потому что это значит: просто быть с человеком, который достиг. Совершенно необязательно, чтобы он говорил. Необязательно также, чтобы вы спрашивали: просто быть в его присутствии — очень сильное переживание. Его вибрации трансформируют; его радость заразительна; его тишина находит способы, чтобы проникнуть в вас; его сердце внезапно заставляет ваше сердце танцевать в одном гармоничном танце.

Это есть знамение и предзнаменование того, что лучшие, чем мы, находятся в пути к тебе. И это удивительно — узнать, что к тебе направляются люди лучше нас, ведь король высший в своем мире — кто может быть лучше его?

Но рядом с Заратустрой он неожиданно чувствует свое ничтожество; он чувствует, что все его царства и сокровища не имеют никакой ценности. Царство этого человека — царство вечности; царство этого человека нельзя завоевать. Даже смерть не отнимет его. А мы всегда тратим время, забавляясь игрушками; мы как малые дети. В момент великой истины он говорит: "Возможно, мы — всего лишь начало, а в пути к тебе находятся лучшие, чем мы".

Ибо уже в пути к тебе то последнее, что осталось от Бога среди людей, а именно: все люди великой тоски, великого отвращения, великого пресыщения. Люди, полностью удовлетворенные в обычном мире, в присутствии Заратустры внезапно осознают, что есть нечто неизмеримо большее, что еще не открыто. Они слишком рано успокоились. Может быть, их страсть была

недостаточно велика.

Придут люди, которым отвратительна низость и безобразие человечества, и увидев тебя, они вдруг поймут, что если человек и отвратителен, то это не его природа; возможно, он сбился с пути. Это не его вина; быть может, не было никого, чтобы помочь ему, наставить на путь истинный. Вот человек, видеть которого — радость, чувствовать которого — благословение. И придут люди, объятые великим стремлением, которые не знают точно, чего они хотят. Но одно определено: того, что может дать этот мир, недостаточно.

Они хотят большего. Они желают того, что бессмертно, они хотят вечного, они хотят того, что божественно. Все обыденное не имеет для них никакого смысла; все, что смерть может отнять, не имеет для них значения. Они хотят отыскать нечто превосходящее смерть, что не может быть уничтожено смертью. Быть может, они не знают, чего на самом деле ищут, но услышав твое имя, они, должно быть, поспешили к тебе.

Все, кто не хочет жить иначе, чем научившись опять надеяться, научившись у тебя, о, Заратустра, великой надежде!

При виде тебя на ум приходит лишь одно слово, вновь и вновь: ты — великая надежда. Видя тебя, можно поверить, что человек способен достичь невообразимых высот, что человек способен проникнуть в глубочайшие бездны, что человек может достать до звезд, что человек может вместить всю вселенную, может расширить свое сознание до безграничности вселенной.

Все, кто не хочет жить... Они устали от обычной жизни: повседневности, рутины, механичности. Все, кто потерял надежду, придут к тебе, ибо до них долетел твой аромат.

...иначе, чем научившись опять надеяться, научившись у тебя, о, Заратустра, великой надежде!

"Пусть даже все вы, вместе взятые, — высшие люди, — отвечал Заратустра; — но для меня вы недостаточно высоки и сильны."

Король произнес в честь Заратустры все хвалебные слова. Лучше не скажешь. Что к этому можно добавить? Но Заратустре нет дела до того, что сказал о нем король. Его заботит то, в каком состоянии находятся король и остальные, ожидающие в пещере. Когда вы приходите к Мастеру, его не интересует, что вы говорите о нем; его больше интересует, кто вы такой.

"Пусть даже все вы, вместе взятые, — высшие люди, — отвечал Заратустра; — но для меня вы недостаточно высоки и сильны.

Для меня — это значит: для того неумолимого, что безмолвствует во мне, но не вечно он будет молчать".

Мое внутреннее безмолвие прекрасно знает, что вы весьма мелки. Ваши слова не обманут меня. Вот почему говорится, что Мастер мягок как лепестки розы и тверд как меч. Для того неумолимого, что безмолвствует во мне... вы недостаточно высоки и сильны. И мое безмолвие не всегда будет молчать. Приближается время, когда мое безмолвие разразится подобно грому и выльется через миллионы проявлений. Но эти проявления поймут лишь те, кто действительно имеет уши, чтобы слышать музыку тишины, кто имеет глаза, чтобы видеть самый чистый свет.

А если вы и не чужие мне, то не так близки, как правая рука моя... Даже если вы хотите стать близкими мне, вы не можете стать мне правой рукой. Вы не можете достичь этой близости, ибо с высоты мне видно, что вы слишком мелки. Вы научились произносить красивые слова. Да, вы чувствительны. Быть может, в вас теплится какое-то желание трансформации. Безусловно, вы под впечатлением места, в котором я обитаю, и вибраций, окружающих меня; но вы - не искатели. Вы пришли сюда из любопытства, а не из-за глубокого

желания преобразиться, превратиться в нового человека, сверхчеловека.

Ибо у кого, как у вас, больные и слабые ноги, тому, прежде всего, хочется, чтобы щадили его, сознает он это или же скрывает от себя. Вы хотите все получить бесплатно. Вы хотите быть счастливыми, вы хотите блаженства, вы хотите мира, вы хотите достичь вершин, но без всяких усилий. Это невозможно. Вам придется рисковать собой; не ждите пощады. Сознаете вы это или нет, но в глубине души вы хотите, чтобы вас щадили. Вы хотите просто присоединиться и получить все, не продвигаясь ни на сантиметр.

Но ни рук, ни ног своих не щажу я; не щажу своих воинов: так что непригодны вы к моей войне! Это битва — величайшая битва в жизни — превзойти себя, выйти за пределы самого себя, сделать себя ступенью лестницы, ведущей к высшим уровням сознательности.

Это война, и вы должны стать воинами.

Чистые, гладкие зеркала нужны мне для поучений моих; а ваша поверхность искажает даже мой собственный образ.

Чтобы иметь дело с человеком, подобным Заратустре, нужно быть готовым не обижаться — ведь такой человек не будет вежливым, он не будет придерживаться общественного этикета; он прямо скажет правду, задевает она вас или нет. А правда часто ранит — мы так долго жили во лжи, что правда стала для нас непривычной.

Заратустра говорит: Чистые, гладкие зеркала нужны мне для поучений моих; а ваша поверхность искажает даже мой собственный образ.

Я вижу: на ваших зеркалах полно пыли; вам нужна хорошая чистка. В таком состоянии вы не сможете начать великую революцию сознания. Первым делом нужно стереть всю пыль, что накопилась на вашем зеркале, на вашем сознании.

Вы только мосты: да пройдут по ним высшие на ту сторону! Вы — всего лишь ступени: так не гневайтесь же на того, кто поднимается по этим ступеням на свою высоту!

В действительности, он говорит об их собственном высшем "я". Он говорит: "Ты только мост. Ты должен быть пройден. Ты должен остаться позади; тот, кто пройдет по тебе, будет почти незнаком тебе, хотя он скрывался внутри тебя". Но вы никогда не бывали в этом внутреннем пространстве своего бытия. Вы не знакомы с самими собой. Вы не знаете даже своего адреса: кто вы, где вы?

Вы только мосты: да пройдут по ним высшие на ту сторону!

Эти высшие скрыты внутри вас. Вы — всего лишь ступени: так не гневайтесь же на того, кто поднимается по этим ступеням на свою высоту!

Быть может, из семени вашего и вырастет некогда истинный сын и настоящий наследник: но далеко еще до этого. Вы — не те, кто унаследует имя и достояние мое.

Нет! Нет! Трижды нет! Других жду я тут, в этих горах, и ни шагу не сделаю без них отсюда.

Он бросает им вызов: "Если хотите стать моими товарищами, спутниками, моей правой рукой, очистите свои зеркала. Станьте мостом для того трансцендентального, что скрыто внутри вас. Впустите этого странника, который всегда был внутри вас, и которого вы никогда не видели".

Я жду высших, сильных, победоносных, бодрых духом, у кого душа и тело — в гармонии: должны прийти смеющиеся львы! Недостаточно только радоваться моему присутствию; мне нужны смеющиеся львы. Радость пассивна. Радость должна стать активной, должна превратиться в смех, должна превратиться в танец.

Устремление не должно оставаться только в мыслях, в мечтах. Оно станет голодом, жаждой.

О, дорогие гости мои, вы, удивительные, вы ничего еще не слышали о детях моих? И что они уже в пути ко мне? Понять мистиков всегда трудно. Они говорят на своем языке. Им нет

дела до вашей грамматики и лингвистики. Они об этом не думают. Они бесполезны; мистикам приходится искать собственный язык, собственные способы выражения.

Заратустра говорит: О, дорогие гости мои, вы, удивительные, вы ничего еще не слышали о детях моих? Пока вы не станете моими детьми, пока вы не станете настолько невинны... Спуститесь с высот своей мудрости, спуститесь с высот своей учености! Вы — короли, Папы, святые — спуститесь с этих высот и будьте моими детьми: ведь на языке Заратустры ребенок — высшая ступень сознания.

Верблюд в самом низу, лев — в середине, а ребенок — последняя, высшая ступень. Верблюд должен стать львом, а лев должен стать ребенком. Таковы его символы — потому что верблюд рожден рабом, он всегда готов встать на колени и радостно принять груз. И миллионы людей находятся в этом состоянии верблюда.

Крайне редко верблюд поднимается и издает львиный рык — отказываясь быть рабом, отказываясь от поклажи. И еще реже лев становится таким невинным, как новорожденный младенец. Это высшая сознательность, самое чистое зеркало. И он говорит: вы ничего еще не слышали о детях моих? И что они уже в пути ко мне?

Говорите же мне о садах и блаженных островах моих, о новом и прекрасном потомстве моем. Почему молчите вы об этом? К чему говорить обо мне? Это напрасный разговор. Не тратьте время на то, чтобы восхвалять меня, лучше покажите самих себя. Говорите же мне о садах моих. Можно ли сказать, что вы — мой сад? Готовы ли вы стать моим садом? Говорите мне о детях моих. Готовы ли вы стать моими детьми? Говорите мне о блаженных островах — об индивидуальностях, цельных, абсолютно свободных, готовых взмыть в небо, к самым далеким звездам; о новом и прекрасном потомстве моем — о новом человеке, сверхчеловеке: Почему молчите вы об этом? — это будет разговор о вашем же будущем, разговор о ваших потенциальных возможностях. Такой разговор будет иметь смысл.

Этого подарка прошу я у любви вашей, чтобы вы говорили со мной о детях моих. Ради них богат я, ради них стал я беден: чего не отдал бы я, чтобы иметь одно... Я отдал все, чтобы в мир пришла новая раса людей. Говорите мне об этой новой расе. Будете ли вы ее частью? Готовы ли вы к этой великой революции? Это будет испытание огнем.

Я богат своими детьми, этой новой расой, и ради них я стал беден. Я живу один, ничего не имея. Я отверг все мирское, все так называемое "человеческое", потому что все это отвратительно; оно слишком обыденно, слишком повседневно и мелко. Я стал беден ради одного: чтобы создать пространство для новой, грядущей расы людей. Чего не отдал бы я ради нее!

Чего не отдал бы я, чтобы иметь одно: этих детей, эти живые насаждения, эти деревья жизни, порожденные волей и высочайшей надеждой моей! Не говорите обо мне; скажите о вашей готовности. Насколько вы готовы идти со мной? Или вы будете только смотреть, чтобы насытить свое любопытство? Вы собираетесь вернуться и рассказывать обо мне? Это все, или вы останетесь здесь? Пока не умрет старое и не родится новое... Готовы ли вы стать утробой для новой расы?

...этих детей, эти живые насаждения, эти деревья жизни, порожденные волей и высочайшей надеждой моей! Речь короля в его честь не впечатляла Заратустру. Вы не сможете произвести впечатление на Мастера, восхваляя его. Король превозносил его точно так же, как придворные восхваляют королей. Он произносил самые красивые слова, он старался изо всех сил, но невозможно обмануть человека, подобного Заратустре. Его глаза — как рентгеновские лучи, они проникают прямо в вашу сущность, в ваш сокровеннейший центр. Им нет дела до ваших слов; их интересуется только ваша сущность.

Его ответ может показаться грубоватым и жестким — ведь король говорил так

вежливо. Но для такого великого мастера, как Заратустра, вся эта вежливость, манеры, этикет — игра. Они уместны в миру, но не в уединении горной пещеры, где человек достигает высшей сознательности. Там ваши игрушки неуместны.

Король поступил бы правильно, если бы просто сел рядом с Заратустрой, коснулся его ног или положил голову на его ноги и оставался в безмолвии. Было бы правильно сесть рядом с Заратустрой и дать волю слезам, а потом высказать чувства, что переполняют его сердце: радость, счастье. Возможно, он стал бы танцевать, забыв обо всех манерах и придворном этикете.

Если бы он полностью отдался танцу, если бы он танцевал в таком исступлении, когда танцор исчезает и остается лишь танец, быть может, Заратустра ответил бы иначе — ибо тогда он стал бы одним из его детей, одним из его островов, деревом из его сада.

Тогда он исполнил бы надежду Заратустры: надежду о новой расе людей.

...Так говорил Заратустра.

О СМЕХЕ И ТАНЦЕ

19 апреля 1987 года

Возлюбленный Ошо,

О СМЕХЕ И ТАНЦЕ

Какой из грехов, совершенных здесь, на земле, до сих пор остается самым тяжким? Не слова ли того, кто сказал: "Горе смеющимся!"

Неужели он не нашел на земле причин для смеха? Значит, он плохо искал. Их находит даже ребенок.

Мало любви было в нем, иначе он возлюбил бы и смеющихся! Но он ненавидел и поносил нас, предвещая нам плач и скрежет зубовой.

Следует ли тотчас проклинать, если не любишь? Для меня это — дурной вкус. Но именно так поступал он, этот нетерпимый. Он вышел из черни.

Мало в нем было любви — иначе бы он не гневался, что не любят его самого. Всякая великая любовь желает не любви, она жаждет большего.

Сторонитесь таких нетерпимых! Это порода больных и несчастных, это чернь; кисло взирают они на жизнь, дурным глазом смотрят на землю.

Сторонитесь таких нетерпимых! У них тяжелые ноги и подавленные сердца: не умеют они плясать. Как же быть земле легкой для них!..

Этот венец смеющегося, венец из роз, сам возложил я на себя, и сам освятил смех свой. Больше никого не нашел я достаточно сильным для этого.

Заратустра — танцор, Заратустра — легок, он взмахивает крыльями и готов к полету, он зовет, за собой всех птиц, проворный и блаженно легкий.

Заратустра - пророк, Заратустра - смеющийся пророк, терпеливый, терпимый, влюбленный в прыжки и авантюры, сам я возложил на себя этот венец!..

О, высшие люди, вот ваше худшее: вы не учились танцевать так, как должно, — так, чтобы в танце выйти за пределы свои! Что с того, если вы — не удались!

Сколь многое еще возможно! Так научитесь же в смехе выходить за пределы, свои! Вы, лихие танцоры, выше и выше вздымайте сердца ваши! И не забывайте, как следует посмеяться!

Этот веночек смеющегося, этот веночек из роз: вам я бросаю его, братья мои. Смех объявил я священным: о, высшие люди, учитесь смеяться!..

Это мое утро, мой день загорается: вставай, поднимайся, Великий Полдень!

...Так говорил Заратустра, покидая пещеру свою, сияющий и сильный, словно утреннее

солнце, восходящее из-за темных гор.

Заратустра абсолютно прав, когда говорит: Какой из грехов, совершенных здесь, на земле, до сих пор остается самым тяжким? Не слова ли того, кто сказал: "Горе смеющимся!" Но так говорят все ваши так называемые святые, так говорят все ваши религии, все так называемые великие люди. И они говорят это не просто так.

Пожалуй, самая большая жестокость, сотворенная с человеком — то, что его сделали печальным и серьезным. Это было необходимо, потому что, если не сделать его серьезным и печальным, невозможно сделать его рабом — рабом во всех отношениях: духовно — рабом некоего вымышленного Бога, вымышленного рая и ада; психологически он тоже раб, потому что печаль и серьезность неестественны, их насаждают в ум, и ум разбивается на фрагменты, он рассыпается; физически он тоже раб, поскольку человек, не способный смеяться, не может быть по-настоящему здоровым и целостным.

Смех не одномерен; в нем есть все три измерения человеческого существа. Когда вы смеетесь, в этом участвует ваше тело, ум и сущность. В смехе исчезают различия, исчезают разделения, исчезает шизофреническая личность. Но это противно всем, кто желает эксплуатировать — королям, священникам, хитрым политикам. Все их усилия были направлены на то, чтобы сделать человека слабым, больным: сделайте человека несчастным, и он никогда не взбунтуется.

Отнять у человека смех — значит, отнять саму жизнь. Отнять у человека смех — значит духовно кастрировать его.

Вы замечали разницу между быками и волами? Они родились одинаковыми, но волов кастрировали. И пока вы не кастрируете их, вы не сможете заставить их с рабской покорностью носить тяжести, возить ваши телеги. Вам не удастся запрячь в телегу быка — бык очень силен, над ним не покомандуешь; он своеобразен, индивидуален. А вол — всего лишь далекий отголосок своей истинной сущности, всего лишь тень. Вы разрушили его.

Человека точно так же разрушили, чтобы создать рабов. Смех всегда осуждали — как детство, как ненормальность; вам разрешали, самое большее, улыбаться. Разница между улыбкой и смехом такая же, как между волем и быком. Смех тотален. Улыбка — всего лишь упражнение для губ; улыбка — просто маска вежливости. Смех не знает вежливости, этикета — он дик и прекрасен в своей дикости.

Но коммерсанты разного рода — бизнесмены от религии, от политики — все они согласны в одном: человека нужно сделать слабым, несчастным, нужно заставить его бояться, принудить его жить в какой-то паранойе. Лишь тогда он поклонится деревянным или каменным статуям. Лишь тогда он с готовностью будет служить любому, кто сильнее.

Смех возвращает вам энергию. Оживает каждая фибра вашего существа, каждая клеточка вашего существа начинает танцевать. Заратустра прав, когда говорит: самый тяжкий грех, совершенный на земле против человека — то, что ему запретили смеяться. Его последствия глубоки: если вам запрещено смеяться, то вам запретили радоваться, запретили петь праздничные песни, запретили танцевать от счастья.

Запретить смех — значит, уничтожить все прекрасное в жизни, все, что позволяет любить жизнь и достойно любви, все, что придает жизни смысл. Это наихудшая стратегия против человека.

Серьезность — это грех. И помните, серьезность не подразумевает искренности: искренность — абсолютно иное явление. Серьезный человек не может смеяться, не может танцевать, не может играть. Он всегда контролирует себя; его воспитали таким образом, что он стал собственным тюремщиком. Искренний человек может искренне смеяться,

искренне танцевать, искренне веселиться. Искренность не имеет ничего общего с серьезностью.

Серьезность — просто душевная болезнь, и только душевнобольного можно обратить в раба. А всем коммерсантам нужно не бунтующее человечество, а послушное, очень старательное, почти нищее, чтобы сделать из него рабов.

Неужели он не нашел на земле причин для смеха? Значит, он плохо искал. Их находит даже ребенок.

На самом деле, только дети смеются и хохочут, а взрослые считают: ну, раз они еще неразумные дети, их можно простить: они еще не цивилизованны, они еще примитивны. Все усилия родителей, общества, учителей, священников направлены на то, чтобы сделать их цивилизованными, сделать их серьезными, заставить их жить подобно рабам, а не как независимые индивидуальности.

От вас не ждут собственного мнения. Вы просто должны быть христианином, индуистом или мусульманином; вы должны стать коммунистом, фашистом или социалистом. От вас не ждут собственного мнения; никто не ждет, что вы будете самим собой. Вам дозволено стать частью толпы, а быть частью толпы — все равно, что стать спицей колеса. Вы совершили самоубийство.

Заратустра спрашивает: "Неужели вы не можете найти на земле ничего такого, что заставит вас смеяться, танцевать, радоваться? Даже ребенок может найти причины для всего этого". Но ваш ум так наполнен всякими предрассудками, что ваши глаза почти ослепли, сердце почти умерло; вы превратились в живые трупы.

Мало любви было в нем, иначе он возлюбил бы и смеющихся! На самом деле, человека, который умеет смеяться тотально - утробным смехом — не очень-то уважают в обществе. Вы должны ходить с серьезным видом; это знак того, что вы цивилизованы и нормальны. Смех — для детей, ненормальных или дикарей.

Я не могу вообразить, чтобы Иисус когда-либо не смеялся. Конечно, он не мог смеяться на кресте; для этого нужен гораздо более великий человек — может быть, Заратустра - поскольку были люди, которые смеялись даже на кресте. Пойдите в любую церковь и посмотрите на распятие. Естественно, он серьезен, и его серьезность наполняет всю церковь; смех здесь неуместен. Нигде нет упоминаний, что Иисус когда-нибудь смеялся; ясное дело, что единственный рожденный сын Божий должен быть очень серьезен. Ведь никто не слышал, чтобы Бог смеялся.

Иисус никогда не смеялся, потому что он был полон ожиданий; и все эти ожидания обращались в разочарования. Даже на кресте он ждал чуда — что с облаков спустится рука и снимет его с креста, и миру будет доказано: "Я не могу смотреть, как распинают моего единственного рожденного сына. Я послал его спасти вас, а вы обошлись с ним так дурно. Ваше поведение непростительно".

На кресте он кричал, смотря на небо, где ничего не происходило: "Отец, ты оставил меня? Неужели ты забыл меня?" Естественно, такой человек не может смеяться. Его жизнь будет сплошным разочарованием. Он ждет слишком многого.

Дети смеются потому, что ничего не ждут. Поскольку они ничего не ждут, у них есть ясность зрения — а в мире полно абсурда, нелепости. Люди так часто падают, поскользнувшись на банановой кожуре, что ребенок не может не видеть этого! Именно ожидания закрывают наши глаза подобно покрову.

Поскольку все религии против жизни, они не могут одобрять смех. Смех — неотъемлемая часть жизни и любви. Религии против жизни, против любви, против смеха, против радости; они против всего того, что может превратить жизнь в невероятное блаженство и

благословение.

Своей антижизненной позицией они полностью разрушили человечество. Они вытянули из человека все соки; а их святые стали примерами для подражания. Их святые — просто сухие мумии: они постятся, всячески истязают себя, ищут все новые способы и средства, чтобы мучить тело. Чем больше они истязают себя, тем выше почитание. Они нашли лестницу, путь к все большему и большему уважению: истязайте себя, и люди станут поклоняться вам и запомнят навеки.

Самоистязание — это психическая болезнь. В нем нет ничего достойного поклонения; это медленное самоубийство. Однако мы веками поддерживали это самоубийство, потому что в наших умах утвердилось представление, что тело и душа — враги. Чем больше вы мучаете тело, тем вы духовнее; чем больше удовольствий, наслаждений, любви, смеха вы позволяете телу, тем менее вы духовны. Эта двойственность - основная причина, по которой смех исчез из человечества.

Мало любви было в нем, иначе он возлюбил бы и смеющихся! Но он ненавидел и поносил нас, предвещая нам плач и скрежет зубовный.

Я видел церковную живопись европейского средневековья... Задачей проповедников было заставить людей до смерти бояться адского пламени и мук, ожидающих их в аду. Они настолько ярко и живо расписывали все это, что многие женщины падали в обморок. Самым лучшим проповедником считался тот, кто доведет до обморока больше всего людей - таким способом определяли лучших проповедников.

Вся религия основана на простой психологии: при слове "ад" увеличивается страх, при слове "рай" увеличивается жадность. Тот, кто наслаждается на земле, попадет в ад. Естественно, человек начинает бояться — ведь за эти скромные удовольствия, за какие-то семьдесят лет, он вечно будет страдать в аду.

Это была одна из причин, почему Бертран Рассел отказался от христианства и написал книгу "Почему я не христианин". Он говорил: "Первое, что подтолкнуло мое решение — это абсолютно несправедливая идея, что за свои незначительные грехи я могу быть осужден на вечное наказание". Он добавлял: "Если бы я перечислил все грехи, которые совершил, и прибавил к ним те грехи, о которых только думал - но не совершил, — самый строгий судья не дал бы мне больше четырех с половиной лет тюрьмы. За эти небольшие прегрешения я не страдал бы вечно. Разве это справедливо? Такое впечатление, что между преступлением и наказанием нет никакой связи".

И затем он начал вглядываться в христианскую теологию. Он был поражен: в ней оказалось столько абсурда и чепухи, что, в конце концов, он решил — оставаться христианином может только трус. Он отрекся от христианства и написал очень важную книгу, "Почему я не христианин".

И вот прошло уже шестьдесят или семьдесят лет, а ни один христианский теолог не ответил на эту книгу. В действительности, на нее вообще нельзя ответить — как вы можете оправдать такое? Ведь по христианскому учению у человека есть только одна жизнь. Если бы это был индуизм, тогда можно было бы найти какие-то оправдания: возможно, за миллионы лет можно накопить столько грехов, что вечное наказание покажется вероятным. Но в христианстве, иудаизме или мусульманстве эта идея абсолютно нелепа. Человек с умом Бертрана Рассела... Папы и все знаменитые христианские теологи всего мира просто помалкивают.

Они осудили Бертрана Рассела, объявив, что он попадет в ад. Но это не аргумент. Если ад и рай на самом деле существуют, ад гораздо более приятное и здоровое место, чем рай: ведь в раю окажутся все эти мумии, безобразные иссохшие создания, которые назывались святыми,

истязая себя. Это не то место, на которое стоит посмотреть.

В аду вы встретите всех поэтов, художников, скульпторов, мистиков, всех тех людей, общество которых — настоящее счастье. Вы найдете там Сократа, вы встретите там Гаутаму Будду — индуисты швырнули его туда за то, что он не верил в Веды, на которых зиждется вся индийская религия. Вы найдете там Махавиру, потому что он не верил в индийскую систему каст; он осуждал ее. Вы встретитесь с Бодхидхармой, Чжуан-цзы, Лао-цзы. Вы найдете там всех великих людей, обогативших жизнь — всех великих ученых и художников, которые сделали землю хоть немного прекраснее.

Что хорошего сделали ваши святые? Они — самые бесполезные люди, самые никчемные. Они были бесполезным грузом, и они были паразитами; они высасывали кровь, несчастных людей. Они истязали себя и учили этому других; они распространяли психологическую заразу.

Если земля настолько больна, если человечество так печально, то все это — заслуга ваших святых. На небесах вы найдете всех этих уродливых созданий, всех осуждающих, которые не умеют любить, не умеют смеяться, не знают, как петь, как танцевать — которые не могут допустить, чтобы человечество получало какие-то удовольствия, даже самые невинные. Страдание кажется духовным, а наслаждения — материалистичными.

Современной психиатрии абсолютно ясно, что эти святые были шизофрениками. Им не нужно поклоняться. Если вы где-нибудь повстречаете их, немедленно ведите в психбольницу — их нужно лечить. Они не здоровы; само их существование тошнотворно. Но они всегда были вождями человечества, и они довели все человечество до тошноты, они создали тошнотворную атмосферу.

Следует ли тотчас проклинать, если не любишь? Для меня это — дурной вкус. Но именно так поступал он, этот нетерпимый. Он вышел из черни. Эти святые абсолютно бескомпромиссны. Они даже не станут ничего слушать. Они боятся слушать, ибо в глубине души сами сомневаются в своей жизни, в своей религии.

Я уверен, что где-то, глубоко в уме, Иисус должен был сомневаться: действительно ли он — единственный рожденный сын Божий? Я не могу себе представить... В самом деле, чем больше он повторяет это, тем яснее становится: это повторение — не что иное, как подавление сомнений. Если он не повторяет эти слова, ему страшно: его сомнение могут заметить. Он убеждает не вас, он убеждает в основном самого себя.

Это порочный круг: люди убеждают других, чтобы убедить себя. Когда Иисус видит: некоторые люди поверили, что он действительно единственный рожденный сын Божий, его собственное сомнение подавлено глубже. Его убеждает убежденность других. И ему приходится повторять это все время, потому что сделать долгий перерыв опасно: во время этого перерыва сомнение может возникнуть снова.

Даже у самых великих из так называемых верующих есть глубокие сомнения относительно Бога. На самом деле, вера нужна только для того, чтобы подавить сомнения; у веры нет никакой другой функции. Вы не верите в солнце, не так ли? Вы никогда не кричите с крыш: "Я верю в солнце!", или: "Я верю в розу", или: "Я верю в луну". Люди скажут: "Слезай и займись делом. На что ты тратишь время? Мы тоже верим в солнце, мы тоже верим в цветы... нет проблем. Никого не нужно в этом убеждать".

Однако Иисус говорит своим последователям: "Кричите с крыш, что пришел пророк, которого все ждали. Убеждайте людей, что ваш учитель — единственный рожденный сын Божий, что он принес послание прямо от Бога. Идите в самые далекие концы земли и убеждайте людей". Только при наличии сомнений, подозрений нужны убеждения, вера. Я неверующий, ведь то, что есть, не нуждается в вере. То, что есть, нуждается в знании, а не в вере.

Все верующие обманывают себя. Атеисты лучше верующих, но ненамного, потому что атеизм — тоже разновидность веры: негативная вера. Атеист не знает, что Бога нет — точно так же верующий не знает, что Бог есть. Верующие выбрали позитивную веру. У кого-то негативный ум — он выбирает негативную веру. Но, кажется, никто не понимает тот простой факт, что честный человек не может иметь никакой веры.

Если есть сомнение, то это здоровое явление: сомнение расшевелит вас, заставит пойти на поиски, пуститься в паломничество. Сомнение — это вопрос, это исследование. Оно приведет вас к истине. И в момент знания вопрос о вере не возникает. Вы просто знаете. Но все так называемые святые, теологи, священники всегда были бескомпромиссны. Их бескомпромиссность дошла до вполне логической крайности — они не желают даже слышать ничего, что противоречит их вере.

В джайнизме и индуизме есть писания, в которых говорится то же самое. Интересно, кто были эти религиозные люди? В джайнизме есть одно писание, в котором говорится: "Даже если за вами гонится бешеный слон и смерть неминуема, и вы можете спасти жизнь, только убежав в индуистский храм, знайте: лучше умереть, лучше быть убитым бешеным слоном, чем искать прибежища в этом храме". Какая бешеная бескомпромиссность!

То же самое повторяется в индуистских писаниях. В точности то же, слово в слово: "Лучше умереть, лучше быть убитым бешеным слоном, чем войти в джайнский храм, чтобы спасти свою жизнь".

Неужели это религиозные люди? Неужели это религиозные писания? Какой вред может причинить джайнский храм индуисту? Какое зло может принести джайну индуистский храм? Вред в том, что вы можете услышать нечто противное вашей вере, что может поколебать вашу веру. Лучше умереть... но остаться непоколебимым в своей вере. Но, по-моему, вера, которую можно поколебать, не имеет никакой ценности. Любую веру можно нарушить, пока это не станет вашим знанием — но тогда это не называется "вера".

...этот нетерпимый. Он вышел из черни. Толпа живет на низшем уровне сознания.

На днях я получил повестку из Канпура. Десять христианских обществ затеяли против меня тяжбу, потому что я сказал, что в Святой Библии есть порнографические места.

Вместо того чтобы заглянуть в Святую Библию — десять христианских ассоциаций, практически все христиане Канпура... Я не могу поверить: неужели человек вышел из примитивного состояния; или он все еще дикарь? Это не мои слова! В Святой Библии пятьсот страниц порнографии. В суде мне не придется спорить; нужно всего лишь почитать Святую Библию.

Если у них есть какой-то разум, они должны были потребовать, чтобы эти пятьсот страниц удалили из Библии. Если бы была хоть капля понимания... Но понимание крайне редко. Это толпа — отсталая, неразумная.

Несколько дней назад здесь звучали слова Заратустры: "В тот великий полдень, на величайшем пике человеческой эволюции, когда родится сверхчеловек, почти как бог, он будет стыдиться своих одежд; ему будет стыдно прятаться. Он будет подобен открытой книге". Если вы встретите где-нибудь Заратустру, скажите ему, пожалуйста: "Не давай твоему богу ходить в Пуны! Полиция Пуны не позволит твоему богу стыдиться своих одежд".

Эти пигмеи, не обладающие никаким разумом, постоянно пытаются указывать человечеству. И не только Святая Библия — индийские писания тоже полны порнографии, но ни один индуист не обращает на это внимания. Порнография присутствует не только в писаниях: в храмах Каджурахо, Пури, в Конараке вы увидите такую порнографическую скульптуру, что это почти невероятно. Что же это за люди, что же это за ум, насколько же он подавлен?.. Целые храмы, тысячи статуй, таких безобразных — вам, быть может, и не

снилась такая порнография.

Людям разрешено мечтать; по крайней мере, существует еще свобода снов! Свободы слова нет нигде. Но если вы поедете в Каджурахо, Пури или Конарак, вы не поверите своим глазам. Какой же больной ум надо иметь, чтобы сделать эти статуи?! В них изображены все виды группового секса, всевозможные оргии. На постройку этих храмов должны были уйти сотни лет. Но никто не протестует. А если вы будете протестовать, вы заденете чьи-то религиозные чувства — вам немедленно пришлют повестку в суд.

Если я сказал что-то не так, эти люди могли бы сделать заявление, написать статью в журнал или предложить мне дискуссию: "Мы не находим в Библии никакой порнографии". А то, что они побежали в суд, просто знак их слабости, просто показывает, что они просто ищут поддержки властей, правительства.

На днях мне сообщили о другом деле... За тридцать лет против меня велось столько дел! Ни в одном судебном разбирательстве они не смогли ничего доказать, потому что в их писаниях есть все, о чем я говорил.

Если они хотят выдвинуть против кого-то обвинение, им следовало бы обвинить эти писания и тех, кто их издает. Эти писания следовало бы сжечь.

На днях верховный судья в Симле — должно быть, это очень разумный человек, — сказал человеку, утверждавшему, что все население Гимачал Прадеш, все индуисты, живущие в этом штате, очень оскорблены моими словами:

— Я тоже живу в Гимачал Прадеш, я тоже индуист, но я не чувствую никакого оскорбления. Так что не говорите за всех индуистов Гимачал Прадеш. Говорите о себе. Вы не являетесь представителем всего штата. Я тоже живу здесь, и я не в обиде. А эта книга опубликована двадцать лет назад. Где вы были все эти двадцать лет?

Она выходила многими изданиями почти на всех языках мира.

Судья посмотрел на книгу. На ней стояла печать публичной библиотеки Симлы, и он спросил этого человека:

— Вы записаны в этой библиотеке?

— Нет, — ответил тот. Судья сказал: — Тогда откуда у вас эта книга? Вы украли ее? Это не ваша книга.

Этот человек промолчал. Должно быть, он украл ее!

Хорош индуист, хороши религиозные люди! А моя книга была посвящена только тому, как трансформировать сексуальную энергию в духовную. Я не думаю, что это может обидеть какого-нибудь религиозного человека. Он должен быть счастлив.

Судья спросил его... Этот человек постоянно твердил: "Наши религиозные чувства оскорблены, поскольку этот человек говорит, что можно достичь самадхи через секс"... Судья спросил:

— А вы пробовали? Если вы не пробовали, на каком основании вы утверждаете, что этот человек неправ? Сначала попробуйте, а потом говорите!

Какое отношение это имеет к индуизму? Сексуальная энергия есть сексуальная энергия, будь вы индуист, христианин или мусульманин — она не имеет никакого отношения к религии. И если кто-то говорит, что есть способ трансформировать ее в духовность, вы должны быть счастливы - вместо того, чтобы злиться и требовать немедленно арестовать этого человека.

Но найти такого разумного судью чрезвычайно трудно, потому что судьи тоже выходят из черни. И они понимают, что их суждения не должны противоречить толпе, их приговоры не должны противоречить политике партии, стоящей у власти.

Мало в нем было любви — иначе бы он не гневался, что не любят его самого. Всякая великая любовь желает не любви, она жаждет большего.

Великая любовь не жаждет любви — в ней нет необходимости. Она уже — великая любовь. Она желает большего, еще более высокого, чем любовь — молитву или медитацию.

Любовь очень близка медитации; и все же присутствует другой, сохраняется зависимость друг от друга. Полная свобода невозможна — вообразима, но невозможна. Лишь в медитации, когда вы один и переполнены любовью, приходит свобода, приходит невыразимая любовь.

Великая любовь желает не любви, она жаждет большего. Она уже познала любовь, теперь она жаждет превзойти даже любовь. Она хочет шагнуть еще выше.

Любовь — это последний шаг.

За ней начинается мир божественного.

Сторонитесь таких нетерпимых! Это порода больных и несчастных, это — чернь; кисло взирают они на жизнь, дурным глазом смотрят на землю.

Сторонитесь таких нетерпимых! У них тяжелые ноги и подавленные сердца: не умеют они плясать. Как же быть земле легкой для них!

В тот день, когда человек забывает смех, когда он разучится играть, танцевать, он перестанет быть человеком; он пал, превратился в недочеловека. Способность играть делает его легким; любовь делает его легким; смех дает ему крылья. Радостно танцуя, он может коснуться самых далеких звезд, может познать величайшие тайны жизни.

Этот венец смеющегося, венец из роз, сам возложил я на себя, и сам освятил смех свой. Больше никого не нашел я достаточно сильным для этого. Все мистики чувствовали себя очень одинокими — их высота делает их одинокими. Толпа живет в долинах, в темных пещерах. Эти люди никогда не выходят из своих нор.

Заратустра — танцор, Заратустра — легок, он взмахивает крыльями и готов к полету, он зовет за собой всех птиц, проворный и блаженно легкий.

Заратустра - пророк, Заратустра - смеющийся пророк, терпеливый, терпимый, влюбленный в прыжки и авантюры, сам я возложил на себя этот венец!

О высшие люди, вот ваше худшее: вы не учились танцевать так, как должно, — так, чтобы в танце выйти за пределы свои! Что с того, если вы — не удались!

Лучше проиграть в великом, чем победить в малом — вы, по меньшей мере, попытались! Даже поражение в деле превосходения самого себя — это великая победа. Само стремление, сама попытка приносит вам преобразование.

Чтобы в танце выйти за пределы свои! Это сущность учения Заратустры. Он объявляет себя смеющимся пророком.

Сколь многое еще возможно! Так научитесь же в смехе выходить за пределы свои! Вы, лихие танцоры, выше и выше вздымайте сердца ваши! И не забывайте, как следует посмеяться!

Этот венок смеющегося, этот венок из роз: вам я бросаю его, братья мои. Смех объявил я священным: о, высшие люди, учитесь смеяться!

Это мое утро, мой день загорелся: вставай, поднимайся, Великий Полдень!

...Так говорил Заратустра, покидая пещеру свою, сияющий и сильный, словно утреннее солнце, восходящее из-за темных гор.